

В МИРЕ КНИГ

4 89

ISSN 0321—0561

„Диктатура пролетаріата“ въ Россіи.

наброски съ натуры Ю. К. Арцыбушева.

Политическіе дѣятели на засѣданіяхъ совѣтовъ раб., солд. и крест. депутатовъ, учредительнаго собранія, крестьянскихъ съѣздовъ и проч. въ декабрѣ 1917 и въ январѣ 1918 г.г.

Москва.
Изд. т-ва І. Кнебель.

«Альбом Ю. Арцыбушева «Диктатура пролетариата» представляем на с. 33

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В МИРЕ КНИГ

Ежемесячный журнал Государственных комитетов СССР и РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Издается с сентября 1936 года

Сдано в набор 30.01.89
Подписано в печать 02.03.89
А03207
Формат 84×108/16
Бумага Знаменская 100 гр
Печать глубокая и офсетная
Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42
Усл. кр.-отт. 21,42
Уч.-изд. л. 11,99+1,39 вкладка
Тираж 151 000.
Заказ 7.
Цена 90 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
129272 Москва
Сущевский вал, 64
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК:
281-50-98

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфкомбинат Госкомиздата СССР.
170024, г. Калинин, проспект Ленина, 5

Содержание

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться на Калининский полиграфкомбинат по адресу, указанному в выходных сведениях.
Всеми вопросами подписки и доставки занимаются предприятия «Союзпечати».

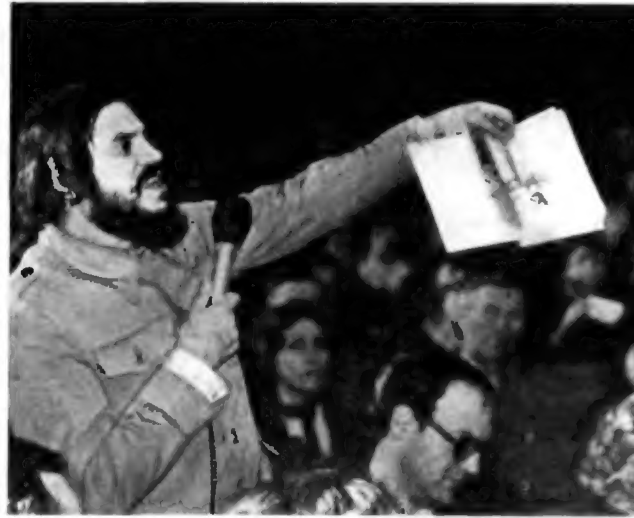

ФОТО В. МИТИНА

Москва. Страстной бульвар, дом 5 — адрес Госкомиздата СССР. В этом же здании отныне располагается Общественный институт книги — постоянно действующий орган читательской общественности.

СТРАСТЬ — душевный порыв, нравственная жажда; необузданное хотенье (по словарю Даля).

Первый в нынешнем году номер газеты «Известия» привлек внимание многих призывным заголовком: «Кто бросит перчатку Госкомиздату?» Автор заметки убеждал читателей: «Не надо думать, что это новогодний розыгрыш. Госкомиздат в прямом смысле открывает свои двери для критики положения в книгоиздательском деле». Не только критиков, но и конструктивных оппонентов, как выяснилось, ждали в определенный день и час в конференц-зале особняка на Страстном, чтобы с их помощью создать Общественный институт книги, а под его эгидой — «банк идей», направленных на максимальное удовлетворение читательского спроса, совершенствование книгоиздания в стране.

Любое министерство, хотим мы этого или нет, пока учреждение строгое и даже чопорное. Госкомиздат СССР не был исключением из этого правила... до январского вечера, которым мимо сотрудников вневедомственной охраны вступили за его порог несколько сотен людей раскованных, шумных, увлеченных. Одним словом — книголюбов. Они шли меньше слушать, больше говорить, спорить и ниспровергать. Кого и что? Им казалось, что ответ на вопрос однозначен — «чудовище административно-командной системы в лице Госкомиздата.»

Такое настроение существенной части собравшихся не было неожиданным для организаторов встречи. Об этом откровенно сказал, подойдя к микрофону, председатель Госкомиздата СССР Михаил Федорович Ненашев: «В сознании людей сейчас существует стереотип: любое министерство и ведомство — антидемократический бастион. Стереотип этот достаточно прочен, но мы должны его разрушить... конкретной, содержательной демократической деятельностью этих министерств и ведомств. Все, кто относится серьезно к перестройке, обязаны помнить, что одним из ее принципиальных направлений является преодоление отчуждения между людьми и их отчуждения от активной общественной и государственной деятельности. Управленцам необходимо отвыкать думать и творить за людей, а привыкать думать, решать и творить вместе с ними. Из этого мы исходили, принимая решение об организации Общественного института книги».

...Песочные часы и мелодичный гонг были призваны «регулировать во времени» активность тех, кто стремился высказаться. Но на эти «академические атрибуты» мало кто обращал внимание. Очередь к микрофонам выстроилась длинная. Во время монологов зал редко взрывался аплодисментами, чаще терпеливо молчал или непарламентски, шумом, выражал свое отношение к сказанному, мешая стенографисткам исправно делать свое дело.

Руководители центральных издательств, научно-исследовательских и технических служб, книготорговых подразделений вели, так сказать, свой протокол встречи с тем, чтобы оперативно оценить степень полезности высказанных предложений и... раздать призы достойным. Время от времени специалисты не выдерживали роли бесстрастных слушателей и судей, вступали в активный диалог с довольно «самоуверенными» и голосистыми ораторами. Такие моменты, пожалуй, наиболее запомнились, ибо позволяли аудитории расширить свой кругозор, увидеть реальную глубину книгоиздательских проблем и соизмерить с «действительной картиной мира» свои представления о ней.

* * *

Голос из зала: Не надо нас дразнить. Зачем Андрея Белого или Всеволода Иванова издавать мизерным тиражом? Пусть такая книга стоит дорого, книголюба это не остановит, лишь бы ее смог приобрести каждый желающий.

В. Адамов — директор издательства «Книга»: Как не согласиться с тем, что Белого надо бы издать трехсоттысячным тиражом и Иванову тираж раз в десять увеличить. Но когда же в таком случае мы сможем выпустить Карамзина, Ахматову, — на них ведь в таком случае бумаги уже не останется.

Голос из зала: Я говорил не об этом, а о системе заказов и о договорных ценах.

В. Адамов: Наше издательство планирует уже в этом году взять на свой баланс магазин и торговать в нем дефицитной литературой по предварительным заказам и по комиссионным ценам.

* * *

Голос из зала: Выходит масса литературы, о которой мы ничего не знаем. Издательства должны информировать общественность о своих планах на два — три года вперед. В таком случае можно будет установить тиражи по авансированным заказам.

А. Курилко — директор издательства «Книжная палата»: Мы уже выпускаем такой сводный тематический план, но ограниченным тиражом. Остановка, как всегда, за бумажными ресурсами.

Ю. Торсуев — директор НПО «Книжная палата»: Мне, как и многим издателям, по душе предложения «облегчить путь читателя к книге». Я поддерживаю и организационный метод достижения этой цели: открытая подписка, авансированный заказ на любые издания. Но в нынешних условиях, к сожалению, это пока утопия — ни бумаги, ни полиграфических мощностей для этого нет.

Шум в зале. Возгласы: А на Пушкина смогли провести подписку без лимита?! На Маяковского тоже получилось!

Торсуев: Думаю, что безлимитная подписка на нескольких классиков — не ар-

СТРАСТИ НА СТРАСТНОМ

гумент в нашем споре. Мне лично этот эксперимент вообще кажется неудачным. Том Пушкина наверняка был почти в каждой семье. В условиях дефицита мы просто спровоцировали новый огромный и *ничем не оправданный* спрос. Так что же, надо ничего не менять, сидеть и ждать улучшения объективных условий? Нет, конечно. Открытая подписка нужна. Думается, что на таких условиях уже в ближайшее время могла бы выпускаться вся литература для специалистов.

* * *

Диалоги «профессионалов» и любителей могли все же увести первую сессию Общественного института книги в сторону от главной цели: накопить «банк идей». Такую тенденцию вовремя заметил ведущий встречи, начальник Главного управления пропаганды В. Л. Богданов и призвал издателей — членов жюри более конструктивно воспринимать предложения, тем более, что постепенно в них даже «невооруженным глазом» стали проглядываться вполне реализуемые идеи. Судите сами. Перед вами выписка из рабочей стенограммы:

«...Создать акционерное общество «Книга». При разработке целевых издательских программ привлекать читателей в качестве пайщиков.

...Снять тиражные ограничения при издании книг за свой счет при условии, если автор сам изыщет бумажные резервы.

...Открыть счет в банке на развитие книгоиздания с правом преимущественной покупки книг для вкладчиков.

...Создать Всесоюзный клуб потребителей книги.

...Внедрить систему издания книжных текстов на микрофишах, наладить выпуск аппаратуры для их воспроизведения.

...Организовать закупку букинистической литературы на дому.

...Проводить межиздательские аукционы по продаже бумаги.

...Создать Всесоюзный молодежный книжный центр для проведения премьер книг, выпуска пробных тиражей.

...Изучать конъюнктуру книжного рынка, определять рейтинги популярности отдельных изданий и авторов.

...Ввести две цены на книгу: более низкую — для массовых библиотек, выше — для индивидуальных покупателей.

...Хватит запретительства. Дать возможность читателю библиотеки за свой счет получить ксерокопию отдельных страниц или книги в целом...»

Несколько часов продолжалась первая сессия Общественного института книги. Подустали ораторы и слушатели, но накал страстей от этого не снизился. Ах, как хотелось многим из выступавших «одним взмахом кавалерийской шашки» разрубить «гордиев узел» книгоиздательских проблем. Не удалось. Почему же тогда на их лицах не было заметно разочарования? Думается, что причиной тому стала сама атмосфера встречи — неформальная, нелицеприятная, нетерпимая в первую очередь к пассивности, а не к ошибкам тех, кто ищет новые пути.

Пройдет какое-то время и мы узнаем о том, что некоторые предложения «общественных экспертов» реализованы. Будем надеяться на скорейшее их внедрение в практику.

Посмотрев друг другу в глаза, издатели и читатели в целом и в главном остались друг другом довольны. Они почувствовали себя не разделенными на «мы» и «они». «Первое, что еще раз подтвердилось на этой встрече, — резюмировал ее итоги М. Ф. Ненашев, — в издательском процессе отсутствует самая элементарная гласность. Значит, задача управленцев — всерьез задуматься, как сделать широко доступной информацию обо всем, что планируется к выпуску. Второй вывод — о необходимости расширения всех форм издательской деятельности в стране: содействие выпуску книг вузами, ведомствами, общественными организациями, развитие «периферийных» издательств. Понятно, что книжный дефицит является составной частью общего состояния нашего рынка. Покончить с нехваткой книг было бы гораздо легче на фоне изобилия всяческих иных товаров. Тем не менее существует немало резервов, и привести их в движение — самая неотложная задача».

Ко времени, когда читатели получат этот номер журнала, в Общественном институте книги пройдут еще две ежемесячные сессии. Организаторы постарались темы дискуссии на них конкретизировать, локализовать и сформулировали их так: «Перестройка книжной торговли и книгораспространения» и «О взаимоотношениях авторов с издателями». Даст ли это более ощутимые результаты? Наверное. Если к обсуждению волнующих проблем подключатся и заочные «члены-корреспонденты» института — подписчики «В мире книг». Свои предложения и программы можно направлять как в адрес ОИК, так и непосредственно в редакцию журнала.

Февральская и мартовская встречи состоялись без очного участия наших иногородних корреспондентов. Но в будущем желающие могут ликвидировать такую «несправедливость» и специально или по случаю прибыть на Страстной бульвар, пятого апреля, третьего мая или седьмого июня, когда будут последовательно обсуждаться следующие вопросы: «Как решить проблему детской книги», «Какой должна быть массово-политическая литература».

И последняя «информация к размышлению»: «Коллегия Госкомиздата СССР утвердила «Положение об Общественном институте книги», в котором среди прочих положений записано, что «одной из главенствующих задач ОИК является формирование механизма общественного воздействия на процесс перестройки книгоиздания, установление действенной обратной связи от читателей к книгоиздателям».

От нас с вами, уважаемые товарищи, зависит, чтобы все это не осталось лишь красивым лозунгом.

Аркадий БЕДЕРОВ

ТЕЛЕМОСТ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Событие это произошло несколько месяцев назад. Телезрители стали свидетелями советско-американского диалога, впервые посвященного «перспективам книги». Не является ли бурное развитие новых технических средств передачи информации угрозой для книжной культуры вообще! На этот и другие вопросы отвечали участники телемоста «Ленинград — Вашингтон». Свою точку зрения высказали:

Джек Рейнолдс: Книга подвержена влиянию двух основных факторов: развитие новой техники передачи информации и угроза физического уничтожения в результате стихийных бедствий, разрушения с течением времени. Сохранение книг и рукописей — это важнейшая задача. Мы постоянно разрабатываем новые методы хранения и реставрации книг.

Леонид Золотаревский: К сожалению, бедствия постигали и постигают наши крупнейшие книгохранилища. Никто избежать этого не может, хотя инженеры, физики и химики разрабатывают и применяют сегодня эффективные методы хранения и реставрации книжного фонда. Я предлагаю уделить внимание «угрозе», существующей для нашей книжной культуры со стороны средств массовой информации.

Дмитрий Лихачев: Думаю, что развитие средств массовой информации не ведет к уничтожению библиотек, а наоборот, в какой-то мере, поднимает их значение, так как средства массовой информации постоянно обращаются к книгам. Я не представляю себе такой информации, которая была бы полностью оторвана от печати.

Л. З.: И тем не менее, Дмитрий Сергеевич, в реальной жизни телевидение, видеокассеты, видеодиски и другие визуальные средства отодвигают книгу на второй план...

Д. Л.: Я думаю, что с этой реальностью мы должны как-то бороться.

Дэниэл Бурстин: Наши советские друзья, как и мы, с энтузиазмом принимают новую информационную технику, но надо сказать, что сама книга — есть высочайшее достижение техники, предохраняющее человеческие знания от забвения, от разрушения; способ сохранения человеческого интеллекта, плодов его деятельности на протяжении столетий и на огромных территориях.

Дэниэл Аарон: Мы получили прекрасные электронные средства информации, но за это нужно платить. Бессмысленно отрицать прогресс, хотя он и несет в себе определенную угрозу. Интересно, что основатель публичных библиотек в Америке Бенджамин Франклин первым приветствовал новую технику, которая появилась еще при его жизни и обеспечивала более удобный доступ к книгам, сокращала временные затраты на поиски материала. Он не видел противоречий между функцией книги и новой техникой.

Ирина Морозова: Меня не пугает конкуренция книге. В читальных залах крупных библиотек нелегко найти свободное место, несмотря на то, что существуют дискотеки, работают телевидение и радио.

Библиотека Конгресса США и Государственная библиотека им. В. И. Ленина владеют неоценимыми богатствами. Они принадлежат отдельным странам, но, кроме того, всему миру. Мы с удовольствием отмечаем прогресс американских библиотек, разрабатываем свои программы, которые, к сожалению, не так быстро реализуются, как нам бы хотелось.

Л. З.: Ирина Васильевна, вы говорили о высокой посещаемости читальных залов крупных библиотек. Вы убеждены, что такая же ситуация царит в маленьких городах Советского Союза, в сельских библиотеках?

И. М.: Думаю, что, если бы эти библиотеки располагали фондами, которые нужны сегодня людям, то они бы не пустовали.

Вилли Петрицкий: Полагаю, что проблема здесь заключается и в том, что мы в какой-то мере утратили культуру чтения. Это касается и Соединенных Штатов и Советского Союза. И воспитать ее в людях — это задача номер один как для библиотечных работников, так и для всех, кто любит книгу.

Д. Л.: Раньше в России обычно вечерами устраивались семейные чтения, причем, от отца или матери, знавших своих детей, часто зависел выбор книги. Вот это очень важный момент. И то, что чтение производилось отцом или матерью, имело огромное воспитательное значение. Сейчас эта традиция практически исчезла. На смену ей пришли совместные телевизионные просмотры. Это, конечно, очень печально. Но современные технические средства могут предоставить нам большой выбор, скажем, картотеку различных дисков, на которых будет записано то, что отец или мать хотят прочесть своим детям, то есть, та же самая техника, которая разрушила семейные чтения, может, в какой-то степени, восстановить их.

Д. Б.: Я считаю, что чтение дома необходимо, читать вслух детям — это нужно и важно. Но этого мало. Книга дает нам возможность общаться с людьми за пределами наших семей, узнать то, чего мы никак не можем узнать в кругу семьи. И это как раз функция библиотек в любой стране: дать нам доступ к информации вне семьи, вне нашего общества, вне нашего времени.

Д. А.: Я много лет занимаюсь программой, которая называется «Библиотека литературы Америки». Идея заключается в том, чтобы издать большую серию книг, содержащих все труды классиков американской литературы, включая как беллетристику, так и труды по философии, истории и т. д. Многие такие книги уже вышли в свет, они очень красивы, не слишком дороги, и принимают их очень хорошо. На мой взгляд, это прекрасное начинание. Недавно один из частных фондов также начал кампанию по выпуску недорогих книг. При этом используются различные способы привлечения средств для того, чтобы сделать публикацию таких книг возможной. Эти книги поступают, прежде всего, в небольшие библиотеки, что облег-

академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, заместитель директора Государственной библиотека им. В. И. Ленина Ирина Васильевна Морозова, руководитель секции книги Ленинградского Дома ученых Вилли Александрович Петрицкий; почетный председатель Библиотеки Конгресса США, писатель, историк, доктор Дэниэл Бурстин и почетный профессор Гарварда доктор Дэниэл Аарон.

Вели передачу телекомментаторы Леонид Золотаревский и Джек Рейнолдс. Как сделать материалы теледискуссии доступными широкому кругу читателей и исследователей! Без средств информации «доэлектронной эры» пока это вряд ли возможно. Вот почему наш журнал берет на себя миссию помощи тем, кто хочет продолжить разговор, и публикует сокращенную стенограмму «телемоста».

чает доступ к ним престарелых граждан, студентов, домохозяек. Это демократический процесс, который идет навстречу потребностям общества.

Л. З.: У меня возникает вопрос, естественный в этой ситуации. Проблема взаимоотношений печатного слова, книги, средств массовой информации затрагивает, как мне кажется, в первую очередь, развивающийся мир. Мы знаем, что целые огромные регионы страдают от неграмотности или от недостаточной грамотности, но уже имеют аудиовизуальные средства: телевидение, радио, видеотехнику и т. д.

Как оценивают эту ситуацию участники нашей дискуссии?

В. П.: Я считаю, что развитие культуры вообще невозможно без развития книжной культуры. А если это так, то, наряду с внедрением современных средств массовой информации, развивающиеся страны должны начинать становление своей издательской деятельности, книжной продукции.

Думаю, что содействовать тому, чтобы книжная культура стала не только национальной, но и общемировой, должны, в первую очередь, наши две страны.

Л. З.: Но не считаете ли вы, что легче помогать развитию своего национального книгоиздания, чем научить читать миллионы и миллионы людей?

В. П.: Научить читать невозможно, если нечего читать.

Д. Б.: Я хотел бы затронуть вот какую проблему: для перемещения и распространения книг существуют различные препятствия. Например, языковый барьер. И в этой связи мы должны сделать все для того, чтобы обеспечить широкий перевод американской литературы на русский язык и наоборот. Но существуют и искусственные препятствия: государственные границы, таможенные установления, цензура в той или иной форме, сложности, связанные с охраной авторских прав. Считаю, что разрешение данных проблем также в наших силах.

Д. А.: В Соединенных Штатах в последнее время высказывается немалая озабоченность в связи с проблемой неграмотности в США. Очень многие представители новых национальных меньшинств, недавно обосновавшихся в наших городах и сельских районах, не владеют английским языком.

Большая роль в разрешении этой проблемы отводится библиотекам. Они могут предоставить различные, в том числе и аудиовизуальные материалы, способствующие быстрому изучению языка.

Л. З.: Хочу напомнить, что наш с вами диалог стал возможен благодаря телевидению. Может быть стоит поговорить и о роли телевидения в пропаганде книжной культуры?

Д. Б.: У меня два замечания. Они связаны со взаимоотношениями между техникой и книгой. Со времен Древнего Рима многие народы совершали одну ошибку, считая, что новое знание, новая техника заставит полностью исчезнуть старую. Однако старое и новое всегда сосуществовало!

Мы в библиотеке Конгресса создали Центр книги. Его задача — найти самые эффективные способы использования телевидения для пропаганды чтения. Наш лозунг: «Если данная программа вас интересует — читайте о ней». Наша задача — обеспечить гармоничное сочетание различных видов технологии распространения знания и информации.

Теперь мое второе замечание. С одной стороны, книга — физический предмет. Это товар. Но такой товар, который обладает уникальными качествами, и ему свойственна универсальность в распространении и освоении широчайшими кругами населения разных стран.

Д. А.: Здесь затронут очень серьезный вопрос. В странах третьего мира во главу угла ставится совсем другая проблема: не создание библиотек, а выживание в самых примитивных формах, порой необходимость просто накормить людей. Это надо учитывать при распространении книжной культуры.

Я немало путешествовал по странам третьего мира. Меня поражало то, какое колоссальное действие оказывает телевидение и кино, как оно стимулирует идеи и чтение.

Л. З.: Наша дискуссия подходит к концу, и я хотел бы попросить Дмитрия Сергеевича Лихачева прокомментировать сказанное.

Д. Л.: Я, прежде всего, хочу сказать, что позиции участников дискуссии очень оптимистичны, и оптимизм этот внушается самим материалом разговора. Действительно, книга не противоречит новым формам передачи информации. Книга вообще — это дверь в интеллектуальную свободу. Читающий человек может выбрать, независимо ни от чего, ту книгу, которая ему по душе, которая нужна ему в данный момент. В этом отношении никакие технические средства не могут способствовать этой интеллектуальной свободе в такой мере, как книга. Они могут, как это сегодня уже говорилось, облегчить доступ к ним, уменьшить временные затраты на поиски необходимого материала. Поэтому и библиотечное дело, и книги, и новая техника находятся в союзе между собой.

Телемост закончился. Но будем надеяться, что дискуссия продолжится за пределами телевизионных студий: и в Москве, и в Вашингтоне, и, вероятно, в переписке между специалистами.

Записала И. ЖЕНЕВСКАЯ

В КРЕМЛЕ, В КВАРТИРЕ ЛЕНИНА

Владимир Александрович Маркус — старейший советский издательский работник. Более полувека преподавал в Московском полиграфическом институте. Автор учебников по экономике и организации издательского дела.

В октябре 1920 года мне довелось быть в Кремле в квартире Ленина и Крупской.

В тот день Надежда Константиновна захворала и врачи запретили ей выходить на улицу. Так как ее участие в заседании коллегии Наркомпроса считали необходимым, то решили рабочую встречу провести у нее на дому. У меня не было постоянного пропуска в Кремль. В бюро пропусков я предъявил служебное удостоверение, заменявшее отмененный паспорт. Дежурный позвонил к Надежде Константиновне и по ее указанию меня пропустили.

В дореволюционные годы, во времена студенчества мне нередко приходилось бывать в Кремле (вход был свободный) и именно в том здании, где теперь находится квартира Ленина. Там располагалась судебная палата и студенту-юристу, надо было посещать некоторые ее заседания.

...Поднялся по лестнице. Дважды останавливали часовые, проверяли пропуск. Пришел в квартиру и через кабинет Владимира Ильича вошел в смежную довольно большую комнату, где уже собрались члены коллегии. За длинным столом на председательском месте — Анатолий Васильевич Луначарский, по сторонам — Надежда Константиновна, замнаркома Михаил Николаевич Покровский, другие члены коллегии.

Через некоторое время неожиданно для нас вышел из соседней комнаты Владимир Ильич. «Здравствуйте, господа!» — сказал он и быстро прошел в свой кабинет. Может показаться странным такое обращение: «господа». Но в то время оно еще не вышло из употребления в разговорной речи. Но только — в своем кругу. На митингах и в официальных речах такое не допускалось. В полемических выступлениях «господа» произносилось иронически в адрес белогвардейцев, помещиков, капиталистов.

Заседание продолжалось и затянулось далеко за полночь. По тогдашним правилам после двенадцати ночи нельзя было появляться на улице без специального пропуска. У меня такого не было. Как быть? Луначарский предложил, чтоб я сам написал соответствующее удостоверение. Надежда Константиновна указала мне на кабинет Владимира Ильича и его письменный стол. Я сел за письменный стол Ленина и его ручкой на клочке бумаги написал о себе, что по роду своей службы бываю занят на вечерних заседаниях коллегии и мне приходится возвращаться домой после 12 часов ночи...

Удостоверение написал красными чернилами. Тогда было обычным всякие удостоверения писать и печатать на пишущей машинке красным. «Революционный» цвет придавал им большую значимость. Для малограмотного патруля он как бы подтверждал достоверность документа и внушал доверие к его обладателю. Удостоверение подписал Луначарский. Но оно без печати недействительно. К счастью, секретарь Владимира Ильича Л. А. Фотиева также задержалась в кабинете. Она приложила к удостоверению имеющуюся у нее печать Управления делами Совета Народных Комиссаров РСФСР. Это удостоверение, написанное ручкой Ленина и за его письменным столом я храню как реликвию.

Встреча, о которой я рассказал, дала мне возможность увидеть Ленина совсем рядом. Фотографии и художественные портреты не дают полного представления о внешнем облике Ленина. Они лишены возможности передать наиболее характерные особенности его лица — подвижность, каждо-минутную меняемость выражения.

Может быть, в этом отношении наиболее удачной оказалась серия зарисовок художника Натана Альтмана, сделанная им с натуры в кремлевском кабинете Ленина в разные моменты работы Владимира Ильича: за письменным столом, у телефона, за разговором с посетителями и т. д. Ленин резрешил сделать зарисовки по просьбе А. В. Луначарского и при условии, что Альтман ни на минуту не будет отвлекать его от работы. «Моментальные портреты» были сделаны в 1920 году, а в следующем — изданы в виде альбома, тиражом в 5 000 экземпляров. Альбом напечатан в Петрограде в типографии бывшей Голике и Вильборга (ныне — им. Ивана Федорова). Курьезно, что на бумаге, на которой отпечатаны портреты Ленина, имеются водяные знаки: «Печать императорской академии живописи, скульптуры и архитектуры». Видимо, была использована бумага, оставшаяся в типографии с дореволюционного времени от заказов академии. Многие другие художники, создававшие портреты Ленина, приглашали позировать им Николая Ивановича Морозова, удивительно походившего на него внешне. Между прочим, Морозов был воспитанником Владимира Алексеевича Гиляровского. Позже стал сотрудником издательства «Советская Энциклопедия», моим сослуживцем.

...Мне довелось еще дважды видеть Ленина.

Первый раз — осенью 1918 года на митинге в оперном театре Зимина (сейчас там оперетта). Ленин делал доклад по «текущему моменту». Второй раз — в том же году в Народном Комиссариате по просвещению, где я работал управляющим делами.

Помню поднявшегося на сцену человека среднего роста, в пиджаке нараспашку, в мягкой машинке с манжетами, в галстуке. Он не стоял на кафедре, не читал по заранее написанному, а быстро ходил по сцене и говорил страстно, энергично. Иногда вынимал из кармана жилета небольшую записку, взглянув на нее, переходил к следующему тезису.

В то время микрофонов не было, приходилось напрягать голос. Зрительный зал огромный, переполненный до отказа, но такая тишина, что ни один звук, ни один нюанс не пропадал. Некоторая картавость оратора не только не мешала воспринимать речь, но даже как-то помогали слушателю. Запомнились некоторые особенности выступления Ленина. Никаких «красивостей» и «витиеватостей». Чистота русского языка. Кстати приведенные поговорки или пословицы, усиливали образность речи.

А теперь о встрече в Наркомпросе. Наркомат находился на углу Крымской площади и Остоженки. Вход со стороны Крымского моста. Ранее в этом здании помещался лицей имени цесаревича Алексея.

Ленин приехал на заседание комячейки (по современному — на партсобрание). На повестке дня — вопрос «Об единой трудовой школе». Партийной организации было важно знать мнение Владимира Ильича, и Надежду Константиновну уговорили попросить его присутствовать на этом заседании.

Ленин с Крупской приехали к назначенному времени. Я случайно вышел в вестибюль и увидел их поднимающимися по лестнице. Ленин в легком пальто, в кепке. Крупская держала его за руку и торопливо вела за собой. Мы поздоровались. Рукопожатие тогда было отменено из-за свирепствовавшего тифа. Надежда Константиновна спросила меня, где проходит собрание. Я ответил и они пошли дальше.

Меня крайне удивило, что никто их не сопровождал и, главное, — никто не встречал. А они, видимо, даже не обратили на это никакого внимания...

ЭСКИЗ ПОРТРЕТА В ВЫСОКОМ КРЕСЛЕ

МИХАИЛ ЛЕБЕДЯНСКИЙ

Уважаемый читатель!

Особенно — читатель со стажем. Вам-то, наверное, знакома эта рубрика, которая время от времени появлялась на страницах «В мире книг» и приводила за собой то художника, то писателя, то скульптора.

В каждом деле есть мастера. Как-то принято так называть, допустим, спортсмена, рабочего — тут, правда, с обязательным «штампом» — мол, «золотые руки». В издательском деле, если разговор идет не о полиграфистах, слова «мастер» как-то не слышно. Его как бы нет, а люди, которых можно так назвать, есть. Настоящие, отличные мастера — редакторы, корректоры, переводчики. Издатели. Организаторы, чьими усилиями создаются прекрасные вещи. Главные фигуры книгоиздания, остающиеся в тени. С одним из них мы хотим вас познакомить поближе.

Что значит — поближе? Разговор может показаться читателю, привыкшему к тому, что наши издательские руководители обычно рапортуют об успехах, о проделанной работе, делятся насущными заботами и т. д., несколько непривычным. Мы хорошо представляем себе тип руководителя, аппаратчика, «орговика». А вот каковы они — люди?

Нельзя не признать: слава наших издателей, как бы усердно они, словно щитом, не прикрывались от нападок «достигнутыми показателями», сильно потускнела. Поубавилась. Они и впрямь усердно способствовали этому. Сколько книг различных оттенков — от серенького до серого — выпустили. А в ряде случаев слава эта приобрела скандальный смысл. И было бы совсем печально, если бы только по громким «делам» в издательском мире Москвы, Алма-Аты, Ташкента — об этом щедро писала пресса, наш читатель представлял, какие мы, издатели.

Скажите, разве не замечательный редактор придумал «пейзажный цикл» детских книжек Татьяны Мавриной и Юрия Коваля, предложил веселое нестандартное оформление «Библиотеки молодой семьи», рискнул на факсимильное издание памятников литературы, за-

дался вопросом: а почему бы не издать у нас в стране книгу великого Ноберта Винера? Остроумную книгу физика с мировым именем о жизни, о себе и о кибернетике? Собрал великолепный творческий коллектив и «поднял» невероятную, необъятную тему — мировую мифологию (счастливцы, обладатели двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» подтвердят, что это, несомненно, правда). Да что говорить!..

Наш собеседник — главный редактор издательства «Изобразительное искусство» Михаил Сергеевич Лебедянский. Ученая степень доктора искусствоведения. Зарубежные партнеры — крупнейшие издатели мира. Представительный кабинет. Деловые совещания, встречи, заседания. Все, как обычно. День расписан. В нем оставлено «окно» для нас...

— Михаил Сергеевич! Читатель получил редкую возможность поговорить вполне откровенно с руководителем, решающим, что издавать, а что нет...

— С этаким диктатором издательского масштаба? А не получится ли в таком случае разговор скучным, вы не боитесь? Да и вообще: тип руководителя-диктатора очень хорошо известен — и в литературе тоже достаточно изучен. И, к сожалению, многие испытали на себе, что это такое... Если речь обо мне — то я не решаю: что издавать, а что — нет. У нас в издательстве мощный редсовет: искусствоведы, художники, ученые, писатели...

— Да, но ваше слово, думаю, все-таки имеет большое значение. Вы сами достаточно известный ученый, доктор искусствоведения. Совпадают ли ваши вкусы, пристрастия с тем, что приходится делать «на службе».

— Не всегда. Но сам ритм издательской работы, конкретность ее результатов — это мне очень импонирует. Что касается отдельных авторов, книг — часто не совпадает. И все-таки главный редактор не должен, по-моему, руководствоваться только своим вкусом и личными пристрастиями в конкретных оценках. Он должен быть терпим, что ли. Целый ряд книг, авторов, художников, о которых рассказывают эти авторы, лично мне не по душе. Но из этого не должно быть предпринято каких-то организационных, административных шагов. Само по себе изобразительное искусство, как и все духовные ценности, требует широты взглядов, объективности, многостороннего анализа...

— Ведь из-за отсутствия как раз такой трезвой оценки страдают не только художники и их творения. Страдаем все мы, зрители, читатели, «соучастники» художественного творчества. Как ни банальна эта мысль, а всего лишь несколько лет назад она не бралась в расчет, а *иными считалась крамольной...*

И, знаете, приходилось ведь доказывать казалось бы очевидные вещи. Но листая эти монографии, альбомы, вышедшие в годы застоя, и сейчас как-то не обнаруживаешь ничего особенного, из-за чего так сильно «ломались копья».

— Это вы рассуждаете, «стоя на плечах гигантов», из нашего прекрасного сегодня... А представьте себе то время, когда за — только просмотр! — зарубежных альбомов Пикассо исключали из художественных вузов: «Нельзя, развращает молодежь!» Совсем недавно в библиотеках вывели из спецхранов альбомы иностранных издательств, экспонировавшихся, в частности, и не раз, на ММКВЯ, посвященные творчеству наших соотечественников — Филонова, Малевича.

— А над альбомом другого знаменитого их современника, Лентулова, идет усердная работа в одном из московских издательств уже 30 лет. Тщательно трудятся, не ленятся, надо отдать им должное...

Однако мы уклонились несколько в сторону. Ваше издательство справедливо считают издательством высококачественных, серьезных, но довольно академичных (если не сказать, суховатых) книг, альбомов, монографий, сборников.

— Зато сложно упрекнуть нас и наших авторов в неточности фактов, недостоверности. Не знаю, как для читателей, а лично для меня, специалиста, работы интересны прежде всего ясной мыслью, тем зеленым ростком новых поисков, подходов, что пробивается в книге. Богатством информации.

Существует общая концепция в деятельности нашего издательства, его тематическая направленность, которая определяет, если хотите, его лицо. Это — пропаганда лучших достижений мирового, отечественного и советского искусства. С этой точки зрения и ведется работа всего нашего коллектива, в том числе и моя. Оценки в том, что является лучшим, особенно по отношению к современному искусству, очень различны, и здесь как раз требуется объективность в подходах к рассмотрению конкретных предложений и заявок авторов и художников со стороны руководства издательства.

— В таком случае, наш вопрос: какие книги, которые готовятся к выпуску в вашем издательстве, вы бы прочитали с удовольствием как простой читатель, какие — как специалист? Какие книги вам особенно понравились, так, что вы ими гордитесь?

— Таких книг достаточно много в наших планах выпуска 1989—1990 годов. Как простой читатель я с удовольствием прочту переиздание книги И. Немиловой «Загадки старых картин» — о собрании французской живописи XVIII века в Государственном Эрмитаже, прелестную, остроумную книжку «Сотворение мира» Жана Эффеля, монографию об английском живописце Гейнсборо Е. Некрасовой, книгу А. Каменского «Анна Голубкина. Личность. Эпоха. Скульптура» и много других наших изданий. Как специалисту мне будет, например, интересно познакомиться с работой Т. Каптеревой «Искусство Португалии», — тут впервые в советском искусствознании дается тонкий, полный анализ многих произведений живописи, скульптуры и архитектуры этой страны с древнейших времен до наших дней. Книги В. Турчина «Искусство Великой французской революции» (там много страниц, открывающих какие-то новые моменты), В. Арсланова «Формальная школа в западном искусствознании», А. Верещагиной «Русская художественная критика. Очерки. Середина — вторая половина XVIII века» (это просто то, что мне надо!), В. Толстого «Монументальное искусство и общество. (Опыт СССР)». Уверен в их судьбе и как издатель. Среди книг и альбомов «Изобразительного искусства» последних лет, которые мне особенно понравились, я бы назвал «Очерки по истории и технике гравюры», «Борис Кустодиев. Потреты деятелей русской культуры», альбомы «Московская изобразительная Пушкиниана», «Кранахи — семья художников», «Карл Брюллов», книги В. Брюсовой «Федор Зубов» и Н. Езерской «Передвижники и национальные художественные школы народов России». И конечно, великолепный альбом «Искусство Китая».

— Что ж, рекламу вы дали своим изданиям превосходную. А вот где их купить?

— К сожалению, у нас нет своего магазина в Москве. Наши книги — представьте — разыгрываются в художественной лотерее... Это, конечно, почетно. И грустно очень. Получается, что великое искусство по-прежнему, как ни говорите, а элитарно. Выход вижу не только в росте тиражей, но и в Музее книги — настоящем центре культуры, пропаганды лучших достижений книжников-художников, полиграфистов, издателей. Хотелось бы открыть и фирменный магазин-клуб — хотя бы в Москве и Ленинграде. Столько ярких искусствоведческих сил расходуется вполнакала. Столько интересного материала просто оседает втуне — не все же вместишь в издание. А иногда полезно взглянуть, что же не вошло, не так ли? Поспорить с автором, быть может.

— В ваших жизненных интересах — однажды был такой период — удачно сочетались политика и искусство. Это неудивительно. История знает много подобных примеров. И все-таки, согласитесь, трудно встретить молодого комсомольского работника, который вполне профессионально мог бы судить о гравюре времен Петра I, увлекался бы серьезным искусством на таком уровне. Почему так происходит? И что могло бы сделать, например, ваше издательство, чтобы приобщить молодежь к искусству, к классике (не будем кивать на «Молодую гвардию» и ее задачи и возможности).

— Вот этим я действительно горжусь. Свою научную работу — первую, серьезную, мне удалось завершить и подготовить к печати, работая в райкоме комсомола.

— *Кем?*

— Первым секретарем. У меня было больше внутренней уверенности, когда приходилось решать многие текущие комсомольские проблемы и выступать перед своими сверстниками с различными призывами и предложениями, когда я знал, что сам стараюсь не отстать от лучших из них, занимаясь не только оргмероприятиями, но и

чем-то серьезным, выходящим за пределы моих прямых служебных обязанностей. Честно: скучно быть просто «орговиком», функционером. Мне всегда казалось, и кажется до сих пор, что авторитет любого человека, в том числе и руководителя, становится весомее, если ему удается сочетать организационную работу с подлинно творческой. Такой человек не может быть бюрократом, и всегда, в любые времена, будет у дел и сможет приносить пользу людям. **Да и не будет обеими руками держаться за кресло. У него же в руках дело!**

Отвечая на ваш вопрос, как мы приобщаем молодежь к искусству, скажу, что наши книги, многие из которых богато иллюстрированы, конечно, привлекают внимание молодежи. Но мы думает о нашей дальнейшей работе в этом *направлении и уже издаем много популярной* литературы об изобразительном искусстве для молодого читателя. В наших планах — издания, которые мы будем готовить вместе с Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и с Государственной Третьяковской галереей. Будем выпускать массовым тиражом и книги для самых маленьких читателей дошкольного и младшего школьного возраста: «О чем рассказали яблоки» (о натюрморте), «Я люблю родную землю (рассказы о пейзаже), «Что за чудо эти звери» (как изображают художники животных), о том, как создавали московский памятник А. С. Пушкину и многие другие работы.

Мы — единственное в стране издательство, которое издает учебники по изобразительному искусству для студентов высших и средних художественных институтов и училищ: «История русского искусства», «История зарубежного искусства», книги по реставрации и другую литературу. Сейчас стотысячным тиражом мы издаем «Школу изобразительного искусства» в десяти выпусках, первые два из которых уже вышли в свет.

Издаем мы миллионными тиражами и иллюстрированные детские сказки, познавательные и поздравительные открытки, комплекты репродукций лучших произведений мировых и отечественных художников для использования их в школах, библиотеках, культурно-массовой работе.

Программа, как видите, большая и из года в год мы будем ее расширять.

— Знакомое название мелькнуло у вас: «Что за чудо эти Звери»? Автор этой книги Лидия Кудрявцева?

— Да.

— Так что ж, могу сообщить вам, что я хорошо помню эту прелестную, добрую и умную книжку и даже 10 лет назад писала о ней в «Литературной России». Но ведь книжка вышла в «Малыше»?

— Да. Программа для самых маленьких об изобразительном искусстве — малышовская. Но детское издательство исключило ее из своих планов. И мы решили: кому же, как не нам? Чем виноват читатель, что останется без хорошей книги? Конечно, «Чудо-зверей» *мы издадим по-новому, по-своему, это* не будет простой перепечаткой, механическим переизданием. Лучшие из книг прежней, малышовской серии, обретут новую жизнь, новое лицо — а, значит, и новых читателей.

— **Американцы, пытаясь приобщить** молодежь к искусству, активно использовали поп-арт. Целое поколение воспитано на таком художнике, как Энди Уоррол. Как вы думаете, станет ли таким «властителем дум» современной нашей молодежи авангард — скажем, из числа **тех художников, чьи работы дважды выставлялись в прошлом году в Манеже.**

— «Авангард» властителем дум молодежи уже стал. Это вполне естественно. То, что искусственно скрывалось, пряталось в запасники, сейчас привлекает **к себе особенное внимание и в** первую очередь, конечно, молодежи, *которая так жадно всегда тянулась к новому* и неизвестному. Однако, мне кажется, что сейчас тяга молодежи к изобразительному «авангарду» во многом дань моде и нынешним обстоятельствам нашей художественной жизни. Через какое-то время интерес к неизвестному и недоступному будет удовлетворен и останется слой любителей и приверженцев «авангарда», а интерес ко всему духовному богатству изобразительного искусства, в том числе и к классике, не иссякнет, а будет, как мне кажется, еще более стойким и глубоким. Воспитывать эстетический вкус надо, помоему, на классике мирового и отечественного искусства. Это мы и пытаемся делать в своих лучших изданиях.

— «Мертвые» и «живые» классики. Почему предпочитают чаще издавать классиков живых? Ведь выгоднее издательству переиздание. Как вы думаете, почему не переиздают литературно-критическое наследие Коровина, Бенуа, Петрова-Водкина, Мухиной, Репина, наконец? Крамского? Когда-то, лет двадцать назад, издали кое-что и все. Быть может, стоит отдать такие позиции в издательства литературного профиля?

— «Живые» классики располагают реальной властью сегодня и используют ее со всей, свойственной каждому из них, силой, а «мертвые» — взывают к нашим душам, но «телефонным правом», увы, не обладают. Однако программа переизданий наших лучших книг и альбомов из года в год становится у нас больше и обширнее. Например, в 1988 году мы переиздали книги уже ушедших от нас авторов: Ю. Колпинского «Великое наследие античной Эллады» и И. Зильберштейна «Художник-декабрист Николай Бестужев». В наших планах переиздания воспоминаний К. А. Коровина (1989 г.), И. Крамского (1989), издание литературно-критического наследия В. Мухиной. Ни за что не откажемся от этого и в «литературные» издательства такие позиции не отдадим!

— Яркая, интересная книга — тоже изобретение. Существуют авторские, издательские права. Но, быть может, стоит подумать об особой оплате, в случае, если книга становится бестселлером, труда редактора, художника. Как поощряются в таком случае люди? *Только премия — и все. Справедливо ли это?*

— Художник, также как и автор, получает гонорар за свою работу. Труд текстовых и художественных редакторов, кроме премий, требует и иных форм поощрения. У нас это и выдвижение на медали ВДНХ, на присвоение почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», прогрессивно-премиальная оплата труда.

— Хорошо, поставим вопрос иначе. Вы «за» модель «редактор-директор книги»?

— **Мне эта модель нравится. Да, книга, порой, — это настоящее изобретение.** И его надо защищать так, как защищают настоящее изобретение. Через ВААП, скажем. Правда, система защиты такого изобретения — книги — **у нас продумана, честно говоря,** на скорую руку, плохо действует, допускает *и грабеж средь бела дня, внутри страны,* когда другие издательства переиздают книгу, так сказать, один к одному, не особо затрачивая силы и нервы. А как, порой, тяжело досталась она редактору, сколько своих мыслей светлых вложил он в автора, художника, оформившего ее, даже — в полиграфистов. Конечно, было бы неплохо особо поощрять таких редакторов-изобретателей, творцов нового. Давайте вместе подумаем, как. Быть может, читатели предложат. Читатели-профессионалы, которые работают в книгоиздании, и просто читатели — а им, возможно, со стороны видней, как и что лучше, правда?

— Правда-то правда. Читаю письма наших читателей и удивляюсь, как же им небезразлична судьба книгоиздания, вообще — книги, даже — нашего журнала. Казалось бы, «Что ему Гекуба? Что он Гекубе?» И все-таки.

Прежде чем завершить беседу: как поощрить редактора? Может быть (не дожидаясь многомудрых советов со стороны), лучшим из них продать акции хозрасчетного издательства, для участия в прибылях, для того, чтобы чувствовать и заботу о себе и активнее участвовать в заботе об общем деле?

— Это вопрос будущего. У меня есть на этот счет мнение, прямо скажем, ретроградское. Скажу только: если все будет поставлено на рельсы получения прибыли, тогда лишимся качественной научной литературы. Она не всегда, да что там! — почти всегда убыточна. Но — необходима. А сколько, порой, содержит зеленых ростков нового!.. Что, не очень эффектная концовка разговора получается, да?..

Говорят, стиль — это человек. Мы попытались в краткой беседе показать вам, что за человек возглавляет одно из престижных издательств — «Изобразительное искусство», определяет его стиль — строгий, точный, классический. Чтобы вы составили достаточно полное впечатление об этом человеке — предлагаем вниманию читателей отрывок из книги Михаила Лебедянского о русском художнике-гравере, подлинном виртуозе этой сложнейшей техники Алексее Зубове. В 1990 году эта книга выйдет в Ленинграде, в издательстве «Художник РСФСР».

Портрет «рисовала»
Елена ПЛАХОВА

Вандал VII - VIII век легендарный кн. славян / сов. энц. словарь/ 1979 и энц. сл. 1953 т. 3

Ивар Многославный в720 погиб в Гардарике

Рюрик Метатель Колец Датский

Дуда Задумчивая в 710 с сыном Гаральдом

Ратибор Вандалович легендарный кн славян

Гаральд Боевой Клык уп. в 750 г.

Рандвер Ратиборович

Буривой Ратиборович легенд. кн. славян / энц. слов.1979 ст.181/

славянская княжна

Гальфдан

Гостомысл Благоразумный середина IX в.

Годлав Бодричский погиб в Рароге от рук шведского короля

Умила Гостомысловна род.около 810-15 г. новгородская

Рюрик Славянин ок.830-879 Родоначальник Рюриковичей

Ольга Прекрасa 883-11.7.969 Святая

Игорь Рюрикович 878-944

Святослав Игоревич 940-972

Рогнеда Рогволодовна Полоцкая — 1000

Владимир I Святой «Красно Солнышко» ок.960-15.7.1015

Изяслав Владимирович ок.978-1001 кн. Полоцкий 986-1001

Ярослав I Мудрый Владимирович р. ок. 978-20.2.1054

Брячислав Изяславич ок.1000-1044

Всеволод I Ярославич 1030-1093

Всеслав Брячиславич ок.1020-1101 Полоцкий 1044-1067 Киевский 1.5.1068-12.1068

Владимир — Мономах Всеволодович 1053-19.5.1125

Святослав Всеславич Полоцкий 1139

Юрий Долгорукий Владимирович 1090-1157 Суздальский 1147 основатель Москвы в.кн. Киевский 1155

Мстислав Великий Владимирович 1.6.1076-14.4.1132

Василько Святославич Полоцкий

Мария Ясская Святая 1158-1209 Бр.1175

Всеволод-III Бол.Гн. Юрьевич 1154-15.4.1212

Ростислав Мстиславич — 1168

Брячислав Василькович кн. Полоцкий 1175-1180

Ярослав-II Всеволодович 8.2.1191-30.9.1246

Давыд Ростиславич 1140-1197 Смоленский

Василько Брячиславич Полоцкий 1216-1221

Александр Ярославич « Невский » Святой 30.5.1220-14.11.1263

Мстислав Давыдович 1193-1230 Смоленский

Брячислав Василькович Витебский кн.полоцкий

Андрей III Александрович Городецкий 1254-1304 в.кн.Российский

Ростислав Мстиславич Смоленский в.кн.киевский 1239-39

Александра Брячиславна Витебская — 1264

Михаил Андреевич Суздальский

Глеб Ростиславич 1277 Смоленский

Василий Михайлович Суздальский — 1309

Святослав Глебович — 1310 Смоленский

Константин Васильевич Суздальский — 1355

Глеб Святославич — 1340 Смоленский

Дмитрий III старший Константинович Суздальский 1323-1383

Александр Глебович Всеволож 1280- Смоленский

Дмитрий - IV Иванович Донской 1350-1389 Святой

Евдокия Дмитреевна Суздальская — 7.6.1407 Бр. 1.1366

Мария Дмитриевна Суздальская

Николай Васильевич Вельяминов — 1380

Дмитрий Александрович 1392

Николаевна Вильяминовна

Иван Дмитриевич Всеволожский — 1434

Иван Иванович Всеволожский

Василиса Ивановна Всеволожская

Даниил Дмитриевич Холмский

Иван Владимирович Голова -1509 казначей В-II

Анна Даниловна Холмская

Петр Иванович Головин −1525

Петр Петрович Головин Менш.

Петр Петрович Головин − 14.12.1627 боярин

Петр Петрович Головин − 1654

Михаил Петрович Головин − 1689 боярин

Иван Бас Михайлович Головин

Евдокия Ивановна −1725

Александр Петрович Пушкин −1725

Лев Александрович Пушкин −17.2.1723 − 25.10.1790

Сергей Львович Пушкин −23.5.1770 − 29.7.1848

Александр Сергеевич Пушкин 6.6.1799—29.1.1837

Александр Александрович

Григорий Александрович

Григорий Григорьевич

Юлия Григорьевна Пушкина

Олег Тихонович Пушкин

Андрей Олегович Пушкин 30.11.1984

Замечен парадокс — наиболее значительные имена нашей литературной классики все менее и менее вызывают интерес. Вот в прошлом году как-то незаметно прошел юбилей И. С. Тургенева... Похоже, мы вспоминаем о великих не для того, чтобы открыть для себя что-то новое. Мы просто отдаем им дань признательности за то, что они наши соотечественники, отмечаем даты их рождения или смерти дежурными публикациями.

К 150-летию со дня рождения Пушкина в Манеже была организована выставка. Она грешила тем же, но один из ее экспонатов все-таки привлек всеобщее внимание...

Пушкин писал:

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.

Александр Сергеевич не знал, конечно, всех своих далеких предков. Не знал, например, о том, что он прямой потомок в 31-м колене Рюрика. Он мог знать лишь ту малую часть людей, которые укрепились в семейных преданиях, передаваемых «бабушками».

Ученые давно пытаются составить полное родословие поэта. Еще до революции этим занимался выдающийся историк Модзалевский с группой коллег, но они смогли назвать лишь 340 имен.

И вот на юбилейной выставке в Манеже было представлено генеалогическое древо рода Пушкина, включающее более 3 тысяч имен. Род этот — свидетельствует «древо» — включает все отечественные знаменитые имена, все ключевые моменты нашей истории отразились в нем, т. е. он охватывает всю историю нашей страны.

Графически это выглядит просто, правда, занимает большую площадь. Имена, даты, краткие сведения из биографий, и линии, соединяющие имена. Вот и все. Многим ли это интересно? Литературоведам, историкам, психологам, еще, пожалуй, людям с богатым воображением. А если ты не в ладах со знанием истории (многие ли у нас имели возможность познать истинную историю и полюбить ее?), если Пушкин интересен тебе на уровне лирики и «Капитанской дочки», если ты не задумывался о необходимости знать свои корни — у этой огромной схемы надолго не задержишься... пока не побеседуешь с ее создателем.

Андрей Андреевич Черкашин не историк, не литературовед, не филолог по образованию, и тем не менее он сделал для науки, да и для нас с вами бесценное дело. Причем занимался он этим не ради официального признания, не ради славы, а для души, освещенной, как он считает, гением великого поэта. «Род Пушкина благословен, — говорит Андрей Андреевич, — он без изъянов. Существует более тысячи лет, и в нем нет ни одного предателя, изменника, стяжателя. Только двое из родственников Пушкина фигурировали в истории как казнокрады, но недавно удалось установить, что они были несправедливо осуждены по навету (мотив — политический)».

7 предков поэта канонизированы церковью в святые. Ольга Прекраса, Владимир I Красно Солнышко, Михаил Всеволодович Черниговский, Александр Невский, Мария Шварновна — жена Всеволода III, Михаил Ярославич II, жена его Анна Дмитриевна Ростовская. Владыко Александр, ректор Загорской духовной академии рассказал об этом Андрею Андреевичу.

30 лет занял этот труд и продолжается сейчас. Взглянув на сделанное, автор сам ахнул, поразившись, как поражались грандиозности созданного древние египтяне, закончив строительство пирамиды. Мы не ахнем, потому что не знаем, как трудоемка была работа. Первые три года Черкашин бился впустую, работа не дала интересного результата. Другой бы махнул рукой. Андрей Андреевич стал искать причину неудачи. Сколько было перечитано и передумано... И метод был найден: стало совершенно очевидно, что родословную схему предков Пушкина не составить в отрыве от истории России. Одно должно накладываться на другое. И тогда началась работа, которая завершилась еще одной схемой.

В квартире Черкашина в Москве на Преображенке лежит, свернутое в толстый рулон, свидетельство о том, что у нас есть история (ведь сегодня многие усомнились в целостности и исконности ее), что она богатейшая. По этой работе можно проследить всю историю нашего государства. За 10 лет Андрей Андреевич составил эту графическую схему, самую полную историографию России из доныне существовавших. Печально, что она не только не опубликована, но о ней почти никто не знает. Совсем недавно ее увидели специалисты. Неизвестно, сколько времени займет ее проверка, какая судьба ждет...

Генеалогическое же древо рода Пушкина проверено учеными в Институте Истории СССР АН СССР, в Институте русской литературы и мнение доктора филологических наук А. Н. Иезуитова таково: оно «представляет родственные связи поэта с исчерпывающей полнотой». Узнали о работе и за рубежом — японцы просили разрешения опубликовать родословие. Андрей Андреевич не согласился. Жаль... может быть, оно скорее пришло бы к нам через далекий остров. Ведь у нас, насколько мне известно, издание полной генеалогии не планируется пока. Готовится только книга со схемой прямых предков и потомков Пушкина.

Кстати, о потомках. По последним сведениям, их сейчас примерно 160 человек, половина из них живет в нашей стране (в Москве — 41 человек). Правнуку Пушкина Григорию Григорьевичу Пушкину сейчас 75 лет. Он рассказал Черкашину о нескольких зарубежных родственниках поэта, с которыми впоследствии состоялась встреча — четырех сестрах-англичанках и швейцарке Ольге-Екатерине-Аде фон Меренберг (ей 91 год, она внучка Александра II и правнучка А. С. Пушкина).

Правнук Пушкина живет в Москве.

Кто-то из знаменитых ученых шутил, что занятие наукой — это способ удовлетворить свою любознательность за счет государства. Андрей Андреевич проводил свои изыскания самодеятельно, делал это для души. Вот еще одно доказательство суждения, что энтузиаст иногда делает больше, чем целое учреждение. На него не давит бессмысленное нормирование рабочего времени, поэтому продуктивность его труда выше. Он не замкнут профессиональным общением в кругу коллег и, контактируя с разными людьми, он невольно, но непременно заряжает своим интересом каждого. Не говоря уж о членах семьи. Внуки Черкашина, часто бывая у дедушки с бабушкой, впитывают разговоры об истории, о роде Пушкина, постоянно видят множество изображений родственников поэта, размещенных по всей квартире. Дома у шестилетнего Мити тоже, как и у дедушки, висит генеалогическое древо рода Пушкина. Во время моей беседы с Андреем Андреевичем Митя, раскачиваясь на спортивных кольцах, повторял услышанные древнерусские имена предков Пушкина — Инвар Многославный, Умила Гостомысловна, Олег Гориславич, Александр Невский...

Есть много примеров определяющего влияния окружающей ребенка обстановки на направление его мыслительной деятельности в будущем — стены детской комнаты математика Ковалевской были оклеены страницами из математических книг; известные всем супруги Никитины, заметив у маленького сына своего интерес к химии, повесили на стену большую таблицу Менделеева — теперь он химик; мне рассказывали о молодом ученом, написавшем блестящую диссертацию по глобальным вопросам экономики империализма, что с детства он постоянно видел перед собой политическую карту мира. Не выйдет ли из семьи Черкашиных историк или литературовед?

Сам Андрей Андреевич из семьи кондитера. Когда ему было 20 лет и он участвовал в боях с фашистами, в освобожденном местечке Полотняный Завод у него произошла встреча, определившая его дальнейшую деятельность. Местный житель рассказал Черкашину, что на этой земле было имение Гончаровых, где выросла будущая жена Пушкина, здесь бывал сам Пушкин, отдыхали его дети. Здесь дедом Натальи Гончаровой был построен полотняный завод (под нашими парусами ходил не только российский флот, но весь английский и половина французского); здесь в доме Гончаровых останавливался Кутузов...

У Пушкина есть слова: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю кроме истории наших предков». Для нас слишком велик авторитет человека, сказавшего эти слова, но сегодня они вызывают отклик не в каждом сердце. И все-таки хочется верить, что еще не загублены наши возможности, есть еще почва для горячего патриотизма. Работа Андрея Андреевича Черкашина тому свидетельство.

О. МИХАЙЛОВА

На недавней выставке «Лики России», проходившей в Москве были вывешены обе уникальные работы Андрея Андреевича Черкашина. Посмотрев книгу отзывов, мы обнаружили, что почти во всех записях эти работы отмечены как самые интересные и впечатляющие:

«Потрясающее впечатление на нас, молодых, производят родословные таблицы, составленные Черкашиным А. А. Неплохо было бы их издать»,

ТИМОФЕЕВ

«...когда увидела работы Черкашина А. А., была потрясена его титаническим трудом и все другие работы, представленные на выставке, утонули в глубине истории моей Родины и долго не хотелось отходить от уникальных схем и фотографий»

ИЛЬИНА,
преподаватель литературы

«...какая гигантская работа проделана Андреем Андреевичем Черкашиным! Очень жаль, что его труд во славу истории нашего государства по-настоящему не оценен ни наукой, ни государством. Какой кладезь знаний — при соприкосновении с А. А. Черкашиным, его влюбленностью в свое дело, хочется быть патриотом своей Родины до конца своей жизни и трудиться на своем рабочем месте лучше, чем ты трудился до этого».

Жители г. Одинцово, супруги
САПЕГИНЫ

«Очень прошу опубликовать «Историографию России» и «Полное родословие А. С. Пушкина». В любом журнале, хорошо бы с фотографиями».

«Изумлен работой А. А. Черкашина! Такие схемы должны быть на столе каждого русского человека, без них немыслимо изучение истории России.

Необходима публикация для школьников, студентов, для нашей молодежи».

(Подпись неразборчива)

«Эти схемы как бы снимают пелену с глаз — и начинаешь глубже видеть свою историю, свою Родину.

Настоятельно просим быстрее и большим тиражом издать эти схемы в виде альбомов».

В. АГЕЕВ

НОВЫЙ ЗАВЕТ
ОТ МАТФЕЯ

Святое благовествование

16

**16. И приступили фарисеи и саддукеи и, иску-
шая Его, просили показать им знамение с неба.
2 Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите:
будет вёдро, потому что небо красно; 3 и поутру:
сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лице-
меры! различать лице неба вы умеете, а знамений
времен не можете. 4 Род лукавый и прелюбодейный
знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме
знамения Ионы пророка. И, оставив их, отошел.
5 Переправившись на другую сторону, ученики
Его забыли взять хлебов. 6 Иисус сказал им: смо-
трите, берегитесь закваски фарисейской и садду-
кейской. 7 Они же помышляли в себе и говорили:
это значит, что хлебов мы не взяли. 8 Уразумев то,
Иисус сказал им: что помышляете в себе, мало-
верные, что хлебов не взяли? 9 Еще ли не понимаете
и не помните о пяти хлебах на пять тысяч че-
ловек, и сколько коробов вы набрали? 10 ни о се-
ми хлебах на четыре тысячи, и сколько кор-
зин вы набрали? 11 как не разумеете, что не
о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фари-
сейской и саддукейской? 12 Тогда они поняли,
что Он говорил им беречься не закваски хлеб-
ной, но учения фарисейского и саддукейского.
13 Придя же в страны Кесарии Филипповой,
Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди
почитают Меня, Сына Человеческого? 14 Они ска-
зали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию,
а иные за Иеремию, или за одного из пророков.
15 Он говорит им: «а вы за кого почитаете Меня?
16 Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты — Христос,
Сын Бога Живаго. 17 Тогда Иисус сказал ему в от-
вет: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не
плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Су-
щий на небесах; 18 и Я говорю тебе: ты — Петр,
и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата
ада не одолеют ее; 19 и дам тебе ключи Царства
Небесного: и чтó свяжешь на земле, тó будет связа-
но на небесах, и чтó разрешишь на земле, тó будет
разрешено на небесах. 20 Тогда [Иисус] запретил
ученикам Своим, чтобы никому не сказывали,
что Он есть Иисус Христос.
21 С того времени Иисус начал открывать учени-
кам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим
и много пострадать от старейшин и первосвящен-
ников и книжников, и быть убиту, и в третий день
воскреснуть. 22 И, отозвав Его, Петр начал прекo-
словить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да**

Окончание. Начало в №№ 11—12 (1988).

не будет этого с Тобою! 23 Он же, обратившись,
сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне со-
блазн! потому что думаешь не о том, что Божие,
но что человеческое. 24 Тогда Иисус сказал учени-
кам Своим: если кто хочет идти за Мною, отверг-
нись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною,
25 ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет
ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обре-
тет ее; 26 какая польза человеку, если он приобретет
весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп
даст человек за душу свою? 27 ибо приидет Сын Че-
ловеческий во славе Отца Своего с Ангелами Сво-
ими и тогда воздаст каждому по делам его. 28 Ис-
тинно говорю вам: есть некоторые из стоящих
здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят
Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем.

17

17. По прошествии дней шести, взял Иисус Пет-
ра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору
высокую одних, 2 и преобразился пред ними: и про-
сияло лице Его, как солнце, одежды же Его сде-
лались белыми, как свет. 3 И вот, явились им Мои-
сей и Илия, с Ним беседующие. 4 При сем Петр
сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть;
если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну,
и Моисею одну, и одну Илии. 5 Когда он еще гово-
рил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из
облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюблен-
ный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте.
6 И, услышав, ученики пали на лица свои и очень
испугались. 7 Но Иисус, приступив, коснулся их и
сказал: встаньте и не бойтесь. 8 Возведя же очи
свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса.
9 И когда сходили они с горы, Иисус запретил
им, говоря: никому не сказывайте о сем видении,
доколе Сын Человеческий не воскреснет из мерт-
вых.
10 И спросили Его ученики Его: как же книжни-
ки говорят, что Илии надлежит придти прежде?
11 Иисус сказали им в ответ: правда, Илия должен
придти прежде и устроить всё; 12 но говорю вам,
что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили
с ним, как хотели; так и Сын Человеческий постра-
дает от них. 13 Тогда ученики поняли, что Он гово-
рил им об Иоанне Крестителе.
14 Когда они пришли к народу, то подошел к Не-
му человек и, преклоняя пред Ним колени, 15 ска-
зал: Господи! помилуй сына моего; он в новолу-
ния беснуется и тяжко страдает, ибо часто броса-
ется в огонь и часто в воду, 16 я приводил его к уче-
никам Твоим, и они не могли исцелить его. 17 Иисус
же, отвечая, сказал: о, род неверный и развра-
щенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть
вас? приведите его ко Мне сюда. 18 И запретил ему
Иисус, и бес вышел из него; и отрок исцелился в
тот час. 19 Тогда ученики, приступив к Иисусу на-
едине, сказали: почему мы не могли изгнать его?
20 Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо ис-
тинно говорю вам: если вы будете иметь веру с гор-
чичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда
туда», и она перейдет; и ничего не будет невоз-
можного для вас; 21 сей же род изгоняется только
молитвою и постом.
22 Во время пребывания их в Галилее, Иисус
сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки
человеческие, 23 и убьют Его, и в третий день вос-
креснет. И они весьма опечалились.
24 Когда же пришли они в Капернаум, то подо-
шли к Петру собиратели дидрахм и сказали:
Учитель ваш не даст ли дидрахмы? 25 Он говорит:
да. И когда вошел он в дом, то Иисус, предупредив
его, сказал: как тебе кажется, Симон? цари зем-
ные с кого берут пошлины или подати? с сынов
ли своих, или с посторонних? 26 Петр говорит Ему:
с посторонних. Иисус сказал ему: итак сыны сво-
бодны; 27 но, чтобы нам не соблазнить их, пойди
на море, брось уду, и первую рыбу, которая попа-
дется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь ста-
тир; возьми его и отдай им за Меня и за себя.

18

18. В то время ученики приступили к Иисусу
и сказали: кто больше в Царстве Небесном?
2 Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них
3 и сказал: истинно говорю вам, если не обрати-
тесь и не будете как дети, не войдете в Царство
Небесное; 4 итак, кто умалится, как это дитя, тот
и больше в Царстве Небесном; 5 и кто примет одно
такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; 6 а кто
соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня,
тому лучше было бы, если бы повесили ему мель-
ничный жернов на шею и потопили его во глубине
морской. 7 Горе миру от соблазнов, ибо надобно
придти соблазнам; но горе тому человеку, через
которого соблазн приходит. 8 Если же рука твоя
или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось
от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без
ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами
быть ввержену в огонь вечный; 9 и если глаз
твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя:
лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели
с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную.
10 Смотрите, не презирайте ни одного из малых
сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах
всегда видят лице Отца Моего Небесного. 11 Ибо
Сын Человеческий пришел взыскать и спасти по-
гибшее. 12 Как вам кажется? Если бы у кого было
сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит
ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли ис-
кать заблудившуюся? 13 и если случится найти
ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней
более, нежели о девяноста девяти незаблудив-
шихся. 14 Та́к, нет воли Отца вашего Небесного,
чтобы погиб один из малых сих.
15 Если же согрешит против тебя брат твой, пой-
ди и обличи его между тобою и им одним; если по-
слушает тебя, то приобрел ты брата твоего; 16 если
же не послушает, возьми с собою еще одного или
двух, дабы устами двух или трех свидетелей
подтвердилось всякое слово; 17 если же не послу-
шает их, скажи церкви; а если и церкви не послу-
шает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь.
18 Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле,
то будет связано на небе; и что разрешите на зем-
ле, то будет разрешено на небе. 19 Истинно также
говорю вам, что если двое из вас согласятся на зем-
ле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили,
будет им от Отца Моего Небесного, 20 ибо, где двое
или трое собраны во имя Мое, там Я посреди
них.
21 Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Гос-
поди! сколько раз прощать брату моему, согрешаю-
щему против меня? до семи ли раз? 22 Иисус го-
ворит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды
семидесяти раз.
23 Посему Царство Небесное подобно царю, кото-
рый захотел сосчитаться с рабами своими; 24 когда
начал он считаться, приведен был к нему некто,

который должен был ему десять тысяч талантов;
25 а как он не имел, чем заплатить, то государь его
приказал продать его, и жену его, и детей, и всё,
что он имел, и заплатить; 26 тогда раб тот пал, и,
кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне,
и всё тебе заплачу. 27 Государь, умилосердившись
над рабом тем, отпустил его и долг простил ему.
28 Раб же *тот, выйдя,* нашел *одного из товарищей*
своих, который должен был ему сто динариев, и,
схватив его, душил, говоря: отдай мне, что дол-
жен. 29 Тогда товарищ его пал к ногам его, умо-
лял его и говорил: потерпи на мне, и всё отдам тебе.
30 Но тот не захотел, а пошел и посадил его [redacted] тем-
ницу, пока не отдаст долга. 31 Товарищи его, видев
происшедшее, очень огорчились и, придя, расска-
зали государю своему всё бывшее. 32 Тогда госу-
дарь его призывает его и говорит: злой раб! весь
долг тот я простил тебе, потому что ты упросил
меня; 33 *не надлежало ли и тебе помиловать това-*
рища твоего, как и я помиловал тебя? 34 И, разгне-
вавшись, государь его отдал его истязателям, пока
не отдаст ему всего долга. 35 Так и Отец Мой Небес-
ный поступит с вами, если не простит каждый
из вас от сердца своего брату своему согрешений
его.

19

19. Когда Иисус окончил слова сии, то вышел
из Галилеи и пришел в пределы Иудейские, Заи-
орданскою стороною. 2 За Ним последовало много
людей, и Он исцелил их там.
3 И приступили к Нему фарисеи и, искушая
Его, говорили Ему: по всякой ли причине позво-
лительно человеку разводиться с женою своею?
4 Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотво-
ривший вначале мужчину и женщину сотворил
их? 5 И сказал: посему оставит человек отца и мать
и прилепится к жене своей, и будут два одною пло-
тью, 6 так что они уже не двое, но одна плоть.
Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлу-
чает. 7 Они говорят Ему: как же Моисей заповедал
давать разводное письмо и разводиться с нею?
8 Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему
позволил вам разводиться с женами вашими, а сна-
чала не было так; 9 но Я говорю вам: кто разве-
дется [redacted] женою своею не за прелюбодеяние и женит-
ся на другой, тот прелюбодействует; и женивший-
ся на разведенной прелюбодействует. 10 Гово-
рят Ему ученики Его: если такова обязанность че-
ловека к жене, то лучше не жениться. 11 Он же
сказал им: не все вмещают слово сие, но кому
дано, 12 ибо есть скопцы, которые из чрева матерне-
го *родились так; и есть скопцы,* которые оскопле-
ны от людей; и есть скопцы, которые сделали сами
себя скопцами для Царства Небесного. Кто может
вместить, да вместит.
13 Тогда приведены были к Нему дети, чтобы
Он возложил на них руки и помолился; ученики же
возбраняли им. 14 Но Иисус сказал: пустите детей
и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо
таковых есть Царство Небесное. 15 И, возложив
на них руки, пошел оттуда.
16 И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель
благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь
вечную? 17 Он же сказал ему: что ты называешь
Меня благим? Никто не благ, как только один
Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, со-
блюди заповеди. 18 Говорит Ему: какие? Иисус же
сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради;
не лжесвидетельствуй; 19 почитай отца и мать;
и: люби ближнего твоего, как самого себя. 20 Юно-
ша говорит Ему: всё это сохранил я от юности
моей; чего еще недостает мне? 21 Иисус сказал
ему: если хочешь быть совершенным, пойди, про-
дай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь
сокровище на небесах; и приходи и следуй за
Мною. 22 Услышав слово сие, юноша отошел с пе-
чалью, потому что у него было большое имение.
23 Иисус же сказал ученикам Своим: истинно гово-
рю вам, что трудно богатому войти в Царство
Небесное; 24 и еще говорю вам: удобнее верблюду
пройти сквозь игольные уши, нежели богатому
войти в Царство Божие. 25 Услышав это, ученики
Его весьма изумились и сказали: так кто же может
спастись? 26 А Иисус, воззрев, сказал им: челове-
кам это невозможно, Богу же всё возможно.
27 Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оста-
вили всё [redacted] последовали за Тобою; что же будет
нам? 28 *Иисус же сказал им: истинно говорю вам,*
что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии,
когда сядет Сын Человеческий на престоле славы
Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить
двенадцать колен Израилевых. 29 И всякий, кто ос-
тавит домы, или братьев, или сестер, или отца,
или мать, или жену, или детей, или земли, ради
имени Моего, получит во сто крат и наследует
жизнь вечную. 30 Многие же будут первые послед-
ними, и последние первыми.

20

20. Ибо Царство Небесное подобно хозяину
дома, который вышел рано поутру нанять работ-
ников в виноградник свой 2 и, договорившись с ра-
ботниками по динарию на день, послал их в вино-
градник свой; 3 выйдя около третьего часа, он уви-
дел других, стоящих на торжище праздно, 4 и им
сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следо-
вать будет, дам вам. Они пошли. 5 Опять выйдя
около шестого и девятого часа, сделал то же. 6 На-
конец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел
других, стоящих праздно, и говорит им: что вы
стоите здесь целый день праздно? 7 Они говорят
ему: *никто нас не нанял. Он говорит им: идите*
и вы в виноградник мой, [redacted] что следовать будет,
получите. 8 Когда же наступил вечер, говорит
господин виноградника управителю своему: позо-
ви работников и отдай им плату, начав [redacted] послед-
них до первых. 9 И пришедшие около одиннадца-
того часа получили по динарию. 10 Пришедшие же
первыми думали, что они получат больше, но полу-
чили и они по динарию, 11 и, получив, стали роп-
тать на хозяина дома 12 и говорили: эти последние
работали один час, и ты сравнил их с нами, пере-
несшими тягость дня и зной. 13 Он же в ответ ска-
зал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за
динарий ли ты договорился со мною? 14 возьми
свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то
же, что и тебе; 15 разве я не властен в своем делать,
что́ хочу? или глаз твой завистлив оттого, что я
добр? 16 Так будут последние первыми и первые по-
следними, ибо много званых, а мало избранных.
17 И, восходя в Иерусалим, Иисус дорогою ото-
звал двенадцать учеников одних, и сказал им:
18 вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Челове-
ческий *предан будет первосвященникам и книж-*
никам, и осудят Его на смерть; 19 и предадут Его
язычникам на поругание и биение и распятие;
и в третий день воскреснет.
20 Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеве-

деевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то
прося у Него. 21 Он сказал ей: чего ты хочешь?
Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои
сели у Тебя один по правую сторону, а другой по
левую в Царстве Твоем. 22 Иисус сказал в ответ:
не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, ко-
торую Я буду пить, или креститься крещением,
которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем.
23 И говорит им: чашу Мою будете пить, и креще-
нием, которым Я крещусь, будете креститься,
но дать сесть у Меня по правую сторону и по ле-
вую — не от Меня зависит, но кому уготовано
Отцем Моим. 24 Услышав сие, прочие десять уче-
ников вознегодовали на двух братьев. 25 Иисус же,
подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов
господствуют над ними, и вельможи властвуют
ими; 26 но между вами да не будет так: а кто
хочет между вами быть бóльшим, да будет вам
слугою; 27 и кто хочет между вами быть первым,
да будет вам рабом; 28 так как Сын Человеческий
не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы
послужить и отдать душу Свою для искупления
многих.
29 И когда выходили они из Иерихона, за Ним
следовало множество народа. 30 И вот, двое слепых,
сидевшие у дороги, услышав, что Иисус идет мимо,
начали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Дави-
дов! 31 Народ же заставлял их молчать; но они
еще громче стали кричать: помилуй нас, Господи,
Сын Давидов! 32 Иисус, остановившись, подозвал
их и сказал: чего вы хотите от Меня? 33 Они гово-
рят Ему: Господи! чтобы открылись глаза на-
ши. 34 Иисус же, умилосердившись, прикоснулся
к глазам их; и тотчас прозрели глаза их, и они по-
шли за Ним.

21

21. И когда приблизились к Иерусалиму и при-
шли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус по-
слал двух учеников[2], сказав им: пойдите в селение,
которое прямо перед вами; и тотчас найдете осли-
цу привязанную и молодого осла с нею; отвязав,
приведите ко Мне[3], и если кто скажет вам что-
нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тот-
час пошлет их[4]. Всё же сие было, да сбудется ре-
ченное через пророка, который говорит: 5 Скажите
дщери Сионовой: се, Царь твой грядет к тебе крот-
кий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъя-
ремной. 6 Ученики пошли и поступили так, как
повелел им Иисус: 7 привели ослицу и молодого
осла и положили на них одежды свои, и Он сел
поверх их. 8 Множество же народа постилали свои
одежды по дороге, а другие резали ветви с дерев и
постилали по дороге; 9 народ же, предшествовав-
ший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну
Давидову! благословен Грядущий во имя Господ-
не! осанна в вышних! 10 И когда вошел Он в Иеру-
салим, весь город пришел в движение и говорил:
кто Сей? 11 Народ же говорил: Сей есть Иисус,
Пророк из Назарета Галилейского.
12 И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех
продающих и покупающих в храме, и опрокинул
столы меновщиков и скамьи продающих голу-
бей, 13 и говорил им: написано, — дом Мой домом
молитвы наречется; а вы сделали его вертепом раз-
бойников. 14 И приступили к Нему в храме слепые
и хромые, и Он исцелил их. 15 Видев же первосвя-
щенники и книжники чудеса, которые Он сотво-
рил, и детей, восклицающих в храме и говорящих:
осанна Сыну Давидову! — вознегодовали 16 и ска-
зали Ему: слышишь ли, что они говорят? Иисус же
говорит им: да! разве вы никогда не читали: из
уст младенцев и грудных детей Ты устроил хва-
лу? 17 И, оставив их, вышел вон из города в Вифа-
нию и провел там ночь.
18 Поутру же, возвращаясь в город, взалкал; 19 и
увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней
и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев,
говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода
вовек. И смоковница тотчас засохла. 20 Увидев это,
ученики удивились и говорили: как это тотчас
засохла смоковница? 21 Иисус же сказал им в от-
вет: истинно говорю вам, если будете иметь веру и
не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со
смоковницею, но если и горе сей скажете: подни-
мись и ввергнись в море, — будет; 22 и всё, чего
ни попросите в молитве с верою, получите.
23 И когда пришел Он в храм и учил, приступили
к Нему первосвященники и старейшины народа и
сказали: какою властью Ты это делаешь? и кто
Тебе дал такую власть? 24 Иисус сказал им в ответ:
спрошу и Я вас об одном; если в том скажете Мне,
то и Я вам скажу, какою властью это делаю; 25 кре-
щение Иоанново откуда было: с небес, или от че-
ловеков? Они же рассуждали между собою: если
скажем: с небес, то Он скажет нам: почему же вы
не поверили ему? 26 а если сказать: от человеков, —
боимся народа, ибо все почитают Иоанна за про-
рока. 27 И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Сказал
им и Он: и Я вам не скажу, какою властью это
делаю.
28 А как вам кажется? У одного человека было
два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын!
пойди сегодня работай в винограднике моем. 29 Но
он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись,
пошел. 30 И подойдя к другому, он сказал то же.
Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел.
31 Который из двух исполнил волю отца? Говорят
Ему: первый. Иисус говорит им: истинно говорю
вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в
Царство Божие, 32 ибо пришел к вам Иоанн путем
праведности, и вы не поверили ему, а мытари и
блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не рас-
каялись после, чтобы поверить ему.
33 Выслушайте другую притчу: был некоторый
хозяин дома, который насадил виноградник, обнес
его оградою, выкопал в нем точило, построил баш-
ню и, отдав его виноградарям, отлучился. 34 Ко-
гда же приблизилось время плодов, он послал
своих слуг к виноградарям взять свои плоды;
35 виноградари, схватив слуг его, иного прибили,
иного убили, а иного побили камнями. 36 Опять
послал он других слуг, больше прежнего; и с ними
поступили так же. 37 Наконец, послал он к ним
своего сына, говоря: постыдятся сына моего. 38 Но
виноградари, увидев сына, сказали друг другу:
это наследник; пойдем, убьем его и завладеем
наследством его. 39 И, схватив его, вывели вон из
виноградника и убили. 40 Итак, когда придет
хозяин виноградника, что сделает он с этими ви-
ноградарями? 41 Говорят Ему: злодеев сих пре-
даст злой смерти, а виноградник отдаст другим
виноградарям, которые будут отдавать ему плоды
во времена свои. 42 Иисус говорит им: неужели
вы никогда не читали в Писании: камень, кото-
рый отвергли строители, тот самый сделался гла-
вою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах на-
ших? 43 Потому сказываю вам, что отнимется от
вас Царство Божие и дано будет народу, при-
носящему плоды его; 44 и тот, кто упадет на этот
камень, разобьется, а на кого он упадет, того раз-

давит 45 И слышав притчи Его, первосвященники и
фарисеи поняли, что Он о них говорит, 46 и стара-
лись схватить Его, но побоялись народа, потому что
Его почитали за Пророка.

22

22. Иисус, продолжая говорить им притчами,
сказал: 2 Царство Небесное подобно человеку ца-
рю, который сделал брачный пир для сына сво-
его 3 и послал рабов своих звать званых на брач-
ный пир; и не хотели придти. 4 *Опять послал*
других рабов, сказав: скажите званым: вот, я при-
готовил обед мой, тельцы мои и что откормлено,
заколото, и всё готово; приходите на брачный
пир. 5 Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле
свое, а кто на торговлю свою; 6 прочие же, схватив
рабов его, оскорбили и убили их. 7 *Услышав о*
сем, царь разгневался, и, послав войска свои,
истребил убийц оных и сжег город их. 8 Тогда гово-
рит он рабам своим: брачный пир готов, а званые
не были достойны; 9 итак пойдите на распутия
и всех, кого найдете, зовите на брачный пир. 10 И
рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только
нашли, и злых и добрых; и брачный пир напол-
нился возлежащими. 11 Царь, войдя посмотреть
возлежащих, увидел там человека, одетого не в
брачную одежду, 12 и говорит ему: друг! как ты
вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал.
13 *Тогда сказал царь слугам:* связав ему руки и
ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю;
там будет плач и скрежет зубов; 14 ибо много зва-
ных, а мало избранных.
15 Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы
уловить Его в словах. 16 И посылают к Нему учени-
ков своих с иродианами, говоря: Учитель! Мы
знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию
учишь, и не заботишься об угождении кому-либо,
ибо не смотришь ни на какое лице; 17 итак скажи
нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать
подать кесарю, или нет? 18 Но Иисус, видя лукав-
ство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры?
19 покажите Мне монету, которою платится по-
дать. Они принесли Ему динарий. 20 И говорит
им: чье это изображение и надпись? 21 Говорят
Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте
кесарево кесарю, а Божие Богу. 22 Услышав это,
они удивились и, оставив Его, ушли.
23 В тот день приступили к Нему саддукеи, ко-
торые говорят, что нет воскресения, и спросили
Его: 24 Учитель! Моисей сказал: если кто умрет,
не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя
жену его и восстановит семя брату своему; 25 было
у нас семь братьев; первый, женившись, умер и,
не имея детей, оставил жену свою брату своему;
26 подобно и второй, и третий, даже до седьмого;
27 после же всех умерла и жена; 28 итак, в воскре-
сении, которого из семи будет она женою? ибо
все имели ее. 29 Иисус сказал им в ответ: заблуж-
даетесь, не зная Писаний, ни силы Божией, 30 ибо
в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но
пребывают, как Ангелы Божии на небесах. 31 А о
воскресении мертвых не читали ли вы реченного
вам Богом: 32 Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог
Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых. 33 И,
слыша, народ дивился учению Его.
34 А фарисеи, услышав, что Он привел саддукеев
в молчание, собрались вместе. 35 И один из них,
законник, искушая Его, спросил, говоря: 36 Учи-
тель! какая наибольшая заповедь в законе? 37 Ии-
сус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего
всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем
разумением твоим: 38 сия есть первая и наиболь-
шая заповедь; 39 вторая же подобная ей: возлюби
ближнего твоего, как самого себя; 40 на сих двух
заповедях утверждается весь закон и пророки.
41 Когда же собрались фарисеи, Иисус спросил
их: 42 что вы думаете о Христе? чей Он сын? Гово-
рят Ему: Давидов. 43 Говорит им: как же Давид,
по вдохновению, называет Его Господом, когда го-
ворит: 44 сказал Господь Господу моему: седи
одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в под-
ножие ног Твоих? 45 Итак, если Давид называет
Его Господом, как же Он сын ему? 46 И никто не мог
отвечать Ему ни слова; и с того дня никто уже
не смел спрашивать Его.

23

23. Тогда Иисус начал говорить народу и учени-
кам Своим 2 и сказал: на Моисеевом седалище
сели книжники и фарисеи; 3 итак всё, что они велят
вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам
же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают:
4 связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и
возлагают на плечи людям, а сами не хотят и пер-
стом двинуть их; 5 все же дела свои делают с тем,
чтобы видели их люди: расширяют хранилища
свои и увеличивают воскрилия одежд своих; 6 так-
же любят предвозлежания на пиршествах и пред-
седания в синагогах 7 и приветствия в народных
собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учи-
тель! 8 А вы не называйтесь учителями, ибо один
у вас Учитель — Христос, все же вы — братья;
9 и отцом себе не называйте никого на земле, ибо
один у вас Отец, Который на небесах; 10 и не назы-
вайтесь наставниками, ибо один у вас наставник —
Христос. 11 Больший из вас да будет вам слуга:
12 ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто
унижает себя, тот возвысится.
13 Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что
затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами
не входите и хотящих войти не допускаете. 14 Горе
вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете
домы вдов и лицемерно долго молитесь: за то при-
мете тем большее осуждение. 15 Горе вам, книжни-
ки и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу,
дабы обратить хотя одного; и когда это случится,
делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас. 16 Го-
ре вам, вожди слепые, которые говорите: если кто
поклянется храмом, то ничего, а если кто покля-
нется золотом храма, то повинен. 17 Безумные и
слепые! что больше: золото, или храм, освящаю-
щий золото? 18 Также: если кто поклянется жерт-
венником, то ничего, если же кто поклянется да-
ром, который на нем, то повинен. 19 Безумные и
слепые! что больше: дар, или жертвенник, освя-
щающий дар? 20 Итак клянущийся жертвенником
клянется им и всем, что на нем; 21 и клянущийся
храмом клянется им и Живущим в нем; 22 и кля-
нущийся небом клянется Престолом Божиим и Си-
дящим на нем. 23 Горе вам, книжники и фари-
сеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса
и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд,
милость и веру; сие надлежало делать, и того не
оставлять. 24 Вожди слепые, оцеживающие комара,
а верблюда поглощающие! 25 Горе вам, книжники
и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность
чаши и блюда, между тем как внутри они полны

хищения и неправды. 26 Фарисей слепой! очисти
прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста
была и внешность их. 27 Горе вам, книжники и
фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашен-
ным гробам, которые снаружи кажутся красивыми,
а внутри полны костей мертвых и всякой нечисто-
ты; 28 так и вы по наружности кажетесь людям пра-
ведными, а внутри исполнены лицемерия и без-
закония. 29 Горе вам, книжники и фарисеи, лице-
меры, что строите гробницы пророкам и украшаете
памятники праведников, 30 и говорите: если бы мы
были во дни отцов наших, то не были бы сообщни-
ками их в пролитии крови пророков; 31 таким обра-
зом вы сами против себя свидетельствуете, что вы
сыновья тех, которые избили пророков; 32 допол-
няйте же меру отцов ваших. 33 Змии, порождения
ехиднины! как убежите вы от осуждения в геен-
ну? 34 Посему, вот, Я посылаю к вам пророков,
и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и
распнете, а иных будете бить в синагогах ваших
и гнать из города в город; 35 да придет на вас вся
кровь праведная, пролитая на земле, от крови Аве-
ля праведного до крови Захарии, сына Варахии-
на, которого вы убили между храмом и жертвен-
ником. 36 Истинно говорю вам, что всё сие придет
на род сей. 37 Иерусалим, Иерусалим, избивающий
пророков и камнями побивающий посланных к те-
бе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как
птица собирает птенцов своих под крылья, и вы
не захотели! 38 Се, оставляется вам дом ваш пуст.
39 Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне,
доколе не воскликнете: благословен Грядый во
имя Господне!

24

24. И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили
ученики Его, чтобы показать Ему здания храма.
2 Иисус же сказал им: видите ли всё это? Истинно
говорю вам: не останется здесь камня на камне;
всё будет разрушено.
3 Когда же сидел Он на горе Елеонской, то при-
ступили к Нему ученики наедине и спросили:
скажи нам, когда это будет? и какой признак
Твоего пришествия и кончины века? 4 Иисус сказал
им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил
вас, 5 ибо многие придут под именем Моим, и будут
говорить: «я Христос», и многих прельстят. 6 Так-
же услышите о войнах и о военных слухах. Смо-
трите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому
быть, но это еще не конец: 7 ибо восстанет народ
на народ, и царство на царство; и будут глады,
моры и землетрясения по местам; 8 всё же это —
начало болезней. 9 Тогда будут предавать вас на
мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы
всеми народами за имя Мое; 10 и тогда соблазнят-
ся многие, и друг друга будут предавать, и возне-
навидят друг друга; 11 и многие лжепророки вос-
станут, и прельстят многих; 12 и, по причине
умножения беззакония во многих охладеет
любовь; 13 претерпевший же до конца спасет-
ся. 14 И проповедано будет сие Евангелие Царст-
вия по всей вселенной, во свидетельство всем
народам; и тогда придет конец. 15 Итак, когда
увидите мерзость запустения, реченную через
пророка Даниила, стоящую на святом месте, —
читающий да разумеет, — 16 тогда находящиеся в
Иудее да бегут в горы; 17 и кто на кровле, тот да
не сходит взять что-нибудь из дома своего; 18 и кто
на поле, тот да не обращается назад взять одежды
свои. 19 Горе же беременным и питающим сосцами
в те дни! 20 Молитесь, чтобы не случилось бегство
ваше зимою или в субботу, 21 ибо тогда будет вели-
кая скорбь, какой не было от начала мира доныне,
и не будет. 22 И если бы не сократились те дни, то
не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных
сократятся те дни. 23 Тогда, если кто скажет вам:
вот, здесь Христос, или там, — не верьте. 24 Ибо
восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут вели-
кие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если
возможно, и избранных. 25 Вот, Я наперед сказал
вам. 26 Итак, если скажут вам: «вот, Он в пусты-
не», — не выходите; «вот, Он в потаенных комна-
тах», — не верьте; 27 ибо, как молния исходит от
востока и видна бывает даже до запада, так будет
пришествие Сына Человеческого; 28 ибо, где будет
труп, там соберутся орлы. 29 И вдруг, после скорби
дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света
своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные по-
колеблются; 30 тогда явится знамение Сына Чело-
веческого на небе; и тогда восплачутся все пле-
мена земные и увидят Сына Человеческого, гря-
дущего на облаках небесных с силою и славою
великою; 31 и пошлет Ангелов Своих с трубою гро-
могласною, и соберут избранных его от четырех
ветров, от края небес до края их. 32 От смоковницы
возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже
мягки и пускают листья, то знаете, что близко
лето; 33 так, когда вы увидите всё сие, знайте, что
близко, при дверях. 34 Истинно говорю вам: не
прейдет род сей, как всё сие будет; 35 небо и земля
прейдут, но слова Мои не прейдут. 36 О дне же
том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные,
а только Отец Мой один; 37 но, как было во дни Ноя,
так будет и в пришествие Сына Человеческого:
38 ибо, как во дни перед потопом ели, пили, жени-
лись и выходили замуж, до того дня, как вошел
Ной в ковчег, 39 и не думали, пока не пришел потоп
и не истребил всех, — так будет и пришествие Сына
Человеческого; 40 тогда будут двое на поле: один
берется, а другой оставляется; 41 две мелющие в
жерновах: одна берется, а другая оставляется.
42 Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в кото-
рый час Господь ваш приидет. 43 Но это вы знаете,
что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу
придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подко-
пать дома своего. 44 Потому и вы будьте готовы,
ибо в который час не думаете, приидет Сын Че-
ловеческий. 45 Кто же верный и благоразумный
раб, которого господин его поставил над слугами
своими, чтобы давать им пищу во время? 46 Бла-
жен тот раб, которого господин его, придя, найдет
поступающим так; 47 истинно говорю вам, что над
всем имением своим поставит его. 48 Если же раб
тот, будучи зол, скажет в сердце своем: не скоро
придет господин мой, 49 и начнет бить товарищей
своих и есть и пить с пьяницами, — 50 то придет
господин раба того в день, в который он не ожидает,
и в час, в который не думает, 51 и рассечет его, и
подвергнет его одной участи с лицемерами; там бу-
дет плач и скрежет зубов.

25

25. Тогда подобно будет Царство Небесное десяти
девам, которые, взяв светильники свои, вышли на-
встречу жениху. 2 Из них пять было мудрых и
пять неразумных. 3 Неразумные, взяв светильники
свои, не взяли с собою масла. 4 Мудрые же, вместе
со светильниками своими, взяли масла в сосудах
своих. 5 И как жених замедлил, то задремали все
и уснули. 6 Но в полночь раздался крик: вот, же-

них идет, выходите навстречу ему. [7] Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. [8] Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. [9] А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. [10] Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились; [11] после приходят и прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам. [12] Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас. [13] Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который приидет Сын Человеческий.

[14] Ибо Он поступит, как человек, который, отправляясь в чужую страну, призывал рабов своих и поручил им имение свое: [15] и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. [16] Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; [17] точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; [18] получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. [19] По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. [20] И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. [21] Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. [22] Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. [23] Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. [24] Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, [25] и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. [26] Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; [27] посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; [28] итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, [29] ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; [30] а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!

[31] Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, [32] и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; [33] и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. [34] Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: [35] ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; [36] был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. [37] Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? [38] когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? [39] когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? [40] И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. [41] Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: [42] ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; [43] был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. [44] Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? [45] Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. [46] И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.

26

26. Когда Иисус окончил все слова сии, то сказал ученикам Своим: [2] вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие.

[3] Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, [4] и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; [5] но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе.

[6] Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, [7] приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. [8] Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? [9] Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. [10] Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: [11] ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; [12] возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; [13] истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала. [14] Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам [15] и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников; [16] и с того времени он искал удобного случае предать Его.

[17] В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху? [18] Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Мое близко; у тебя совершу пасху с учениками Моими. [19] Ученики сделали, как повелел им Иисус, и приготовили пасху.

[20] Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; [21] и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. [22] Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? [23] Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня; [24] впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться. [25] При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал.

[26] И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: при-

мите, ядите: сие есть Тело Мое. 27 И, взяв чашу
и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все,
28 ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих
изливаемая во оставление грехов. 29 Сказываю же
вам, что отныне не буду пить от плода сего вино-
градного до того дня, когда буду пить с вами новое
вино в Царстве Отца Моего.
30 И, воспев, пошли на гору Елеонскую. 31 Тогда
говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в
эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассе-
ются овцы стада; 32 по воскресении же Моем пред-
варю вас в Галилее. 33 Петр сказал Ему в ответ:
если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблаз-
нюсь. 34 Иисус сказал ему: истинно говорю тебе,
что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух,
трижды отречешься от Меня. 35 Говорит Ему Петр:
хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не от-
рекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики.
36 Потом приходит с ними Иисус на место, назы-
ваемое Гефсимания, и говорит ученикам: посиди-
те тут, пока Я пойду, помолюсь там. 37 И, взяв
с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал
скорбеть и тосковать. 38 Тогда говорит им Иисус:
душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и
бодрствуйте со Мной. 39 И, отойдя немного, пал на
лице Свое, и молился и говорил: Отче Мой! если
возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не
как Я хочу, но как Ты. 40 И приходит к ученикам
и находит их спящими, и говорит Петру: так ли
не могли вы один час бодрствовать со Мною?
41 бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в иску-
шение: дух бодр, плоть же немощна. 42 Еще, отой-
дя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если
не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не
пить ее, да будет воля Твоя. 43 И, придя, находит
их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели.
44 И, оставив их, отошел опять и помолился в тре-
тий раз, сказав то же слово. 45 Тогда приходит
к ученикам Своим и говорит им: вы всё еще спите
и почиваете? вот, приблизился час, и Сын Челове-
ческий предается в руки грешников; 46 встаньте,
пойдем: вот, приблизился предающий Меня.
47 И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из
двенадцати, пришел, и с ним множество народа с
мечами и кольями, от первосвященников и старей-
шин народных. 48 Предающий же Его дал им знак,
сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его.
49 И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся,
Равви! И поцеловал Его. 50 Иисус же сказал ему:
друг, для чего ты пришел? Тогда подошли и возло-
жили руки на Иисуса, и взяли Его. 51 И вот, один
из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч
свой и, ударив раба первосвященникова, отсек
ему ухо. 52 Тогда говорит ему Иисус: возврати
меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом
погибнут; 53 или думаешь, что Я не могу теперь
умолить Отца Моего, и Он представит Мне более,
нежели двенадцать легионов Ангелов? 54 как же
сбудутся Писания, что так должно быть? 55 В тот
час сказал Иисус народу: как будто на разбойника
вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый
день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали
Меня. 56 Сие же всё было, да сбудутся писания
пророков. Тогда все ученики, оставив Его, бежали.
57 А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе пер-
восвященнику, куда собрались книжники и ста-
рейшины. 58 Петр же следовал за Ним издали,
до двора первосвященникова; и, войдя внутрь,
сел со служителями, чтобы видеть конец. 59 Перво-
священники и старейшины и весь синедрион иска-
ли лжесвидетельства против Иисуса, чтобы пре-
дать Его смерти, 60 и не находили; и, хотя много
лжесвидетелей приходило, не нашли. Но наконец
пришли два лжесвидетеля 61 и сказали: Он гово-
рил: могу разрушить храм Божий и в три дня
создать его. 62 И, встав, первосвященник сказал
Ему: что же ничего не отвечаешь? что они против
Тебя свидетельствуют? 63 Иисус молчал. И перво-
священник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом
живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?
64 Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю
вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего
одесную силы и грядущего на облаках небесных.
65 Тогда первосвященник разодрал одежды свои и
сказал: Он богохульствует! на что еще нам свиде-
телей? вот, теперь вы слышали богохульство Его!
66 как вам кажется? Они же сказали в ответ: пови-
нен смерти. 67 Тогда плевали Ему в лице и зауша-
ли Его; другие же ударяли Его по ланитам 68 и го-
ворили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?
69 Петр же сидел вне на дворе. 70 И подошла
к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иису-
сом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми,
сказав: не знаю, что ты говоришь. 71 Когда же он
выходил за ворота, увидела его другая, и говорит
бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем.
72 И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего
Человека. 73 Немного спустя подошли стоявшие
там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь
твоя обличает тебя. 74 Тогда он начал клясться и
божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг за-
пел петух. 75 И вспомнил Петр слово, сказанное
ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, триж-
ды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал
горько.

27

27. Когда же настало утро, все первосвященники
и старейшины народа имели совещание об Иису-
се, чтобы предать Его смерти; 2 и, связав Его, отве-
ли и предали Его Понтию Пилату, правителю.
3 Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он
осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать
сребренников первосвященникам и старейшинам,
4 говоря: согрешил я, предав кровь невинную.
Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам.
5 И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошел
и удавился. 6 Первосвященники, взяв сребренни-
ки, сказали: непозволительно положить их в со-
кровищницу церковную, потому что это цена кро-
ви. 7 Сделав же совещание, купили на них землю
горшечника, для погребения странников; 8 посе-
му и называется земля та «землею крови» до сего
дня. 9 Тогда сбылось реченное через пророка Иере-
мию, который говорит: и взяли тридцать сребрен-
ников, цену Оцененного, Которого оценили сыны
Израиля, 10 и дали их за землю горшечника, как
сказал мне Господь.
11 Иисус же стал пред правителем. И спросил
Его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал
ему: ты говоришь. 12 И когда обвиняли Его перво-
священники и старейшины, Он ничего не отвечал.
13 Тогда говорит Ему Пилат: не слышишь, сколько
свидетельствуют против Тебя? 14 И не отвечал ему
ни на одно слово, так что правитель весьма дивил-
ся. 15 На праздник же Пасхи правитель имел обы-
чай отпускать народу одного узника, которого
хотели. 16 Был тогда у них известный узник, назы-
ваемый Варавва; 17 итак, когда собрались они,
сказал им Пилат: кого хотите, чтобы я отпустил
вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом?

18 ибо знал, что предали Его из зависти. 19 Между
тем, как сидел он на судейском месте, жена его по-
слала ему сказать: не делай ничего Праведнику
Тому, потому что я ныне во сне много пострадала
от Него. 20 Но первосвященники и старейшины
возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погу-
бить. 21 Тогда правитель спросил их: кого из двух
хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Ва-
равву. 22 Пилат говорит им: что же я сделаю Иису-
су, называемому Христом? Говорят ему все: да
будет распят. 23 Правитель сказал: какое же зло
сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет
распят. 24 Пилат, видя, что ничто не помогает, но
смятение увеличивается, взял воды и умыл руки
перед народом, и сказал: невиновен я в крови Пра-
ведника Сего; смотрите вы. 25 И, отвечая, весь на-
род сказал: кровь Его на нас и на детях наших.
26 Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, пре-
дал на распятие.

27 Тогда воины правителя, взяв Иисуса в прето-
рию, собрали на Него весь полк 28 и, раздев Его, на-
дели на Него багряницу; 29 и, сплетши венец из
терна, возложили Ему на голову и дали Ему в пра-
вую руку трость; и, становясь пред Ним на колени,
насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь
Иудейский! 30 и плевали на Него и, взяв трость,
били Его по голове.

31 И когда насмеялись над Ним, сняли с Него
багряницу, и одели Его в одежды Его, и повели
Его на распятие. 32 Выходя, они встретили одного
Киринеянина, по имени Симона; сего заставили
нести крест Его. 33 И придя на место, называемое
Голгофа, что значит: Лобное место, 34 дали Ему
пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав,
не хотел пить. 35 Распявшие же Его делили одеж-
ды Его, бросая жребий; 36 и, сидя, стерегли Его
там; 37 и поставили над головою Его надпись, озна-
чающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудей-
ский. 38 Тогда распяты с Ним два разбойника:
один по правую сторону, а другой по левую. 39 Про-
ходящие же злословили Его, кивая головами сво-
ими 40 и говоря: Разрушающий храм и в три дня
Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын
Божий, сойди с креста. 41 Подобно и первосвящен-
ники с книжниками и старейшинами и фарисеями,
насмехаясь, говорили: 42 других спасал, а Себя
Самого не может спасти; если Он Царь Израилев,
пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него;
43 уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если
Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын.
44 Также и разбойники, распятые с Ним, поносили
Его.

45 От шестого же часа тьма была по всей земле
до часа девятого; 46 а около девятого часа возопил
Иисус громким голосом: Или́, Или́! лама́ савах-
фани́? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты
Меня оставил? 47 Некоторые из стоявших там, слы-
ша это, говорили: Илию зовет Он. 48 И тотчас по-
бежал один из них, взяв губку, наполнил уксусом
и, наложив на трость, давал Ему пить; 49 а другие
говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия
спасти Его. 50 Иисус же, опять возопив громким
голосом, испустил дух. 51 И вот, завеса в храме
раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряс-
лась; и камни расселись; 52 и гробы отверзлись;
и многие тела усопших святых воскресли 53 и,
выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во свя-
тый град и явились многим. 54 Сотник же и те, ко-
торые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение
и всё бывшее, устрашились весьма и говорили:
воистину Он был Сын Божий. 55 Там были также
и смотрели издали многие женщины, которые сле-
довали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; 56 меж-
ду ними были Мария Магдалина и Мария, мать
Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых.

57 Когда же настал вечер, пришел богатый чело-
век из Аримафеи, именем Иосиф, который также
учился у Иисуса; 58 он, придя к Пилату, просил те-
ла Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать тело;
59 и, взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащани-
цею 60 и положил его в новом своем гробе, кото-
рый высек он в скале; и, привалив большой камень
к двери гроба, удалился. 61 Была же там Мария
Магдалина и другая Мария, которые сидели про-
тив гроба.

62 На другой день, который следует за пятницею,
собрались первосвященники и фарисеи к Пилату
63 и говорили: господин! Мы вспомнили, что обман-
щик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех
дней воскресну; 64 итак прикажи охранять гроб
до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью,
не украли Его и не сказали народу: воскрес из
мертвых; и будет последний обман хуже первого.
65 Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите,
охраняйте, как знаете. 66 Они пошли и поставили
у гроба стражу, и приложили к камню печать.

28

28. По прошествии же субботы, на рассвете пер-
вого дня недели, пришла Мария Магдалина и дру-
гая Мария посмотреть гроб.

2 И вот, сделалось великое землетрясение, ибо
Ангел Господень, сошедший с небес, приступив,
отвалил камень от двери гроба и сидел на нем;
3 вид его был, как молния, и одежда его бела, как
снег; 4 устрашившись его, стерегущие пришли в
трепет и стали, как мертвые.

5 Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал:
не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распя-
того; 6 Его нет здесь — Он воскрес, как сказал.
Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь,
7 и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что
Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Гали-
лее; там Его увидите. Вот, я сказал вам. 8 И, выйдя
поспешно из гроба, они со страхом и радостью ве-
ликою побежали возвестить ученикам Его.

9 Когда же шли они возвестить ученикам Его,
и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они,
приступив, ухватились за ноги Его и поклонились
Ему. 10 Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пой-
дите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Га-
лилею, и там они увидят Меня. 11 Когда же они
шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объ-
явили первосвященникам о всем бывшем. 12 И сии,
собравшись со старейшинами и сделав совещание,
довольно денег дали воинам, 13 и сказали: скажи-
те, что ученики Его, придя ночью, украли Его,
когда мы спали; 14 и, если слух об этом дойдет до
правителя, мы убедим его, и вас от неприятности
избавим. 15 Они, взяв деньги, поступили, как науче-
ны были; и пронеслось слово сие между иудеями
до сего дня.

16 Одиннадцать же учеников пошли в Галилею,
на гору, куда повелел им Иисус, 17 и, увидев Его,
поклонились Ему, а иные усомнились. 18 И при-
близившись Иисус сказал им: дана Мне всякая
власть на небе и на земле. 19 Итак, идите, научите
все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Свя-
таго Духа, 20 уча их соблюдать всё, что Я повелел
вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века.
Аминь.

С. АВЕРИНЦЕВ,
член-корреспондент АН СССР,
доктор филологических наук

КОММЕНТАРИИ

16, 14. Мотив чудесного возврата одного из великих деятелей прошлого сильно владел воображением иудеев той эпохи.

16. 16—19. *Симон* впервые совершает акт ритуального исповедания веры в мессианство Иисуса; за это Иисус дает ему новое имя — Камень (по-арамейски Кефа, по-гречески Пе́трос от «петра») и ставит его во главе творимой заново мессианской общины (будущей Церкви). Религиозная символика камня в Библии очень богата; можно вспомнить также традиционное отношение к «краеугольному камню» мироздания (евр. «эве́н штийа́») — скале, во времена Иисуса державшей алтарь всесожжения в Иерусалимском храме, а ныне укрытой куполом мечети Куббат ас-Сахра. *Врата ада* — библейское обозначение сил зла и смерти. *Ключи* — в восточном обиходе символ власти визиря. Поскольку Петр, по преданию, проповедывал и был казнен в Риме, явившись основателем Римской епископской кафедры, католическая интерпретация видит в этом месте утверждение вселенских прерогатив папы.

16. 21—23. Открытое принятие Иисусом мессианского титула, провозглашенного Петром, и назначение Петра «визирем» новоявленного Царя как будто намечают перспективу благополучно-победоносного земного царства. Иисус сейчас же резко отвергает эту перспективу. Петр, уговаривая Иисуса пощадить себя, повторяет искушение властью в пустыне (см. выше 4, 8 — 10), и Иисус говорит, как тогда: «отойди от Меня, сатана!»

17, 1. Христианская традиция отождествляет гору Преображения с горой Фавор, округлый силуэт которой поднимается над Эздрелонской долиной на 588 м.

17, 3—6. *Моисей* представляет Пятикнижие (Тору, «Закон»), *Илия* — пророков; оба вместе они свидетельствуют о мессианстве Иисуса от имени всей ветхозаветной традиции. *Кущи* — шалаши, жилища, устроенные на скорую руку, по-еврейски — суккóт (в еврейском календаре есть праздник Суккóт, когда верующие переселяются в такие жилища). Искушение продолжается: Петру хочется материализовать чудо, продлить его, дав ему хотя бы смиренное жилище на земле. *Облако светлое* — образ присутствия Бога, известный из Ветхого Завета.

17, 21. *Сей же род* — бесы.

17, 24. Речь идет о налоге на Иерусалимский храм, которым облагались иудеи. Как мистическая свобода мессианского сообщества, так и образ жизни нищих, питающихся чужим подаянием, извиняет Иисуса и его учеников от этой повинности. Но Иисус предпочитает совершить чудо, чтобы не оскорбить набожных чувств сборщиков.

18, 17. *Как язычник и мытарь* — т. е. стоящий вне религиозного общения.

18, 24. *Талант* — самая большая денежная мера. Долг в 10000 талантов — гипербола, подходящая к тону народной притчи. Для морали притчи важно, что одна сумма превышает другую в сотни тысяч раз.

19, 12. Метафора, употребленная Иисусом, звучит для наших ушей странно. Необходимо помнить, что на Востоке евнух — не только комический хранитель гарема, но уважаемый всеми государственный деятель, подчас полководец; это человек, который, не имея семейной жизни, всецело посвящен службе своему монарху. Так аскет-девственник всецело посвящает себя служению «Царству». Буквалистская интерпретация (у Оригена, позднее у сектантов-скопцов) была единодушно отвергнута Церковью.

19, 24. Попытки придать образу внешнюю правдоподобность, истолковав «верблюда» как верблюжий волос или «игольные уши» как особенно низкий и тесный проход в стене Иерусалима, в наше время оставлены. Иисус употребил резкую гиперболу, то ли взятую из фольклорного обихода, то ли созданную тут же, на глазах у зрителей.

19, 30. Горячо раскаявшиеся грешники опередят людей достойных, но колеблющихся.

20, 22. Символы мученической смерти.

21, 1. *Елеонская,* или Масличная, гора возвышается к востоку от Иерусалима, за оврагом потока Кидрона. *Виффагия* — селение, лежащее за горою, в восточном направлении.

21, 2—5. Повествование, по-видимому, предполагает обстоятельства, известные первым читателям. Выбор ослицы вместо коня (символизирующего в Библии агрессивную мощь и гордыню) — это отказ от войн и побед как пути к внешней власти. Ветхозаветная цитата соединяет тексты Книги Исаии, 62, 11 и Книги Захарии, 9, 9.

21, 12—13. В казну Храма принимались только монеты тирской чеканки; размен монет по крайне неадекватной таксе составлял важный источник доходов околохрамовой «мафии».

21, 33—41. *Виноградник* — традиционный символ Израиля. *Хозяин* — Бог; *виноградари* — иудеи; *слуги* хозяина — пророки; сын — Иисус.

21, 42. Цитата из псалма 117/118, 22—23.

22, 16—21. *Иродиане* — сторонники династии Ирода, наиболее активные пособники римских оккупантов. Вопрос о допустимости выплаты налогов Риму — очень острый; задающие вопрос хотят, чтобы Иисус скомпрометировал себя либо перед властями, либо перед народом. Религиозный аспект вопроса был связан с тем, что крупная римская монета несла на себе языческие эмблемы и надписи, т. е. являла собой как бы идола в миниатюре, источник ритуальной скверны. Ни у Иисуса, ни у его учеников такой монеты нет; зато у спрашивающих она, как выясняется, есть. Верхушка иудейского общества уже осквернила себя прикосновением к динарию римского императора, уже польстилась на экономические блага, обеспечиваемые римским порядком; подать — плата за эти блага. Рим дал динарий, Рим вправе потребовать его назад. Но если на монете отчеканено изображение императора, на человеческой личности отчеканены образ и подобие Бога; личная совесть человека принадлежит только Богу.

22, 24. Т. н. обычай левирата.

22, 32. Цитата из Книги Исхода, 3,6.

22, 44. Цитата из псалма 109/110, 1.

23, 5. *Хранилища* — пергаментные свитки со стихами Торы, помещаемые в футляры, которые на время молитвы прикрепляются к голове и левой руке (евр. тефилин). *Воскрилия* — кисти на краях одежды, см. выше к 9, 20.

23, 15. Речь идет о миссионерской деятельности, не чуждой иудаизму того времени. Неофит стремится превзойти в ханжестве своих наставников.

23, 27. *Окрашенным гробам* — точнее, побеленным гробницам.

23, 35. *Авель* — сын Адама, жертва первоубийцы Каина. Убийство *Захарии* описано во II Книге Паралипоменон, 24. 20—22.

24, 1—28 и далее. Пророчество о гибели Храма и Иерусалима символически соотнесено с пророчеством о конце мира и незаметно в него переходит.

24, 15. Цитата из Книги Даниила, 9,27. Имеется в виду осквернение Иерусалимского храма как предзнаменование страшных бед.

24, 16. Исполняя этот совет, христианская община Иерусалима во время Иудейской войны 66—73 гг. бежала в г. Пеллу.

24, 28. Значки римских легионов в форме орлов, окружающие Иерусалим, уподоблены живым орлам, слетающимся на мертвое тело.

26, 3. *Каиафа* — первосвященник в 18—36 гг. н. э.

26, 6—13. Намерение женщины — помазать Иисуса на царство; но в провидческой перспективе Иисуса это приготовление его тела к погребению. Поздняя традиция отождествила эту женщину с Марией Магдалиной.

26, 17. Накануне своей казни Иисус справлял с учениками по еврейскому обычаю пасхальный седер. По-видимому, это было на сутки раньше обычного времени для седера — вечера 14 Нисана. Возможно, Иисус следовал древнему солнечному календарю, по которому седер всегда приходился на вечер четверга; новые исследования делают это вероятным.

26, 26—28. Установление христианского таинства евхаристии (причащения) вписывается в традиционный порядок ритуальных благословений хлеба и вина по ходу седера.

26, 30. *Воспев* — псалмы 112/113—117/118, завершающие седер (т. н. «Халлель»).

26, 36. *Гефсимания* — окруженная маслинами пещера на западном склоне Масличной Горы, использовавшаяся осенью для выдавливания оливкового масла (арам. «гат шамнé» — «масличное точило»), а по весне пустовавшая.

26, 31. Цитата из Книги Захарии, 13, 7.

26, 65. *Разодрал одежды свои* — ритуальная реакция на кощунство.

26, 73. *Речь твоя обличает тебя* — иудеи узнавали галилеян по выговору.

27, 2. *Понтий Пилат* — римский наместник в 26—36 гг.; прежде его называли прокуратором Иудеи, но в 1961 г. была найдена надпись, удостоверявшая, что он имел должность префекта. Иудейские источники жалуются на его грубость, алчность и жестокость. Пилата как представителя Рима не могло интересовать, был ли Иисус «богохульником» с точки зрения Синедриона; но мессианство — потенциальная идеология сопротивления оккупантам и поэтому вызывает чисто политическое подозрение.

27, 6—7. Типично казуистическая проблема: что делать с деньгами, возвращенными храмовой казне, но оскверненными?

27, 9. Цитата из Книги Захарии, 10, 12—13.

27, 16. *Известный узник, называемый Варавва* — по-видимому, один из многочисленных в то время людей, соединявших бандитизм с вооруженной борьбой против Рима; отсюда его популярность.

27, 26. Бичевание по римским обычаям предшествовало распятию. Это была очень тяжелая пытка: бич состоял из двух-трех ремней, к каждому из которых во множестве прикреплялись заостренные кусочки кости или свинца, при каждом ударе глубоко рассекавшие тело. Римский оратор Цицерон недаром назвал бичевание «половиной смерти».

27, 29. *Терновый венец* с торчащими во все стороны шипами — пародия на венец, окруженный остриями лучей, на изображениях обожествленных императоров.

27, 32. *Симон* — еврей из ливийского города Кирены. У них была в Иерусалиме своя синагога. Очевидно, сам Иисус, измученный бичеванием, не смог донести своей ноши до Голгофы, и римляне принудили прохожего помочь (для них самих это было бы неприемлемым унижением). Глубокая ирония — в созвучии имен Симона Петра и Симона Киринеянина. Ближайшим ученикам было заранее велено быть готовыми к несению креста, но они разбежались, Петр, который громче всех обещал верность, отрекся, и великая честь непосредственного соучастия в муках Иисуса досталась чужому, да еще, по-видимому, против его воли.

27, 31—37. Теперь археология лучше представляет себе техническую сторону распятия. В 1968 г. раскопки под Иерусалимом обнаружили скелет человека тех времен, без всякого сомнения, умершего на кресте. Огромные гвозди были загнаны в запястья и в пяточные кости (а не в ладони и в ступни, как это обычно изображается, — тогда вес тела не мог бы быть выдержан). Смерть при распятии наступала от медленного удушья.

27, 39—41. Это приглашение победоносно сойти с креста — не просто насмешка. В общей связи смысла это в последний раз звучит искушение земным благополучием, высказанное в пустыне устами диавола (4, 8—10), а в Кесарии Филипповой — устами Петра (16, 22—23).

27, 45—46. *Шестой час* — время около полудня; *девятый* — три пополудни.

27, 46. Цитата из псалма 22, 1.

27, 51. В Иерусалимском храме было две *завесы;* имеется в виду, вероятно, завеса перед самой священной и запретной частью — Святая Святых. Интересно, что Вавилонский Талмуд приводит слова рабби Иоханана бен Заккаи, согласно которым то ли двери, то ли завесы Храма открылись сами собой за 40 лет до гибели Храма в 70 г., т. е. около времени распятия Христа. С христианской точки зрения разодравшаяся завеса имеет тройной символический смысл: во-первых, Храм, как человек, раздирает на себе одежды, оплакивая Иисуса; во-вторых, Храм скорбит о собственной обреченности; в-третьих, тайны, прежде скрытые завесой от духовного взора человека, отныне открыты (ср. ниже Послание к евреям, 10, 19—20).

27, 60. *Гробе* — т. е. склепе.

27, 65. *Имеете стражу* — т. е. «вот вам стража».

28, 18—20. Кончилось время, когда Иисус посылал учеников только к иудеям (ср. выше, 10, 5—6); теперь ученики посланы ко *«всем народам»*.

ИЗ ПЛЕНА ДОГМ

ГОТОВИТСЯ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ КНИГ ВЕТХОГО И НОВОГО ЗАВЕТА

В наш умственный обиход уже вошли и продолжают входить произведения литературы и искусства, исторической и философской мысли, до недавней поры доступные, в лучшем случае, разве что специалистам. У всех на памяти поток интереснейших журнальных и книжных публикаций минувшего года.

Ознаменован он был и торжествами в связи с тысячелетием крещения Руси, воспринятыми общественностью прежде всего как праздник славянской культуры, ибо мы и здесь сумели, наконец, избавиться от косых взглядов и посмотреть на вещи нормальным зрением, двинуться в сторону осмысления огромного духовно-исторического пласта народной жизни, на десятилетия отторгнутого от нашего сознания.

Закономерны в этой связи и прозвучавшие в печати аргументы академика Д. С. Лихачева в пользу научного издания Библии, воспринимаемой не в качестве собрания определенных религиозных текстов, а как уникальный памятник культуры, многими нитями связанной с самой ее двухтысячелетней историей.

Разумеется, выходили у нас в стране издания, цель которых была в какой-то мере скомпенсировать наше незнание Библии.

И все же вот и сегодня еще академику приходится доказывать значение научного издания Библии как памятника культуры.

Наш журнал, как известно, тоже попытался привлечь внимание к этой проблеме, предложив читателям публикацию из нововозаветной части Библии — «Евангелие от Матфея», с предисловием и комментариями члена-корреспондента АН СССР С. С. Аверинцева.

Судя по отзывам читателей, последние вызвали особенный интерес, что, если угодно, экспериментально подтверждает необходимость комментированного издания Библии.

Дело, однако, осложняется не только инерцией отношения к Библии, как к собранию религиозных текстов, а и потребностью в новом научном их переводе. Существующий перевод Библии на русский язык — синодальный — сделан более ста лет назад, он не учитывает обнаруженные с тех пор более древние списки текстов, вошедших в ее состав, и с точки зрения новейших открытий библеистики не всегда филологически безупречен. Кроме того, содержит тенденциозные толкования, приспособленные к церковной догматике. За неимением другого — и мы в журнале публикацию текста Матфея давали по синодальному переводу...

— Новый перевод столь древнего памятника, который написан на древнееврейском (частично арамейском) и греческом языках, современный состав которого формировался на протяжении двух тысячелетий, и основывается, по существу, на вариантах первоначальных текстов, ибо оригиналы Библии были утрачены, — предприятие трудоемкое и кропотливое, требующее квалифицированных специалистов. Оказалось, что еще до недавнего времени таковых у нас практически не было...

...Мы беседуем с заведующим редакцией литературы по научному атеизму Политиздата О. А. Беловым. Олег Александрович рассказывает о том, что редакция приступила к подготовке издания нового научного комментированного перевода книг Ветхого и Нового завета, включающего также апокрифы.

— Почему именно Политиздат, а, скажем, не «Художественная литература» или «Наука»?

— Видимо, потому, что как раз в нашем издательстве возникла и уже долгое время существует специализированная религиоведческая редакция, вокруг которой постепенно сложился и коллектив авторов — знающих и талантливых ученых, в том числе и в области библеистики. Им, да и нам вместе с ними, будет, конечно, нелегко. Прервана традиция. Мы все-таки занимались критикой библейских текстов, а не их научным изданием.

— А у вас не возникало мысли как-то «скооперироваться» с представителями церковной науки? Ведь такие контакты, плодотворность которых признается, начинают налаживаться и, в частности, в области культуры?

— Работа предстоит большая и, по-видимому, длительная. Сейчас трудно представить все ее возможные аспекты. Не надо забывать, что задуманное издание основывается ведь на вполне определенных мировоззренческих позициях.

— То есть, вы хотите сказать о разных подходах к текстам Библии?

— Разумеется. Церковь видит в ней обращенное к человеку слово божие, священное писание. Наша же цель с позиций науки показать, что ничего богодухновенного в этих текстах нет, что они являются литературными памятниками, в которых в сложном напластовании отразилась социально-историческая жизнь древнейших эпох. Именно в этом огромное культурное значение библейских книг, хотя нельзя отрицать и то, что они одновременно служат и нуждам религии.

— Каким же будет задуманное издание?

— Его комментированный характер уже предполагает, что оно не может занять один том, как в церковных изданиях, ведь Библия и без того весьма объемистая, более тысячи страниц книга. В скобках замечу, что сама по себе она уже не является и редкостью, и запрещенным плодом, как прежде. Только в прошлом году в связи с юбилеем Русской православной церкви ее новые издания разошлись большими тиражами.

— Сколько же томов займет новый перевод с комментариями?

— По предварительному плану — семь. Каждый том включит в себя традиционный комплекс библейских книг и будет иметь свое заглавие. Например, в первый — войдет открывающее Ветхий завет «Пятикнижие Моисеево» и называться он будет: «Учение». Затем последуют тома: «Первые пророки» (исторические книги Библии — по традиционному делению), «Книги пророков», «Писание», «Ветхозаветные апокрифы». Новозаветную часть составят тома «Благовествование четырех» и «Новозаветные апокрифы».

— Есть ли уже макет издания, какова будет структура самих томов, способ расположения в них материала?

— Видите ли, — и это дело тоже не простое. Макет, оформление пока что разрабатываются. Мы пригласили известного художника-оформителя В. Е. Валериуса. Ему придется исходить из того, что на странице каждого тома должны быть размещены три столбца: 1-ый — новый перевод; 2-ой — разночтения с синодальным переводом; 3-ий — комментарий. Причем, понятно, что комментарий может быть меньше соответствующей части текста, а может и значительно превосходить ее. И это тоже потребует определенной компоновки всех трех столбцов. И конечно определенного набора шрифтов.

— Вы не могли бы назвать тех, кто непосредственно занимается переводом и комментированием?

— Практически авторский коллектив еще продолжает формироваться. Среди участников его могу назвать таких известных религиоведов как И. М. Дьяконов, М. К. Трофимова, И. С. Свенцицкая, И. Ш. Шифман; постараемся привлечь к подготовке издания и С. С. Аверинцева. Добавлю, что группа, работающая над Ветхим заветом, — это, в основном сотрудники Ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР. В частности, И. Ш. Шифманом готовятся перевод и комментарии первого тома («Учение»), который по плану должен выйти в конце 1990 года. Над следующим томом (исторические книги Библии) работает И. М. Дьяконов. Кстати, если хотите получить некоторое представление о новом переводе И. Ш. Шифмана, посмотрите вышедшую у нас в позапрошлом году его книгу «Ветхий завет и его мир: Ветхий завет как памятник лит. и обществ. мысли древней Передней Азии». Цитаты из ветхозаветных книг даны в основном в переводе автора.

— За какой срок предполагается выпустить все издание?

— Сейчас еще нельзя точно сказать. Пока получается, что каждый следующий том будет выходить через два года после предыдущего.

— Олег Александрович! Все-таки прийти к осуществлению такой издательской акции вашей редакции видимо было непросто?

— Мысль о ней, можно сказать, зрела давно. И в общем-то зрела она в русле определенной общественной потребности. Но действительно нужно было измениться и условиям времени, нужно было опереться на определенную научную базу, чтобы акция эта в ближайшей перспективе стала возможной.

— Отношение к Церкви в нашем обществе заметно меняется, отражается ли это как-то на работе вашей редакции?

— Понимаю, что вы имеете в виду. Но знаете, в своих изданиях мы давно уже стремимся уйти от примитивного, «воинственного» атеизма. Свою задачу мы видим в том, чтобы давать читателям глубокие, серьезные ответы на вопросы, связанные с религией, аргументированно и спокойно доказывать правоту нашего материалистического мировоззрения. Мы подготовили немало новых книг, отражающих современное состояние проблем религии и атеизма, таких, например, как сборники «Русское православие: вехи истории», «Как была крещена Русь», размышления о Библии Айзека Азимова «В начале было...», серия «Словарь атеиста», в которой уже вышли книги «Православие», «Ислам» (на подходе — «Протестантизм», «Католицизм»). Выйдет, между прочим, в этой серии и словарь «Библия». В наших планах и такие давно не переиздававшиеся, широко известные в религиоведении работы, как книга «Происхождение христианства» К. Каутского, «Античные критики христианства» А. Б. Рановича, «Жизнь Иисуса» Э. Ренана, «Первобытная культура» Э. Б. Тайлора и другие.

— Олег Александрович, вот вы упомянули, что Библия сегодня перестала быть запретным плодом; известно теперь, что будет выходить новый ее перевод с комментариями, то есть она со временем станет таким же культурным фактом нашей жизни, как, скажем, книги Толстого. Как нам всем отнестись к этому факту?

— В ответ я вам процитирую, пожалуй, кусочек из предисловия венгерского философа Густава Гече к его вышедшей у нас в прошлом году книге «Библейские истории»: «Библию следует знать, но как? Современный человек не может приняться за чтение Библии с сознанием, что это творение бога и, как таковое, содержит ответ на все вопросы. Он смотрит на Библию с позиций своих мировоззрения, нравственности, научных знаний, подходит к ней, следуя совету Спинозы: как к творению самого человека, в котором воплотились желания, цели, боль и мечты многих поколений людей»...

Н. ТИНОВ

ЗДРАВСТВУЙТЕ, СОФЬЯ ПЕТРОВНА

Старшим поколениям читателей известно имя советской писательницы Лидии Корнеевны Чуковской, автора книг «В лаборатории редактора», «Былое и думы» Герцена», «Декабристы — исследователи Сибири». Но большинство из современных читателей открыли прозаика Лидию Чуковскую лишь в прошлом году, когда в февральской книжке «Невы» была напечатана повесть «Софья Петровна» (так было выполнено желание самой Л. К. Чуковской — она ждала, пока появится «Софья Петровна» и соглашалась лишь потом публиковать все из того, что написала в годы своего долгого вынужденного молчания), в ноябре вышел сборник «Повести» — первое отдельное издание двух ее произведений: «Софья Петровна» и «Спуск под воду». В них рассказано о трагических событиях, которые произошли в жизни нашей страны в тридцать седьмом и сорок девятом годах. Но «Софья Петровна» и темой своей, и судьбой, и принципиальным значением, которое придает ей автор, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения.

«Софья Петровна» написана почти пятьдесят лет назад, в конце ее стоит дата «ноябрь 1939 — февраль 1940». К этому времени уже многие наши соотечественники прошли сквозь горестные очереди у тюрем, где находились их близкие, объявленные «врагами народа». Л. Чуковская тоже отстояла свою. Написанная ею повесть рассказала о народной трагедии в то самое время, когда она происходила. Наверное работа эта была ей необходима, чтобы справиться с личным своим горем. Но — то была не просто болевая реакция литератора на происходящее, но и Поступок, в котором в полной мере проявилась гражданская позиция писательницы: все мы понимаем, как рисковала тогда Л. Чуковская.

Начало повести вызывает ощущение устойчивости, прочности, справедливости всего, что происходит в жизни героев, а через их судьбы — в жизни страны. Софье Петровне стала нравиться поначалу вынужденная служба, общественная работа в месткоме и в жакте, представительство в котором даже утешило ее в потере собственной квартиры. Их уплотнили в самом начале революции. Сын Коля объяснил ей революционный смысл уплотнения: «Разве это справедливо, чтобы Дегтяренко со своими детьми жил в подвале, а мы в хорошей квартире? Разве это справедливо?» И Софья Петровна соглашалась: в самом деле не вполне справедливо.

Несправедливость постигла Наташу Фроленко, старательную грамотную машинистку, девушку, политически подкованную, но — дочь полковника, умершего в семнадцатом году от разрыва сердца. Наташу не принимали в комсомол. Коле снова пришлось объяснять маме, что несправедливость — понятие классовое, что бдительность необходима,

пока не выкорчеваны фашистские наймиты, убившие Кирова. Коля уверял Наташу, что ее-то, наверное, все-таки примут, советовал конспектировать произведения Ленина, Сталина, Маркса, Энгельса.

В Колиной ясной жизни тоже — редко, правда, но случались неувязки, ее омрачавшие. Вот одноклассник Сашка Ярцев вдруг оказался «старорежимным балбесом» и обозвал Алика Финкельштейна жидом. Коля, назначенный общественным обвинителем на товарищеском суде, думал, что достаточно осудить этот некрасивый случай, чтобы с подобным было покончено...

Словом, до поры жизнь героев Л. Чуковской текла обычно: со своими, несущими печать времени конфликтами и борьбой, обидами и трудностями. Но в этой жизни почиталось чувство собственного достоинства и уважение к другому, люди жили в доверии друг к другу, к обществу, государству. И не случайно, именно обижаемая, но не обиженная Наташа, узнав о первых спасенных «челюскинцах», повторяла, вытирая слезы: «Не дадут, не дадут погибнуть людям».

Одну из глав Л. Чуковская начинает фразой: «Приближался новый, тысяча девятьсот тридцать седьмой год». Эта дата обозначает теперь для нас одну из самых мрачных страниц нашей истории. Зимой же 39-го года (когда писалась повесть) автор не могла знать в той мере, как мы теперь, причины разыгравшейся трагедии. Но для ее героев это был рубеж, за ним рушились судьбы, погибали люди. С лучшими из них, Л. Чуковская показала в повести именно это — с лучшими, расстается Софья Петровна, их выбивают вокруг нее одного за другим. Арестован, сослан как террорист сын — Коля Липатов. Исключен из комсомола Алик Финкельштейн за то, что не признал виновность друга. Кончает жизнь самоубийством Наташа Фроленко, она не смогла «разобраться в настоящем моменте советской власти». Арестованы старый врач, прекрасный клиницист Кипарисов, крестный сына, энергичный директор издательства Захаров, «выдержанный партиец», «прекрасный семьянин». Сама она уволена со службы в издательстве — пыталась объяснить собранию, что «Крысная» вместо «Красная» — просто Наташина опечатка.

Верный Алик помогает Софье Петровне выстаивать скорбные очереди. Искренний, он так и не научился вовремя молчать и разкостью суждений настораживает Софью Петровну. Узнав, что друг его Липатов осужден на 10 лет, Алик, захлебываясь, говорил: «...я начинаю думать так: все это какое-то колоссальное вредительство. Вредители засели в НКВД — вот и орудуют. Сами они там враги народа». Искать правду Алик хотел у товарища Сталина, но не успел, его арестовали. Софья Петровна тоже безуспешно просила помощи у вождя. Заявления Коли Липатова из мест, где «недолго можно прожить», остались без ответа. Мать ни на секунду не сомневалась, что Коля «безупречный комсомолец, честный гражданин». Вся задача, думала Софья Петровна, состоит просто в том, чтобы объяснить это следователю, прокурору, товарищу Сталину в конце концов, и сын вновь будет на свободе (она долго оставляла ключи, уходя из дома, оставляла обед, надеясь, что он вернется и т. д.).

Л. Чуковская хорошо умеет через одну какую-то деталь создать ясное впечатление о человеке, колорите, духе времени, передать состояние, настроение, ощущения. Вспомним грязные ногти противной профсоюзной деятельницы; ошибки машинистки, доносчицы Эрны Семеновны; Колин комсомольский билет, зашитый в пояс; соседку-медсестру, которая говорила Софье Петровне «Здравствуйте» только в зависимости от Колиных дел...

За год и два месяца, в течение которых Софья Петровна надеялась добиться справедливости, она пришла (вернее, ее довели до этого) от состояния полного доверия своему правительству — «В нашей стране с честным человеком ничего не может случиться», — убеждала она Кипарисову — к состоянию полной растерянности, и в конце концов душевного надлома. Л. Чуковская показывает, как мучительно происходили в Софье Петровне эти внутренние изменения (они, увидим мы в повести, как правило, не коснулись тех людей, которых обошли аресты, как, например, сотрудницу в библиотеке, куда приняли служить Софью Петровну, убежденную, что невиновных «у нас зря не станут держать». Да и Софья Петровна тоже вначале, пока арестовывали посторонних людей, пусть, по ее мнению, хороших, порядочных, но посторонних, пыталась найти этому оправдание.

В беде, которая ее постигла, Софья Петровна не стремилась никого винить и не делала никаких обобщений (в отличие от Алика). Она просто вела борьбу, которую была вынуждена вести, чтобы жить самой и помочь выжить сыну. Гибнущая, она держалась, пока верила, что им помогут, восстановив справедливость. Но убедилась, что помогать никто не собирается. Софья Петровна осознала, что доверие ее было обмануто, борьбу свою она прекратила.

Л. Чуковская изнутри событий поведала о том, как осуществлялись массовые репрессии ни в чем не повинных людей. Рассказала и о тех, кто мучился на «свободе» — о матерях, женах, родственниках и друзьях, которым пришлось стоять в тюремных очередях, очередях особенных — ведь таких не знала ни одна страна мира.

Вспоминаю бодрую-пребодрую песню детства, она пришла из довоенной, именно той поры. Вместе с ней в моем сознании почему-то всегда возникает одна и та же картина: маршируют тоже очень бодрые, сильные, коротко стриженные девушки, над ними развеваются знамена: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». В песне есть еще слова о том, что человек шагает, как хозяин необъятной родины своей.

Я подумала об этой песне очень не по-доброму, закончив читать «Софью Петровну». Песня та была не только бодрая, но и очень популярная, а повесть Лидии Чуковской мы прочитали впервые в 1988 году. Открываю сборник «Повести» на странице девяносто первой: «— Вы, гражданка Липатова, — сказал управдом, оборачиваясь к Софье Петровне, — вынесите немедленно принадлежности на кухню, а не то в милицию заявлю...

Они ушли. Софья Петровна перенесла примус, керосинку, решето и кастрюли в кухню, на прежнее место, потом легла на кровать и громко зарыдала. «Я не могу больше терпеть, — говорила она вслух, — я не могу больше терпеть». И снова, высоким голосом, не сдерживая себя, по слогам: «Я не-мо-гу, не мо-гу боль-ше тер-петь». Она произносила эти слова так убедительно, так настойчиво, будто перед нею стоял кто-то, кто утверждал, что, напротив, у нее еще вполне хватит сил потерпеть. «Нет, не могу, не могу, невозможно больше терпеть!»

Когда людям оставлена одна возможность — терпеть, как же ощутить себя хозяином земли? Реальность, о которой рассказала Л. Чуковская, была переполнена скорбным молчанием и страхом униженных людей. (Теперь Софья Петровна страшилась всего и всех: дворника, управдома, соседки-медсестры, боялась получить повестку из милиции — отправят в ссылку, боялась каждого звонка — конфискуют имущество. Она дошла до того, что побоялась помочь Алику, у которого в сущности никого не осталось на воле.) Будто шли люди в гору — радостные созидатели, уверенные в своей необходимости и в завтрашней удаче, но с одного из перевалов (по названию «Тридцать седьмой год») неожиданно повлекла их вниз какая-то неведомая сила. Одни погибли, другие остались, чтобы еле-еле жить, но... «свято место пусто не бывает» и вот уже стал подниматься особого склада деятель, крепкий мудростью бесстыдного цинизма. Повеселели, налились силой «Эрны Семеновны» и «Марьи Петровны», заработали локтями «Сашки Ярцевы», закопошились «соседки-медсестры». Л. Чуковская остро почувствовала, что размываются нравственные, духовные критерии, указала на истоки именно бездуховности, именно безнравственности, которыми оказались пронизаны наши общественные, личные — какие угодно отношения и горькие плоды которых мы теперь то и дело вкушаем.

А жизнь всегда была и будет стоять такими людьми, как Софья Петровна. Неброская и незаметная, будто чуть наивная — таких в житейских делах легко «обвести вокруг пальца», и вместе с тем крепкая и сильная нравственными принципами, верная долгу, рядовая, порядочная, интеллигентная, Софья Петровна явилась из жизни, которую мужественно и терпеливо прошли женщины нашего государства от основания его и до сей поры. Мало их теперь осталось, уходит это поколение. Поэтому проникаешься особой благодарностью к писательнице, которая ввела Софью Петровну в ряд женских образов, созданных русской литературой!

Т. ДУБИНСКАЯ

КАК МОЖНО СНЯТЬ ГИПС

Разговор о создании кооперативных издательств как-то неожиданно себя исчерпал. Но никакой альтернативы им не предлагается, кроме «издания за счет автора», хотя трудно предположить, что, например, у молодого автора такой «счет» есть. Зато ставятся глобальные вопросы — где взять бумагу, новую технику, наконец нужен ли вообще Госкомиздат. Складывается впечатление, что издательства готовы уже сегодня освоить и эту технику и всю бумагу — только бы дали.

Но откуда мы точно знаем, какой тираж, какой книги, когда и в какую цену нужны покупателю? В каком регионе нашей огромной страны лежит на складах то, что в столице называют дефицитом? К сожалению, эти знания по-прежнему строятся на весьма личностных предположениях, умении отстаивать свои позиции в тиражной комиссии и при «координации» тем.

Пока же вал — основной показатель издательства. Расходы по валу и доходы по валу.

Что представляет собой наше издательство? Это бюрократизированное производство со своим конвейером, по которому книга передается от одной операции к другой. На два оборота недовернули, на три перекрутили... Как правило, разные издания идут параллельно, а значит растягиваются сроки их подготовки. Тут редактору не до особенностей авторского стиля и замысла. Он носит по кабинетам бумаги (секретарей редакций давно ликвидировали как управленческий персонал), согласовывает, готовит массу сопровождающей документации, пропихивает, совещается и отписывается.

Это люди, любящие свою профессию в ее изначальном виде, но которых длительное время приучали ко все более устаревающему операционному, локальному подходу к работе над книгой.

Это вал и нормирование творчества. С одной стороны, желание сделать книгу лучше, с другой — ножницы ГОСТов и ОСТов, обстригающие необходимый для творчества «воздух» вокруг текста.

Это огромная армия руководителей, выполняющая роль пастухов-контролеров. Парадоксальная ситуация — зарубежная издательская фирма со штатом восемь человек выполняет годовой объем работ, равный нашему издательству в 200 сотрудников.

Нужны ли другие варианты организации — будь то кооператив, акционерное общество или какая-либо другая форма? И единственный ли выход — создание совместных предприятий?

В существующем «загипсованном» виде наших издательств любое изменение формы не только болезненно, но и непредсказуемо. Поэтому альтернативные варианты нужно рассматривать не как противопоставление какой-то авторитетной точке зрения, инструкции или приказу, а как поиск новых организационных издательских форм, эксперимент, рождающийся в самом процессе издательской деятельности, помогающий книгоиздательской системе окрепнуть и развиться, найти максимально правильное и своевременное решение.

В качестве одного из вариантов еще почти два года назад нами была предложена структура так называемого «микроиздательства» или издательского модуля. Суть его заключается в следующем.

Известно, что каждое издательство тратит немало средств и усилий на поиск новых форм в условиях хозрасчета. Но оно никак не может коренным образом перестроить свою структуру. Чем менее сложна структура, тем легче ее реорганизовать. Почему бы не создавать новые издательские структуры малого объема с затратами, возвращаемыми Госкомиздату за счет реализации продукции (четырех экспериментальных изданий, выполненных по хоздоговору с отечественными издательствами). В штате такого издательства может быть девять специалистов, рабочие функции которых расширены. Так директор может одновременно выполнять функции экономиста, коммерческого директора, главные специалисты — исследователей и т. д. В штате — также группа специалистов-организаторов, разрабатывающих на основе исследований под руководством главных специалистов концепции изданий и формирующих творческие внештатные коллективы — бригады, работающие в свою очередь на основе разового коллективного договора.

В такую бригаду должны привлекаться такие специалисты, которые способны наилучшим образом подготовить к сдаче в производство данное планируемое издание, и в том составе, который необходим этому творческому коллективу. Сюда могут быть включены и автор книги, и машинистка, и художник, который может выполнять также работу технического редактора.

Один специалист-организатор в силах осуществить работу с пятью—семью бригадами одновременно, в то время как каждый такой творческий коллектив трудится над одним изданием, то есть полностью погружается в него, что неминуемо отразится на качестве и значительном сокращении сроков работы. Такие «неформальные» эксперименты уже проводились и они показали, что материалы к сдаче в производство подготавливались за три—четыре месяца вместо трех—четырех лет.

Такой издательский модуль со штатом в девять человек может подготовить в год около 30 сложных изданий большого объема, не считая их модификаций, рекламного и информационного материала. Ведь это огромная помощь действующим издательствам.

Однако не только и не столько производственные задачи привлекательны в этом организационном подходе, хотя они и составляют основу для финансовой самостоятельности уже с первых шагов. Что представляется особенно ценным в данном случае для книгоиздательской системы в целом?

Во-первых, это реальная возможность эксперимента, углубленного поиска актуальных тем, малоизвестных, но интересных авторов, необычных типов изданий, чего лишены издательства-производства.

Во-вторых, это возможность исследовать книжный рынок для данного издания, формировать потребность в нем с помощью системы маркетинга.

В-третьих, это возможность испробовать принципиально новые организационные структуры. Однако следует заметить, что в данном случае новизна заключается не в сочетании небольшого штатного персонала и неограниченного количества договорных специалистов — с такой структурой мы знакомы по зарубежным аналогам, — а в творческом бригадном методе.

Есть и другие преимущества — двуступенчатая организационная структура, признанная специалистами оптимальной для управления; ограниченная потребность в рабочих помещениях, обслуживающем персонале и т. д., возможность лучшим образом использовать имеющееся у нас небольшое количество современной техники.

Если на первом этапе такой организационный подход себя оправдает, возможно создание уже целой сети подобных модулей, которая будет действенным помощником не только отраслевому производству, но и науке, в том числе Институту книги, который не решит своих задач без периферийных агентств.

И еще одна функция — практическое повышение квалификации, переподготовка специалистов. Без всяких усилий она будет происходить при увлекательной коллегиальной работе, а если этим заниматься целенаправленно, то возможности здесь огромны.

В качестве конкретного предложения считаю своевременным использовать в качестве баз для таких модулей создающиеся по стране филиалы Всесоюзного института повышения квалификации работников печати Госкомиздата СССР, образовав при них хозрасчетные микроиздательства с исследовательско-проектно-экспериментальными функциями, а в качестве первого, пробного варианта — использовать филиал в Ленинграде. На новом месте легче сделать новое — нет потребности сначала что-нибудь ломать.

Г. РАЙКОВ,
и. о. директора Ленинградского филиала ВИПК работников печати

«РЕПЛИКИ» ХУДОЖНИКА

Недавно из «спецхрана» в открытые фонды передан альбом «Диктатура пролетариата» («Наброски с натуры Ю. К. Арцыбушева. Политические деятели на заседаниях Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Учредительного собрания, крестьянских съездов и проч. В декабре 1917 и в январе 1918 г.»)

На его первой же странице — карандашная зарисовка В. И. Ленина! Рядом — Н. И. Подвойский, А. М. Коллонтай, лидер левых эсеров М. А. Спиридонова...

На следующей странице — снова Ленин, Я. М. Свердлов с председательским колокольчиком (открывает 5 января Учредительное собрание от имени Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов) и тут же — Анатолий Железняков (матрос, начальник охраны Таврического дворца, предложивший членам Учредительного собрания прекратить работу). Не раз еще встречаются на страницах альбома Свердлов, Троцкий, Спиридонова. Но чаще других — Ленин.

Художник все время старается схватить главное, никак не поддающееся карандашу: Ленин слушает, спорит, выступает. Вот он чем-то возмущен, но выражение лица быстро сменилось и рисунок опять остается незавершенным. Вновь и вновь Арцыбушев пытается запечатлеть образ, более всего интересующий его...

Большинство набросков сделаны, как указывается в пояснительном тексте на титульном листе, — на заседаниях Совдепов и на крестьянских съездах. Зарисовки с натуры Владимира Ильича исполнены со всей очевидностью 5 января 1918 года — в первый и он же последний день работы Учредительного собрания, по поводу которого статью «Люди с того света» Ленин начал так: «Я потерял понапрасну день, мои друзья».

Есть очень важное свидетельство Г. И. Петровского. Владимир Ильич сказал ему на исходе этого дня: «А ведь скучно. Что-то старое витает тут».

Контрреволюционное большинство Собрания отказалось обсудить и принять написанную В. И. Лениным «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа», явившуюся основой Советской Конституции.

Большевистская фракция, как известно, покинула заседание, заявив, что Учредительное собрание представляет собой вчерашний день революции.

В пятом часу утра, уже 6-го января, заседание было закрыто. Возможно, что как раз в ту минуту, когда начальник караула, выполняя инструкцию наркома по военно-морским делам П. Е. Дыбенко, готовился произнести свои ставшие историческими слова: «Караул устал, прошу расходиться», — его взял «на карандаш» Юрий Константинович Арцыбушев...

Ветеран рабочего движения Альберт Рис Вильямс в книге «О Ленине и Октябрьской революции» подробно описывает этот день. Он тоже подчеркивает, что Владимир Ильич довольно быстро потерял интерес к происходящему: «Ленин сидел в первом ряду первой ложи, и лицо его выражало полнейшее отсутствие интереса». И такой любопытный штрих: «...он встал, прошел за трибуну и сел там на покрытые ковром ступеньки. Изредка он поднимал голову и окидывал взглядом огромное скопление народа. Затем подпер голову рукой и закрыл глаза, будто говоря себе: «Так много людей понапрасну растрачивают свои силы, пусть хоть один их побережет». Громкие голоса ораторов и шум собрания прокатывались над его головой, но он продолжал преспокойно сидеть. Раза два он приоткрывал глаза, прищурившись: осматривался вокруг и снова опускал голову».

Но это было уже в разгар заседания. А в его начале — сошлемся здесь на «Биохронику В. И. Ленина» — вождь революции, стремясь уяснить для себя к чему клонят представители различных фракций, «подает реплики эсеро-меньшевистским ораторам»...

Перелистывая страницы альбома, убеждаешься, что все о чем говорят и очевидцы этого события и документы, художником в той или иной степени, запечатлено, он как бы фиксирует час за часом пребывание В. И. Ленина в Таврическом дворце...

К счастью, альбом «Диктатура пролетариата» «выжил» не только в спецхране. Вот что рассказывает московский библиофил, журналист ЯКОВ БЕЛИЦКИЙ.

— Этот альбом давно у меня, наверно уже лет двадцать. Попал он ко мне не совсем обычно.

Шел я по субботнему обыкновению из одного букинистического магазина в другой, надеясь, как всегда, разыскать что-нибудь из бесконечного «моего списка» и неподалеку от одного из магазинов заметил старушку. Она пыталась запихнуть скрученные в трубку бумаги в узкую щель между стеной дома и спинкой садовой скамейки. Заметив мое внимание, старушка перестала трудиться и засеменила в ближайший переулок.

Я не поленился залезть под скамейку, подтолкнуть снизу застрявшую бумажную трубку и она, пружинисто развернувшись, тотчас же превратилась

и изрядно помятый и порванный по краям тоненький альбом.

...Старушки и старички приносили букинисту ветхие книжки, уцелевшие в комодах и сундуках, тот посмотрит со скучающим видом, что-нибудь отберет, большую часть отодвинет в сторону, а на какую-нибудь брошюру покажет пальцем, оглянется и скажет: «Выбросьте и никому больше не показывайте. Вы видите, кто здесь?!» И хотя в. пятидесятые годы за такие книжки уже не сажали, воспитанные в иные и не столь отдаленные времена владельцы старались тут же избавиться от опасного груза и домой в тот день возвращались попозже, да еще и кружным путем, обмирая от каждого встречного и догоняющего...

Да и я, признаться, раскрыв альбом на середине и узрев первым делом Троцкого и Зиновьева, в метро, а потом и в троллейбусе находку свою тоже рассматривать не решился и все проверял замок у портфеля — надежен ли?

Дома нетерпеливо разложил альбом на столе, разгладил, подклеил, стал изучать.

Фамилия художника, тем, кто занимается историей русского политического рисунка знакома. Арцыбушев был одним из издателей журнала «Зритель», который недолго выходил в Петербурге в 1905 году. И не только издателем, но и автором многих карикатур и среди них знаменитой «Разгон демонстрации». Еще я нашел в своей картотеке упоминание, что сам он художник потомственный: отец его был участником мамонтовского кружка, дружил с Коровиным и Врубелем.

Лет через десять после столь необычного приобретения альбома купил я монографию В. В. Шлеёва «Революция 1905—1907 годов и изобразительное искусство». Там было несколько строчек об Арцыбушеве, а главное — сноска на вышедшую в 1928 году книгу «1905 год в сатире и карикатуре». Пошел в Ленинку за книгой. Не дали. Спецхран.

А нет ли чего любопытного о художнике в любезном моему сердцу ЦГАЛИ?

Есть.

50 документов. Среди них — каталог персональной выставки (Была ли она?). Перечисляются портреты И. Бунина, Ф. Шаляпина, А. Яблочкиной, А. Гречанинова, основателя театрального музея А. Бахрушина, В. Поленова. 1924-м годом помечен портрет Александра Федоровича Онегина. Упомянут портрет Марии Петипа — дочери знаменитого балетмейстера Мариинского театра Мариуса Петипа. Где теперь все это? Каталог делался торопливо. Сужу об этом по обмолвкам в нем. Например, указывается портрет А. В. Луначарского. Дата работы — 1911 год. Но в той же архивной папке (единственный из всего что перечислено в каталоге!) — отменно выполненный черным карандашом портрет Анатолия Васильевича. Помета: Большевик. И дата: 1918 год.

Дата, видимо, истинная: портрет очень близок к изображению в альбоме.

Множество писем и телеграмм. Среди адресатов — С. Рахманинов, А. Глазунов, А. Гречанинов... Телеграмма Бунину в связи с присуждением ему Нобелевской премии. Все это свидетельство близости художника к виднейшим деятелям отечественной культуры, ко многим событиям в ней происходивших.

Просмотрено все, что отложилось в архиве. Об альбоме — ни слова.

Издан альбом «Товариществом Кнебель». Не зайти ли с этого конца?

Хорошую и умную книгу написала о своей жизни известный театральный режиссер Мария Осиповна Кнебель. И одна из лучших глав в этой книге — об отце: известном русском издателе. Но Арцыбушев в этой главе не упоминается. И на выставке, которая была приурочена к 125-летию со дня рождения Осипа Николаевича Кнебеля, где было показано, казалось бы все, что было выпущено в свет этим неутомимым, талантливым человеком — ни на стендах, ни в каталоге Ю. К. Арцыбушева нет.

Но вот в прошлом году стал я приносить на свой стол в научном зале Ленинки и все, что мне надобно для работы. Нет, не буду впадать в эйфорию, скажу лучше — почти все... Потому что, хоть и раскрыл свои богатства спецхран, все равно: то — «в переплете», то — «в реставрации», то — «занято читателем» — оно, может, все и так... Но все-таки, стала мало-помалу прибавляться моя картотека по Юрию Константиновичу Арцыбушеву!

Получил я с перечеркнутым штампом спецхрана выпущенную в 1928 году книгу С. Исакова «1905 год в сатире и карикатуре». Фамилия художника встречается здесь довольно часто. Автор о нем отозвался вот как: «Скромный, тихий по внешности. Ю. К. Арцыбушев был очень даже зубастый. В искусстве обходить цензурные рогатки проявлял он большую изобретательность».

Имеются обстоятельные ссылки на Арцыбушева и его журнал в очень интересных исследованиях А. А. Сидорова «Русская графика за годы революции» и «Мастера современной гравюры и графики». Вышли все эти книги в начале и середине 20-х годов. В более поздних трудах и монографиях, за исключением многотомного, но застрявшего почему-то на первых выпусках словаря «Художники РСФСР» Арцыбушев не упоминается. И в старых книгах и в новейшем этом «Словаре» об альбоме нет ничего.

Единственная отрада во всем моем долгом и безуспешном поиске — это строка на читательском требовании, что альбомом библиотека не располагает. Какой из книголюбов не поймет взыгравшую во мне в тот миг тщеславную гордость!

Мне не удалось пока установить тиража «Диктатуры пролетариата». Единственное указание, что только «подносных альбомов» («на лучшей бумаге» — указывается на титульном листе) было 500. Думаю, что и остальных ненамного больше...

КНИГА, О КОТОРОЙ МОЛЧАЛИ 70 ЛЕТ

Завидной судьбу этой книги не назовешь. Современники выносили суровый приговор ей за то, что художественные достоинства помещенных в ней литографий уступали лучшим образцам той поры. Сам создатель альбома вынужден был до последнего своего часа умалчивать вообще о его существовании...

Что же это за издание? Как это ни парадоксально, речь идет об одном из первых документов нашей советской эпохи, запечатлевшим образы революционного Октября. А если говорить более определенно, то на этих страницах перед нами проходит, пожалуй, наиболее представительная галерея действующих лиц российской социалистической революции в один из самых тревожных ее периодов — во второй и третий месяцы после победного восстания.

Художник, поставивший перед собой задачу увековечить облик тех, кто стоял тогда в эпицентре бурного общественного движения, не посчитал нужным поместить в альбоме какое-либо предисловие, из которого мы бы узнали и об истории зарождения творческого замысла и о том, каким образом, благодаря чьей поддержке ему посчастливилось стать свидетелем и участником столь разных по своей политической ориентации событий, наблюдать и рисовать своих героев в ходе острых дискуссий. Все это осталось за кадром, обо всем этом мы можем только догадываться. Правда, приведенные на обороте титульного листа несколько строчек из пушкинского «Бориса Годунова» воспринимаются не иначе, как своеобразное авторское кредо.

Так точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Очевидно, именно такую роль — беспристрастного летописца событий — и пытался отвести себе художник. Октябрьскую революцию он встречал уже далеко не юношей. Позади была учеба в Академии художеств. В семнадцатом он отмечал свое тридцатилетие. Но и за десять лет до этого, в годы первой революции в России, Юрий Арцыбушев вполне определенно заявил о своей гражданской позиции. В 1905—1908 годы он был редактором-издателем еженедельного журнала политической сатиры «Зритель».

Перелистывая страницы альбома, убеждаешься в том, что автору не удалось удержаться в рамках отведенного себе амплуа — равнодушного фиксатора увиденного. Он не скрывает своего восхищения героями революционных битв. Каждый из них для художника — личность, несмотря на то, что все они — участники острейших классовых сражений и, само собой разумеется, вовсе не единомышленники. Но судьей им пусть будет время! А пока Юрий Арцыбушев всматривается в лица современников, слушает их взволнованные речи, посещает собрания, съезды, митинги, вникает в суть разногласий, стремится сберечь на бумаге как можно больше мгновений истории...

125 рисованных портретов и портретных зарисовок представляет художник на двадцати девяти страницах альбома. Это немало! С обликом девяноста четырех деятелей октябрьской эпохи мы получили возможность познакомиться, благодаря этим натурным зарисовкам Юрия Арцыбушева. К тринадцати из них художник обращается по несколько раз. Сделанные им лаконичные подписи под рисунками проливают свет на реальное течение идейной борьбы в те месяцы. Чтобы хоть в какой-то степени уловить биение ее пульса, достаточно обратить внимание на указанную художником партийную принадлежность тех, кого он выделяет из революционной массы. На страницах альбома представлены сорок четыре большевика, пятнадцать левых эсеров, тринадцать правых, шесть социал-демократов интернационалистов, два анархиста, по одному от меньшевиков и украинских эсеров. Этот пестрый конгломерат политических партий и течений дополняют еще более десяти упомянутых художником организаций и объединений. Перед нами предстают почти в полном составе члены первого Совета Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным, члены президиума ЦИКа, Революционного трибунала в Петрограде, Революционного трибунала по делам печати, делегаты съезда крестьянских Советов, члены мирной делегации Советского правительства на переговорах в Брест-Литовске, представители Украинского советского правительства и других организаций и учреждений, составлявших политическую систему общества на переломе 1917 и 1918 годов.

Вместе с ними художник знакомит нас и с большим количеством лиц, которые противостояли большевикам в тот период. Это прежде всего депутаты Учредительного собрания. Не выражая воли трудового народа, этот орган вскоре пришел к своему печальному финалу и был распущен.

Шесть портретов посланцев рабочих зарубежных стран встречаем на страницах книги. Тут и делегаты революционных организаций Швеции, прибывшие приветствовать Октябрьскую революцию, и швейцарец Фриц Платтен, спасший жизнь В. И. Ленину во время покушения контрреволюционеров в новогодние дни 1918-го и др.

Трудно будет назвать другое какое-либо издание, где вот так, сразу, приоткрывалось бы несколько портретных зарисовок Владимира Ильича Ленина, сделанных с натуры, о которых десятилетия ничего не было известно. Шесть раз обращался Юрий Арцыбушев к изображению вождя Октября. Ленинским портретом начинает он свой репортаж и в своем альбоме. Выбран момент, когда произносится одна из множества речей, с которыми В. И. Ленину тогда приходилось выступать почти ежедневно. Никакой величественности в позе оратора! Он просто на работе. Весь сосредоточен на том, чтобы убедить и своих сторонников, и тех, кто враждебно настроен против власти народа. А может быть, здесь передается драматический эпизод, когда велась борьба за заключение мира в Бресте?

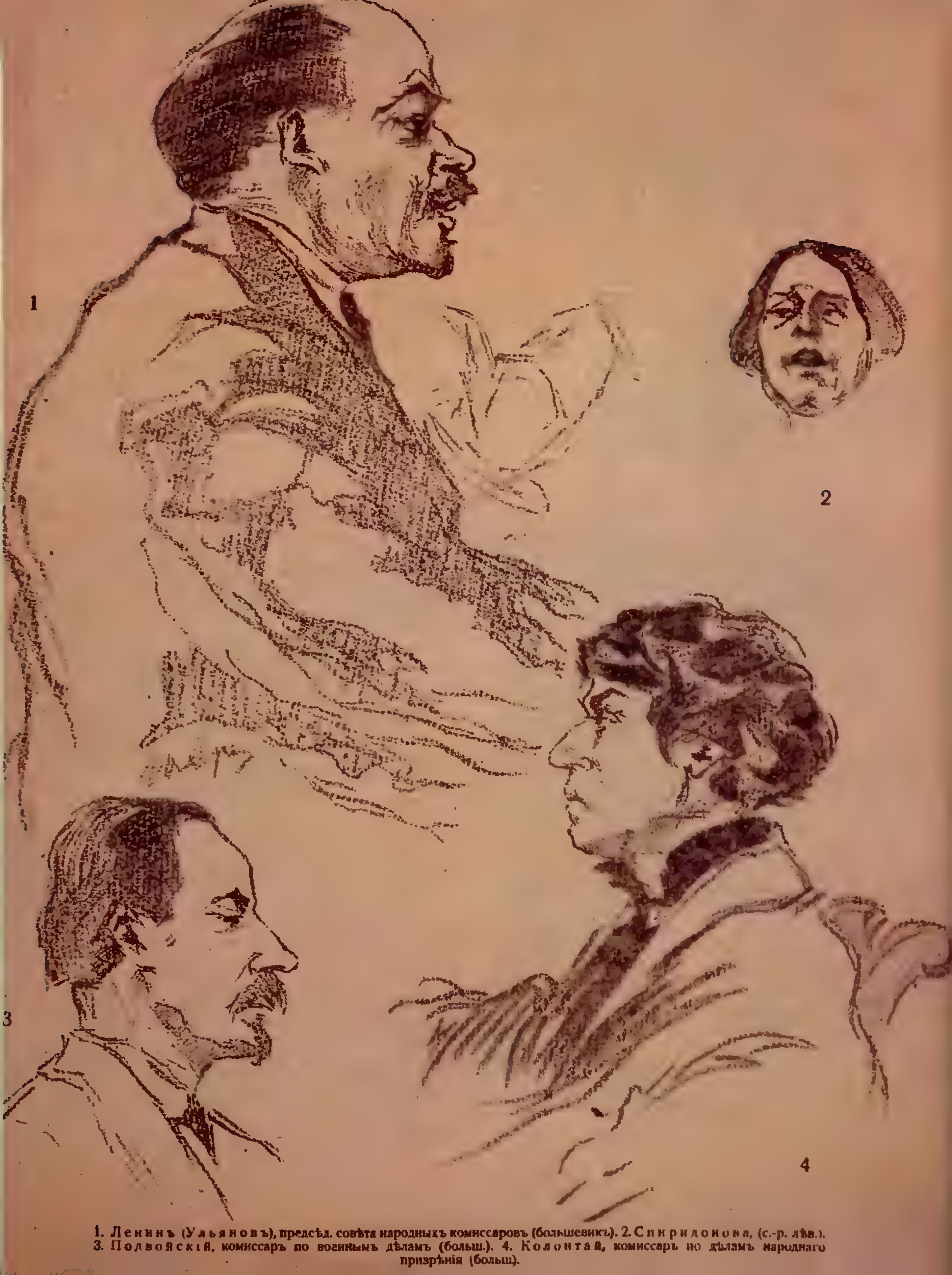
В другой раз мы с художником являемся свидетелями совсем иного душевного состояния. Владимир Ильич, чувствуется, утомлен до предела. Но он — весь внимание. Правая рука его у виска. Глаза полузакрыты. Он вслушивается в доводы оппонентов, обдумывает, взвешивает, готовится к новому выступлению...

Эти портреты, несомненно, должны занять достойное место в отечественной Лениниане. Можно только сожалеть, что более семидесяти лет о них не вспоминали даже в специальных изданиях, посвященных художественному воплощению образа В. И. Ленина. Справедливости ради надо сказать, что в двадцатые годы работу Ю. К. Арцыбушева не обходили вниманием, она значится в каталогах того времени. Правда, в вышедшей в 1923 году книге А. А. Сидорова «Русская графика за годы революции. 1917—1922» арцыбушевские автолитографии оценивались недостаточно высоко и вообще им противопоставлялись наброски с натуры, сделанные Н. И. Альтманом. Но нам сегодня дороги и те и другие работы, ибо каждая из них по-своему повествует об изначальных путях революционных преобразований в нашей стране.

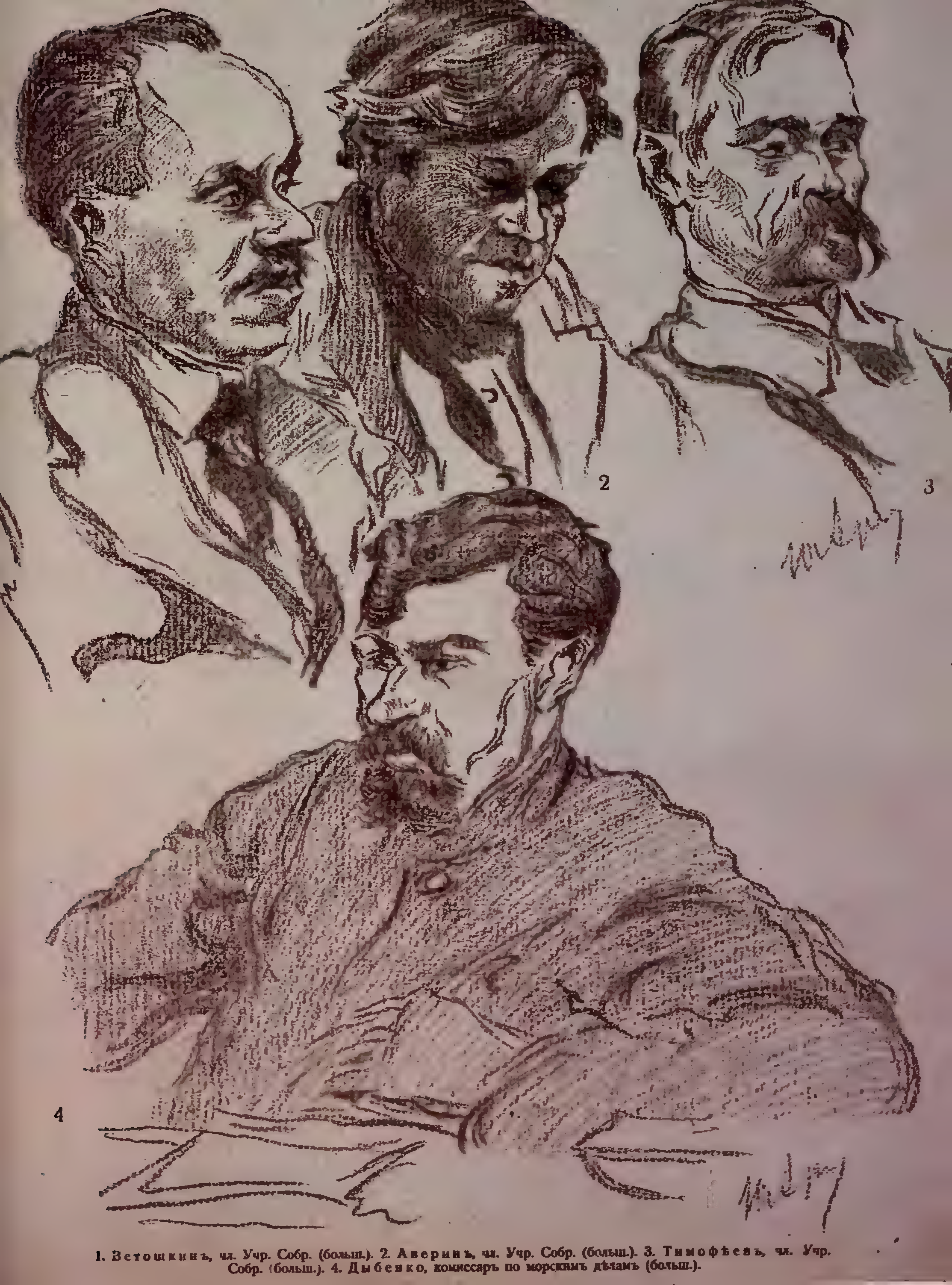
И, наконец, ответ на вопрос, закономерно возникающий у читателя: отчего же эту книгу лишь теперь мы можем возвращать из забвения? Ответ, к сожалению, прост до банальности. Поскольку в альбоме изображены портреты Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Л. Д. Троцкого..., то об этом издании, естественно, лучше было не вспоминать. Так поступал, очевидно, и сам художник (он умер в 1952 году). Судить его за это мы не вправе. А сегодня мы благодарны ему за то, что своим талантом он донес до наших сердец дыхание Октября, уловленное им самим, позволил почувствовать живую поступь истории, увидеть вождей диктатуры пролетариата в России. И в первую очередь — Владимира Ильича Ленина.

В. ДЕСЯТЕРИК,
доктор исторических наук

"Диктатура
пролетаріата"
авто-лито-
графіи съ
натуры
Ю·К·
Арцыбушева
Москва·
изд·т-ва·і·кнебель

1. Ленинъ (Ульяновъ), предсѣд. совѣта народныхъ комиссаровъ (большевикъ). 2. Спиридонова, (с.-р. лѣв.). 3. Подвойскій, комиссаръ по военнымъ дѣламъ (больш.). 4. Колонтай, комиссаръ по дѣламъ народнаго призрѣнія (больш.).

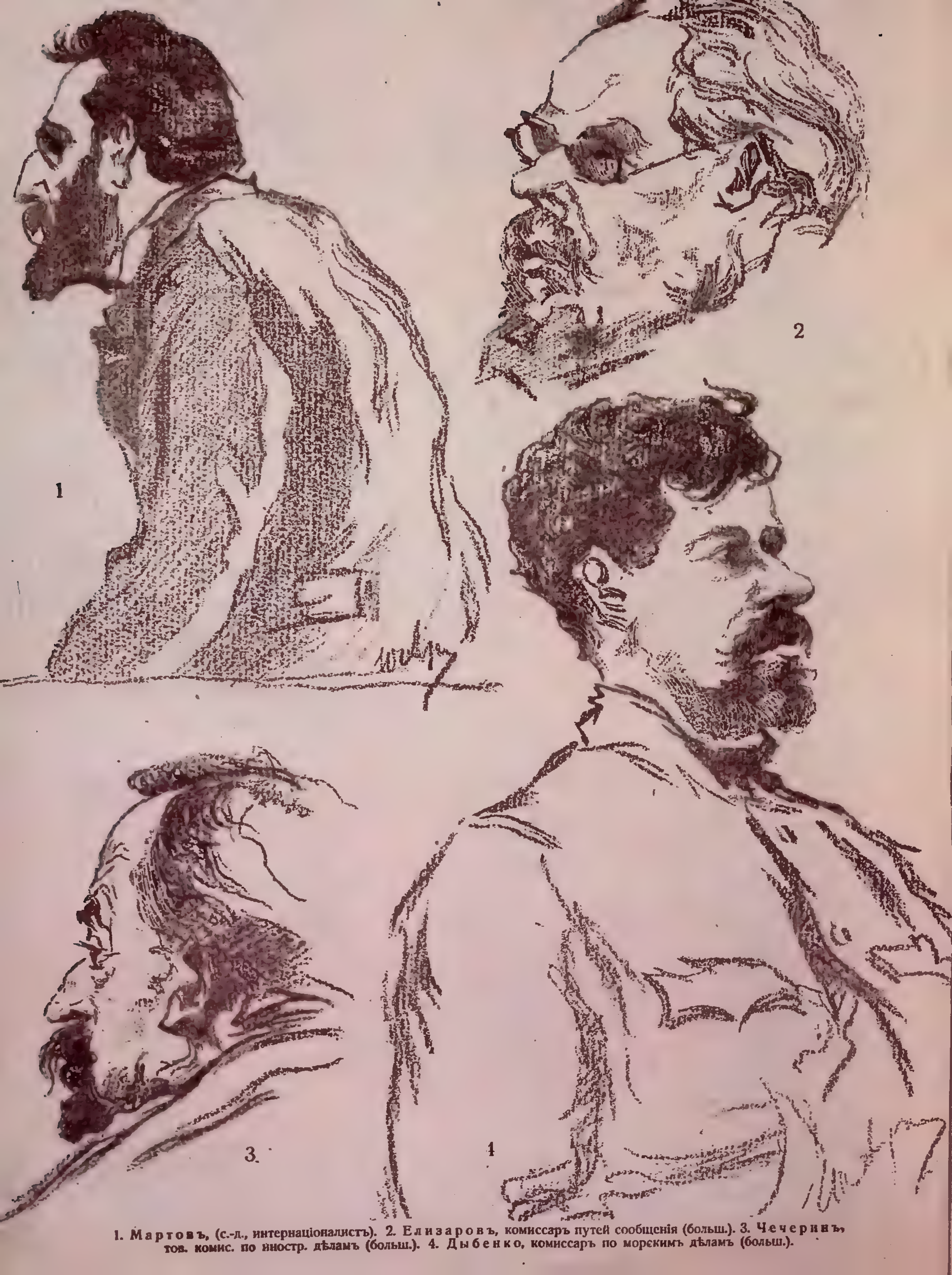
1. **Зетошкинъ**, чл. Учр. Собр. (больш.). 2. **Аверинъ**, чл. Учр. Собр. (больш.). 3. **Тимофѣевъ**, чл. Учр. Собр. (больш.). 4. **Дыбенко**, комиссаръ по морскимъ дѣламъ (больш.).

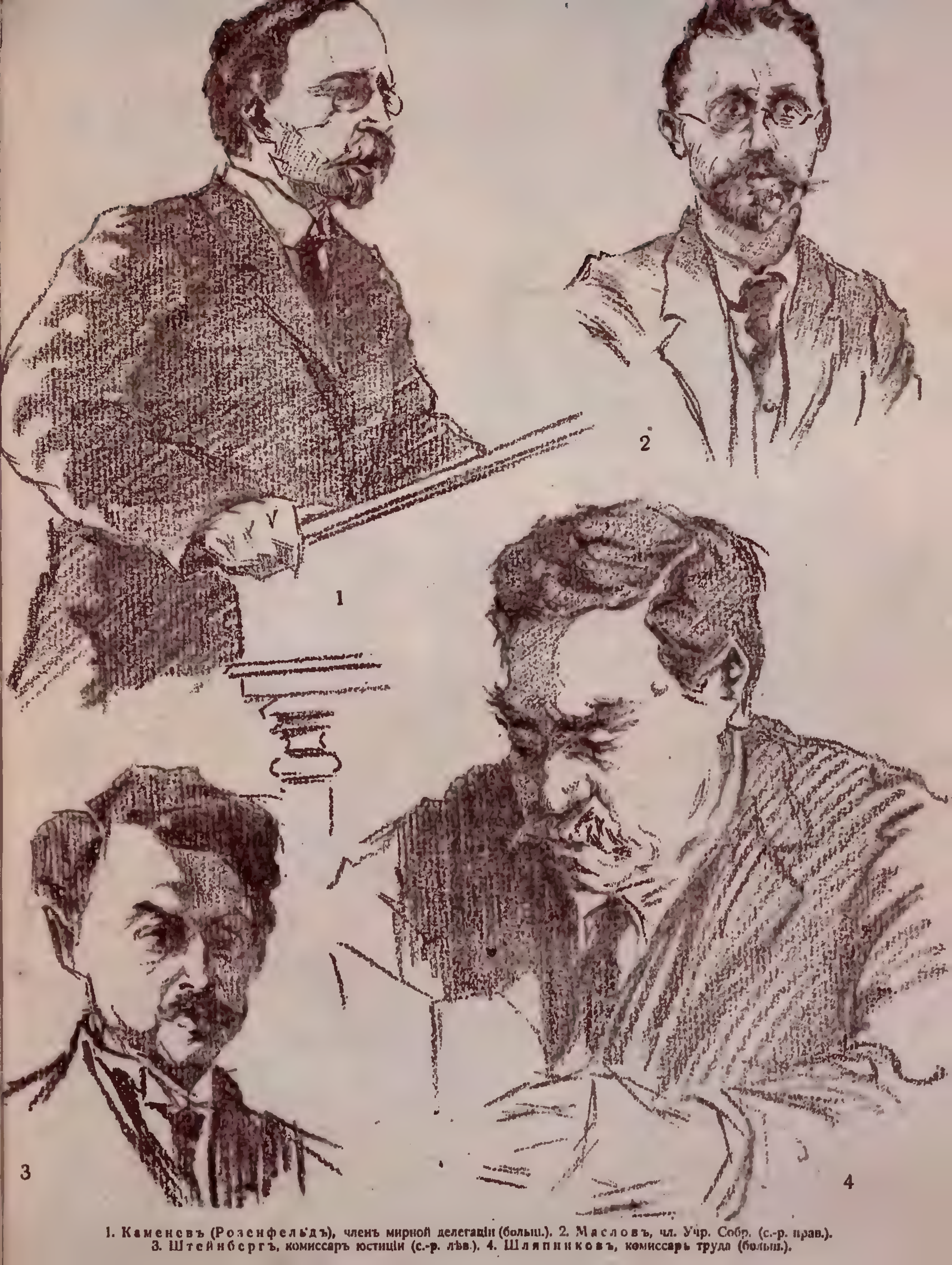

1. Камковъ (Кацъ), (с.-р. лѣв.). 2. Колонтай, комиссаръ по дѣламъ народнаго призрѣнія (больш.). 3. Іоффе, предс. мирн. делегаціи въ Брестъ-Литовскѣ (больш.). 4. Спиридонова, (с.-р. лѣв.).

1. Швецовъ, открывшій 5-го января Учр. Собр. отъ имени большинства собравшихся членовъ (с.-р. прав.).
2. Спиридонова. (с.-р., лѣв.). 3. Черновъ, избранный председателемъ Учредительнаго Собранія (с.-р. прав.).
4. Желѣзняковъ, матросъ, начальникъ охраны Таврич. Дворца, предложившій членамъ Учред. Собр. прекратить работу (анархистъ).

1. Мартовъ, (с.-д., интернаціоналистъ). 2. Елизаровъ, комиссаръ путей сообщенія (больш.). 3. Чечеринъ, тов. комис. по иностр. дѣламъ (больш.). 4. Дыбенко, комиссаръ по морскимъ дѣламъ (больш.).

1. Каменевъ (Розенфельдъ), членъ мирной делегаціи (больш.). 2. Масловъ, чл. Учр. Собр. (с.-р. прав.).
3. Штейнбергъ, комиссаръ юстиціи (с.-р. лѣв.). 4. Шляпниковъ, комиссаръ труда (больш.).

1. Крамаровъ, (объединен. с.-д. интернаціонал.). 2. Ленинъ (Ульяновъ), предсѣд. совѣта народныхъ комиссаровъ (большевикъ). 3. Аванесовъ, секр. центр. исп. ком. (больш.) 4. Гординъ, (анархистъ).

М. ЛЕБЕДЯНСКИЙ

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА В ГРАВЮРАХ АЛЕКСЕЯ ЗУБОВА»

Есть такие произведения искусства, которые одновременно являются не только выдающимся явлением самого искусства как художественного творчества, но и наиболее ярко и полно выражают общественное содержание целых исторических периодов. Такие произведения искусства редки, но именно они возвышаются в общем ряду явлений художественной культуры и именно их мы называем шедеврами. Таким шедевром является и «Панорама Петербурга» (1716 г.) Алексея Федоровича Зубова, наиболее полно выразившая сам дух петровских преобразований России.

Санкт-Петербург — новая столица, *военная крепость и морской порт* — строился удивительно быстро; но Петру I и эти темпы казались недостаточными. В 1716 году он уезжает за границу. К его возвращению Екатерина I приказывает директору Санкт-Петербургской типографии М. Аврамову награвировать перспективу Петербурга. Возможно, что и Меншиков поощрял и контролировал работу над этой гравюрой. В то время в типографии было два старших мастера: Питер Пикарт и Алексей Зубов. М. Аврамов поручает выполнение этого ответственного заказа Зубову.

В сборнике «Старина и новизна», изданном В. Г. Рубаном в 1772 году, имеются заметки иеромонаха флота Г. Бужинского, относящиеся к гравюре Зубова. Приведем небольшой отрывок: «Слово в похвалу Санктпетербурга ... при поднесении Его Величеству, первовырезанного на меди плана и фасада Петербурга. Град сей ... прекрасными зданиями украшенный, паче по всему Тебе собственно, яко премудрейшему и первейшему его зодчему начало свое долженствующий: тщанием Твоим *нововведенное в России и преславно* успевшее гридировальное художество, изображенный на хартии приносит».

Остановимся на двух моментах этого «Слова», текст которого впоследствии подклеивался к «Панораме Петербурга», относящихся к самой гравюре. В нем подчеркнуто, что Бужинский подносит царю «первовырезанный на меди план и фасад Петербурга». Мы знаем, что первые небольшие виды Петербурга с изображением Петропавловской крепости гравировал и Пикарт. Но современники считают первым видом Петербурга именно работу Зубова, возможно, потому, что она намного превосходит небольшие виды Пикарта как обширностью изображенной панорамы города, виртуозной техникой, художественными достоинствами.

Последние приведенные слова из посвящения Бужинского: «нововведенное в России и преславно успевшее гридировальное художество» дают основание для вывода, что работа Зубова должна была быть поднесена Петру I как лучший образец русского гравировального искусства, который достойно прославляет *петровский «парадиз»* — Санкт-Петербург.

Панорама города работы Зубова прекрасна! Он нарисовал дома Васильевского острова, Петропавловскую крепость и здания Петербургской стороны. Кроме того, в панораму вошли здания Литейной части и набережная реки Фонтанки с проектировавшейся колоннадой Летнего сада.

Нева награвирована, как это часто делал Зубов, изображая море, двумя планами. Первый — более темный, с подробной прорисовкой волн и гребешков пены; второй — светлый, где легкими штрихами только намечается поверхность воды. По Неве плывут корабли. Особенности снаряжения и корабельной оснастки переданы с чертежной точностью.

Гравюра огромных размеров, в длину около двух с половиной метров (79×243 см), исполнена на четырех листах и четырех полулистах офортом и резцом и имеет подпись мастера: «В Санкт Петер Бурхе Грыдоровал Алезей Зубов. 1716».

Предположения о степени достоверности «Панорамы Петербурга» Зубова реально существовавшему при нем городу в настоящее время уточнены в исследовании Г. Н. Комеловой. Опираясь на большой фактический материал, она определяет принадлежность домов, изображенных на панораме, указывает место, с которого художник делал свою работу и доказывает, что Зубов изобразил реально существовавший к тому времени город. Комелова убедительно показывает в своей работе последовательность документального изображения Зубовым в 1716 году петербургских домов и строений: 1) Литейная часть, самый аристократический в то время район города, с домом Голицыных, дворцами Натальи Алексеевны и Алексея Петровича и другими строениями; 2) часть берега Фонтанки, Летний дворец и Летний сад; 3) усадьба А. Д. Меншикова на Васильевском острове; 4) Петропавловская крепость с Петровским собором и колокольней; 5) Петербургская сторона со зданием Сената, домами М. П. Гагарина, П. П. Шафирова, Г. И. Головкина и другими постройками. В правом нижнем углу «Панорамы Петербурга» символически изображен первый деревянный дом Петра I в городе.

Эти сведения представляют Зубова добросовестнейшим мастером и определяют многое в его творческом облике, и в первую очередь — его постоянное стремление всюду, где это возможно, следовать натуре. Он также умел видеть. Причем из многочисленных возможных позиций на берегах Невы он выбрал такое место, откуда не только были видны многие лучшие постройки Петербурга того времени, но и, не изменяя правды, они могли быть представлены на гравюре самым выгоднейшим образом, подчеркивая уже тогда незабываемую красоту силуэта города, когда линии домов по берегам Невы внезапно прерывались устремленными в небо высокими вертикалями шпилей храмов и мачт кораблей.

Достоинства творческой работы Зубова над «Панорамой Петербурга» выступают наиболее отчетливо. Гравюру огромных размеров он сумел скомпоновать таким образом, что она смотрится как цельная композиция. Перед нами на первом плане изображены суда петровской флотилии и, охватывая этот морской парад плавной дугой, нарисованы берега Невы с раскинувшимся на них городом. Не изменяя себе, более трети изображения Зубов отдает рисунку неба. Гравюра смотрится действительно развернутой панорамой города, в котором много света, воздуха и простора.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид.
Невы державное теченье...

Восторг Зубова перед новой столицей естественно и убедительно переходит к нам, зрителям, и без всякого усилия мы, вместе с художником, любуемся всем могучим невским простором, плывущими кораблями, городом, его домами, изяществом бытовых сценок на набережной.

Чертежная строгость изображения кораблей не утомляют нас однообразием, потому что Зубов увлеченно рисует разные типы судов, оживляет их изображением деятельной морской прислуги, свободно располагает корабли на водном пространстве, включая сюда и бот самого Петра I, где он поместил его вместе с Екатериной.

А ведь гравюра эта имеет печальную судьбу. Ее надолго предали забвению сразу же после выхода из печати. Почему? Да потому, что город быстро расстраивался — и вместе с его обновлением «морально старел» Петербург, награвированный Зубовым — произведение, которое рассматривалось его современниками прежде всего как документ эпохи. Кроме того — и это, пожалуй, главная причина, на гравюре изображен — крупно, ярко — и дом царевича Алексея и его приближенных. Трагическая развязка «дела» наследника престола в первую очередь способствовала тому, чтобы убрать лист Зубова подальше с глаз долой. Так или иначе, а гравюра эта была надолго забыта не только в царствование Петра I, но и впоследствии.

У этой гравюры есть предшественники. В Москве до 1715 года были награвированы два больших вида старой столицы. Один назывался «Вид Москвы с Воробьевских гор» (1707), и сделал его Иоганн Бликлант, другой — «Вид Москвы от Каменного моста» (1708), который сделал тот же Бликлант по рисунку Пикарта. Последняя гравюра, одинаковых размеров с «Панорамой Петербурга», вероятно, была знакома Алексею Зубову. При некотором сходстве они значительно отличаются друг от друга.

Вместо темного первого плана, изображающего берег Москвы-реки, на гравюре Зубова мы видим широкий невский простор с плывущими кораблями. Вместо тесной московской застройки, где дома и церкви сливаются, особенно в правой части гравюры, в какую-то серую паутину, где можно ясно выделить только ансамбль Кремля и некоторые другие здания, Алексей Зубов представляет нам хорошо различимую в деталях панораму молодого города.

В Государственном Эрмитаже, в одном зале и на одной стене, висят рядом две эти панорамы. И, глядя на них, вспоминаешь строки Пушкина:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова.

Сама традиция делать развернутые панорамы городов пришла в Россию из Голландии. В этой маленькой стране большинство городов связано с морем, почти каждый из них является памятником тяжелому труду голландцев, которые построили его на земле, отвоеванной у моря. Кстати, в этом есть какая-то близость между голландскими городами и Петербургом. Виды таких городов, как Амстердам, Роттердам, Дельфт, Гарлем, напечатанные в XVII веке с небольших досок и склеенные в большую панораму, хранятся во многих музеях Голландии. К большим видам городов добавлялись еще и маленькие гравюрки с видами примечательных мест данного города или его окрестностей.

И «Панорама Москвы» и «Панорама Петербурга» также имеют дополнения. Для «Панорамы Петербурга» предназначалось одиннадцать видов городов и его загородных дворцов и крепостей.

Они были сделаны Алексеем Зубовым и Алексеем Ростовцевым. Из одиннадцати гравюр только четыре надписаны художниками. «Летний дворец» и «Монастырь святого Александра Невского» сделал Зубов, «Петергоф» и «Ораниенбом» — Ростовцев. Остальные семь гравюр: «Гостиный двор», «Дом светлейшего князя Меншикова», «Катерин Гоф», «Адмиралтейство», «Зимний дворец», «Кронштадт», «Котлин остров» — не подписаны. Все одиннадцать видов по стилю исполнения так сходны, что неподписанные гравюры можно с равным успехом относить к работам обоих мастеров. Эти гравюры имеют много общего с панорамой в композиции, с завершающим картушем в ее верхней части и в рисунке. Вместе они хорошо дополняют и оживляют большую панораму, представляя ее в какой-то мере «Малой энциклопедией» жизни новой столицы России — Санкт-Петербурга, в самые первые годы ее существования.

Буквально на глазах у одного поколения людей вырастал Санкт-Петербург. На стапелях Адмиралтейства поднимались к небу мачты новых кораблей. Россия входила в Европу, «как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек».

«Панорама Петербурга» Алексея Зубова выдвигает самого мастера в число лучших русских художников, изображавших прекрасный город на Неве. Вот уже два с половиной столетия художники различных творческих направлений, взглядов, вкусов каждый раз по-новому открывают для нас красоту этого города. И среди многих, посвятивших свои работы Петербургу-Петрограду-Ленинграду, имя Алексея Зубова не будет забыто. Он навсегда останется первым русским художником, который с большой любовью и талантом изобразил молодой, строящийся и уже приобретающий свои незабываемые черты город.

ТО, ЧЕГО У НАС НЕТ

Вспомнилось, как нашу беседу с деловым и предупредительным Дэвидом Тоулом, главой преуспевающей издательской фирмы «Харкурт Брейс Джованович» (Великобритания) переводил самоуверенный молодой человек. Подобно многим переводчикам, работающим с «фирмачами», он, похоже, ощущал себя частью этого мира деловых людей, носящих безупречно сшитые костюмы, заключающих сделки в разных концах света, и потому снисходительно поглядывал на соотечественников — рядовых посетителей последней Московской международной выставки-ярмарки. К ответам Дэвида Тоула на мои вопросы он, стараясь выглядеть компетентным, присовокуплял собственные ремарки. Значение произнесенного главой фирмы слова «маркетинг» сформулировал так: «Это... ну, в общем, это то, чего у нас нет».

То, «чего нет»,— систематическое, внимательнейшее изучение спроса потребителей, но не механическое следование ему, а встречное движение — энергичное формирование рынка, в частности, активная «вербовка» потенциальных читателей готовящихся к выпуску новинок. И на этой основе — точнейший расчет, взаимоувязка тиража и цены, «ореала» распространения книг.

Как же нам обращаться с этой заграничной штуковиной — маркетингом! Продолжать педалировать изучение спроса, который никак не удается полностью удовлетворить! И, попробуй, сформируй постоянный интерес к рынку, на котором этот навязший на зубах дефицит — капля в море...

Поэтому, узнав, что в издательстве «Прогресс» уже несколько месяцев действует новая редакция — маркетинга,— я поспешила туда с одним вопросом: все же возможен ли он у нас, в нынешних условиях вынужденных «лимитов» изданий и тиражей!

— Возможен, иначе не стоило бы об этом даже говорить, — ответил заместитель директора А. Ершов, — хотя условия рынка «у них» и «у нас» пока очень разные. Возьмем книги, которые «Прогресс» продает за рубеж. Это основная часть нашей продукции. И, к сожалению, приносящая нам убытки, потому что тираж в десять тысяч экземпляров уже велик даже для такой страны как ФРГ. А принцип ценообразования в нашем издательском деле таков, что чем меньше тираж, тем он невыгодней. Хорошо известно, почему оттиснуть книгу способом Ивана Федорова дешевле, чем напечатать ее, пользуясь современной техникой. Несет на себе это бремя прогресса и «Прогресс».

Что же делать? Выпускаем также многотиражные книги на русском языке — для внутреннего рынка. Раньше это была, в основном, переводная литература, но с недавнего времени к ней добавилась и отечественная. К примеру, открывающая новую серию «Перестройка: гласность, демократия, социализм» книга острой публицистики «Иного не дано». Она имеет шумный успех, получила хорошую прессу, вызвала читательский ажиотаж. Какое уж тут изучение и формирование! Допечатать бы тираж. Но как? Всякий, кто интересуется издательскими рубриками в прессе, знает, что полное удовлетворение спроса даже на одно-единственное популярное название одному издательству не под силу — просто не хватит выделенной бумаги. Поэтому «Прогресс» предложил нескольким издательствам разделить с ним успех и, конечно, расходы — напечатать книгу на своей полиграфической базе и бумаге. Откликнулась минская «Беларусь», и вот к нашим 150 тысячам экземпляров прибавилось еще 50 тысяч.

Эту же книгу взялась выпустить фирма «Грено» из ФРГ. Редакция маркетинга изучила спрос западногерманского рынка, рассчитала тираж, размер затрат — наших и партнеров. Когда книга вышла в свет, «Прогресс» заработал около 60 тысяч западногерманских марок, примерно 20 тысяч инвалютных рублей. (Для сравнения: в 1987 году мы получили всего 38 тысяч рублей от продажи нашей продукции на рынках западных стран.) Откуда такой скачок? Конечно, нельзя сбрасывать со счетов большой интерес западного читателя к проблемам перестройки в нашей стране. Однако имела немалое значение и организация хорошей рекламы за рубежом, которой занимался отдел маркетинга. Вот мы со своим деловым партнером — «Международной книгой» — и взяли на себя смелость установить на книгу цену в 48 марок.

На очереди совместная работа с французским издательством «Фламарион», и тоже над изданием книги «Иного не дано». Ведем аналогичные переговоры с тремя американскими издательствами. Прорабатывается возможность выпуска за рубежом и других интересных книг «Прогресса».

Приятно, конечно, что таким способом экономится бумага для других изданий, идет валюта, растет международный авторитет советского книгоиздания. Но, повторяю, «Прогресс» предлагает свое сотрудничество и многим советским издательствам. По тридцати адресам разослали мы им свои предложения — разделите с нами расходы, и пользующиеся большим спросом новинки будут появляться в книжном магазине каждой республики.

Таким мы видим вариант маркетинга на внутреннем рынке. И что же? Пока откликнулись лишь четыре издательства. Может, за этим отказом стоит чувство профессиональной гордости? А может быть, привычка под видом святого дела борьбы с дефицитом нарушать издательские права — дождавшись, когда коллеги выпустят книгу, быстренько сделать ее расклейку и отправить в типографию? Издательских затрат — минимум, а цену ставь, какая вздумается...

Конечно, такие предложения должны быть не односторонними. Например, литовское издательство «Минтис» поделилось с нами фотонаборными пленками книги публицистики Б. Ф. Кашаускаса «Неговорение правды». Со своей стороны, предлагаем всем, кто захочет, напечатать переведенную с чешского «Энциклопедию молодой женщины». Первое ее издание вышло в 1985 году в усеченном виде, став жертвой то ли ханжеской морали, а, может, просто ушедшей в прошлое традиции ставить слово «секс» в один ряд с порнографией, насилием и гонкой вооружений. Так вот, в новое издание возвращена глава «Анатомия и физиология сексуальной жизни»...

Подготовила А. БОСОВСКАЯ

Рис. О. АНДРЕЕВОЙ

ОН И ОНА

В истории русской поэзии, пожалуй, не было большей несправедливости, чем та, которая проявлялась и проявляется доныне по отношению к Алексею Крученых.

Наше литературоведение никогда не пыталось вникнуть в его творчество по-существу. Крученых был нужен — как «козел отпущения»: в течение полувека сваливали на него «футуристические грехи» Владимира Маяковского и Велимира Хлебникова.

Круча, Крых, Кручик, Кручень, Круч. «Забыл повеситься, лечу к Америкам!» **Зудесник, зударь, зудивец,** а стихотворения его — **Зудутные зудеса!** «Четкие... мастера, залившие свои уши воском, чтобы не слышать сиреньких серенад, кричим мы невыносимым для деликатного слуха будильником

ррррръьтззззйййй!..»

Маяковский ошеломлял, Крученых будировал и раздражал, всех «выводил из себя» (при этом, в быту, в своем кругу, он был на редкость миролюбив).

Юркость, неуемность, рассчитанные заранее «выходки», «мелькание» всюду и везде, острое словцо «на каждом углу», — все это позволяло соделать из него «чудесного чудака» (выражение М. Светлова), — и это было «положительным отношением» к Крученых множества его приятелей и знакомых (общительность у «Кручи» была поразительной), — есть и такое «обезвреживание» поэтов, — так поступали, вплоть до наших дней, и с Велимиром Хлебниковым.

— Вот уже тридцать лет я чищу многие мозги относительно Крученых, — сказал мне Н. И. Харджиев в 1961 году при нашей первой встрече, — может быть, полдюжины голов все-таки прочистил.

Легко было пренебрежительно относиться к поэту, отринутому обществом. При мне Алексей Елисеевич получал свою пенсию, — она, если не ошибаюсь, составляла 31 рубль. Крученых не печатался с 1930 года (этот рубеж, символически, совпал с гибелью Маяковского). Поэта жизнерадостнее его я не встречал. В любой ситуации он был артистичным и аристократичным (эти черты удивительно гармонировали с его русско-народным обликом, — в лепке его лица чудилось нечто просветленно-крестьянское, и, при его антицерковности, даже нечто отдаленно-православное).

— Меня держат три кита! — гордо повторял Алексей Елисеевич в последние годы жизни, — и не дадут пропасть.

Он имел в виду Малевича, Хлебникова и Маяковского.

Да, — он был любимейшим поэтом Малевича («Только Крученых остался во мне камнем не изменным любящим Нового Бога и остается сейчас», — писал великий супрематист в письме к М. Матюшину в 1916 году). «Истинный поэт, разрабатывающий слово!» — эту фразу о Крученых, похожую на лозунг, выкрикнул позже Владимир Маяковский.

Вот, по привычке (как это делал сам Крученых), все еще обращается к авторитетам, чтобы литературно реабилитировать поэта — «заумника».

Но Крученых в этом уже не нуждается, — в смысле, так сказать, «мировом». Уже двадцать лет стоит «крученыховский бум» в европейском литературоведении, — о поэте выходят бесчисленные статьи, фундаментальные академические исследования.

Замечательный литературный теоретик и лингвист, он, вместе с Хлебниковым, взбудоражил языкознание своего времени. В 1913 году появилась совместная декларация двух поэтов «Слово, как таковое», — поэтическое искусство, рассматриваемое как высвобождение скрытых возможностей «самоценного» слова (его звуковой стороны, этимологии и морфологической структуры), предвосхитило теории ОПОЯЗа, русской формальной школы.

Совместные литературоведческие и лингвистические работы Хлебникова и Крученых становятся все более известными. Но есть теории Крученых, разработанные только им. Это, прежде всего, учение о **фактуре слова** («Трудная, тяжелая фактура — быстрая, легкая фактура»; «занозистость», «сильно шероховатая поверхность» словесного матерьала). Много занимался Крученых **сдвигологией.** В «Декларации заумного языка» (1921) он, среди прочего, приводит следующее обоснование поэтической зауми: «Наобумное (алогичное, случайное, творческий порыв, механическое соединение слов: оговорки, опечатки, ляпсусы; сюда же, отчасти, относятся звуковые и смысловые сдвиги, национальный акцент...)» В другом месте он отмечает: «Кстати: о сдвигах, недомолвках, описках и проч. З. Фрейд. **Патология обыденной жизни и Толкование сновидений».**

В традиционном «сладкогласии» А. Крученых, чрезвычайно острый на слух, обнаруживает множество сдвиговых казусов (он бесил многих, обнаруживая «слыхавших и видавших львов» в одном из пушкинских стихотворений, при этом, любимейшими его писателями были Пушкин и Гоголь). Шутливо утверждая право на «горькогласие», он, наряду с Хлебниковым и Маяковским, деформирует классические размеры, стремясь, за счет ритмических сдвигов, к интонационно-акцентному стиху («установка на звук», — на поэзию декламации»).

«Положа руку на сердце» (это уже — выражение Бориса Пастернака), мне кажется бессмысленным спорить сегодня, «агитировать» за крученыховскую заумь.

Прислушаемся к самому Крученых: «Заумь — первоначальная (исторически и индивидуально) форма поэзии. Сперва — ритмически музыкальное волнение, пра-звук... К заумному языку прибегают: а) когда художник дает образы еще не вполне определившиеся (в нем и во мне), б) когда не хотят назвать предмет, а только намекнуть... Заумь побуждает и дает свободу творческой фантазии, не оскорбляя ее ничем конкретным...»

Стремление Крученых в царство «чистых», освобожденных от предметности звуков сродни супрематизму Казимира Малевича.

«Звуки, прежде всего гласные, истолковывались Крученых в супрематическом понимании, как пространственно-космические явления, — пишет немецкая исследовательница Роземари Циглер. — Космические значения гласных однако не являлись новостью в поэтике футуризма, но мотивировка раньше не лежала в ключе беспредметности...»

Итак, Крученых преодолевает барьер предметности. Для зрительного восприятия это происходит следующим образом: «Мы, — пишет Казимир Малевич в письме к М. Матюшину в 1916 году, — вырываем букву из строки, из одного направления, и даем ей возможность свободного движения. (Строки нужны миру чиновников и домашней переписки). Следовательно, мы приходим к 3-му положению, т. е. распределению буквенных звуковых масс в пространстве подобно живописному супрематизму».

Здесь выступает «слуховой план». «Можно указать, — говорит та же Р. Циглер, — на примат слухового момента при восприятии языка и поэзии, на примат актуального звучания речи по сравнению с исторически сложившимся орфографическим письмом... Наряду с фонетическим письмом, раз-

говорным, диалектными и другими выражениями, Крученых использовал как поэтический прием грузинские, армянские, турецкие, немецкие и другие выражения. Отдельные звуковые комбинации, характерные для этих языков, он употребляет как приемы отстранения, а также в роли заумных «слов».

Все это читатель найдет в предлагаемых стихах, для восприятия их необходимо только одно — доверие к поэту.

Универсализм Крученых... Его полудадаистическая опера «Победа над солнцем» (музыка Михаила Матюшина), поставленная в 1913 году одновременно с трагедией «Владимир Маяковский», может еще вспомниться, может стать театральным открытием сегодняшнего дня (кстати, эта пьеса-опера была поставлена в 1983 году на международном фестивале в Мюнхене). Когда стало слышно о зарождении звукового кино, Крученых издал книгу стихотворных кинорецензий и сценариев, — он усматривал уже возможность «кинопоэзии».

Крученых-критик. Хочется упомянуть лишь о его стиле: это острая блестящая проза, — соперником Крученых в этой области был только его любимый ученик — Игорь Терентьев.

Крученых-издатель. В истории отечественного книжного дела он произвел настоящую реформу со своими «писанными от руки книгами»: литографическими, гектографическими, даже — автографическими, — поэт работал рука об руку с Казимиром Малевичем, Михаилом Ларионовым и Натальей Гончаровой, Владимиром Татлиным, Ольгой Розановой (книжные наклейки-коллажи самого Крученых 1916—1917 годов — прекрасные образцы малевичианской школы в изоискусстве).

Столетие со дня рождения Алексея Крученых удалось отметить в 1986 году лишь в Херсоне, — благодаря большим усилиям литературоведа С. М. Сухопарова. В методической рекомендации, изданной по этому случаю, приведено в пересказе содержание моей телеграммы на адрес юбилейной комиссии: «Именно последние достижения в изучении творчества А. Крученых позволили поэту и переводчику Геннадию Айги поставить его имя в ряд выдающихся имен европейского искусства XX века — Хлебникова и Малевича, Маяковского и Аполлинера, Бретона и Пикассо». Это мое убеждение я повторяю и здесь.

Несколько слов — о предлагаемой подборке. В 1961—1967 годах я неоднократно записывал на магнитофон мастерское чтение Алексеем Крученых его стихотворений. Большинство из этих произведений, напечатанных полвека назад, Крученых продолжал перерабатывать, — таким образом то, что сохранилось в магнитофонной записи, можно считать окончательными авторизованными текстами, с которыми я и сверил машинописные перепечатки. Стихотворение «Любовь тифлисского повара», «Велимир Хлебников в 1915 году» и стихи 1942—1953 годов печатаются впервые.

Дыр бул щыл
убешщур
скум
вы со бу
р л эз

1913

вселенский язык
е у ю
и а о
о а
о а е е и е я
о а
е у и е и
и е е
и и ы и е и и ы

1913

те ге не
рю ри
ле лю
бе
тльк
тлько
хо мо ло
ре к рюкпль
крьд крюд
нтпр
иркью
би пу

1913

из под земли вырыть
украсть из пальца
прыгнуть сверх головы
сидя итти
стоя бежать
куда зарыть кольца
виси на петле
тихо качаясь

1913

Памяти Нико Пиросмани

Маргарита,
твой взор и ледяные бури
острей, чем с барбарисом абхазури,
душистей молодого лука
сверх шашлыка,
но, как полынь, моя любовь горька,
чихаю, сам не свой
рычу навзрыд, —
потерял я запах вкусовой.
Уже не различаю чеснока,
острой бритвой мне сердце режет
молодая луна —
твоя золотая щека.
Страдаю, как молодой Вэртэр,
язык мой, —
голый дьявол, —
скоро попадет на вэртэл!..
Шен генацвали, шен черимэ,
Мэримэ!

Бросаю к твоим сливочным ногам
бокал с *к о л б а с о й*
и утопиться
бегу
в Куру —
ВЕСЬ ГОРЯЩИЙ
и босой!

1918, Тифлис — февраль 1964, Москва

В полночь притти и уткнуться
в подушку твоей любви —
— Завтра уеду в Москву! —
Освободятся сЕльтерские ноги мои,
ими, как локтем пропеллера, взмахну!
сто лет с тобою проживши
не позабыл о Ней Единой.
ЧЕРЕЗ закорючки капусты, по крышам,
летит мой дух лебяжий
На — фта — линный!

1919

* * *

У меня изумрудно неприличен каждый кусок
Костюм покроя шокинг
во рту раскаленная клеем облатка
и в глазах никакого порядка...
Публика выходит через отпадающий рот
а мысли сыро-хромающие — совсем наоборот!
Я В ЗЕРКАЛЕ НЕ ОТРАЖАЮСЬ!..

1919

* * *

Я пошел в ПАРКОВУЮ ЛЮБИЛЬНЮ
Где туго пахло накрахмаленным воротничком.
Растянули меня на железном кружиле
И стали возить голым ничком.
Вскакивал я от каждого соприкосновенья
как будто жарко ляпали **СВИНЦОВЫМ ВАРЕНИКОМ!**
кивнули — отрубили колени
а голову заШили **В ЮБКИ БАЛОН.**
. . . .
и вот развесили сотню девушек
ВЫБЕЛИТЬ ДО СЛЕЗ НА СОЛНЦЕПЕКЕ
а в зубы мне дали обмызганный ремешок,
чтоб я держал его пока не женюсь на безбокой
только что вытащенной
ИЗ МАЛИНОВОГО варенья!..

1919

Стосковалась моя железка по кислице салату
и стукальцам небылиц
и закинув несгораемую хату
ввысь подымаюсь как накрахмаленная певица!
Забросил я память от жажды нового —
дыма и шипа бурчатых машин
негра кочегарно-танцующего голого,
без пиджака... испола! Терпентин!
АРМАТУРЮ! В ТАНЦЫРЬ ЗАКОВАННЫЙ
над пропастью взлетаю как пученье
морской буркоты —
И ДЕВЫ ВЛЮБЛЁННЫЕ ДО КОСТИ ИЗЖЁВАНЫ
ПОСЛЕДСТВИЯМИ КРАСОТЫ!..
и вот собрались все
телесными ёрзая выступами
коленями пригнули меня к земле
в лоб мягко выстрелили
чмок! квю!
будля умрюк!

1919

* * *

Я поджарил свой мозг на железном пруте
Добавляя перцу румян и кислот
Чтоб он понравился, музка, тебе
Больше, чем размазанный Игоря Северянина торт
Чтоб ты вкушала щекоча ноготком
Пахнущий терпентином смочёк.
Сердце мое будет кувырком
Как у нервного Кубелика
СМЫЧЁК

1919

После серого дождя, землетруса,
на обломках горелых бревен
человечек уже мучается
над постройкой нового крова.

Тебе будут плевать в лицо,
по пяткам бить бамбуком,
а ты, оставленный подлецом,
не дрогнув, идешь
на всенародные муки.

Художник, бедняга, босяк,
стройный тюльпан пустыни,
без страха,
без денег,
скользишь по камням,
одетый в лучи и овчину.
Мерцающим светом
руки подняты кверху.

Неутолимая надежда
неугасима купина!
И нынче яростней, чем прежде,
и на предвечные времена.

1921

В избе, с потолком дыряво-копченым
Пятеро белобрысых птенят
Широко глаза раскрыли —
Сегодня полные миски на столе дымят!..

— Убоинки молодой поешьте,
Только крошку всю глотайте до конца,
Иначе встанете —
Маньку возьмет рыжий леший, —
Вон дрыхнет, как баран, у соседского крыльца!..

Мать сказала и тихо вышла...
Дети глотали с голодухи,
Да видят — в котле плавают человечьи руки,
А в углу ворочаются порванные кишонки.

— У-ох!.. — завопили, да оравой в дверь
И еще пуще ахнули:
Там маменька висела —
Шея посиневшая
Обмотана намыленной паклей!..

Дети добежали до кручи
— Недоеденный мертвец сзади супом чавкал —
Перекрестились да в воду, как зайчики, бухнули.
Подхватили их руки мягкие...
А было это под Пасху...
Кровь убитого к небу возносилася
И звала людей к покаянию,
А душа удушенной под забором царства небесного
Облакачивалась...

1922

Уу — а — ме — гон — э — бью!
Ом — гу — гвут — он
За — бью!..
Гва — гва... уге — пругу... па — у...
— Та — бу — [illegible] — шит!!!
Бэг — уун — а — ыз
Миз — ку — а — бун — о — куз,
СА — ССАКУУИ!!! ЗАРЬЯ!!! КАЧРЮК!!!

1922

Увозя мои свежие СТИХИНЫ
За башню Эйфеля, за беглый океан —
ТАМ ЖДУТ ИХ ОМНИБУСОВ СПИНЫ,
И ВНОВЬ ИСПЕЧЕННЫЙ — я конкурент мороженной свинины!

Схватят жирные экипажи тонкими руками
Мои ПОЮЗГИ и повезут по всему свету кварталов
По Сити, по Гай-Старам
УДИВЛЕННЫЕ ЛЮДИ ОСТАНОВЯТ ДИНАМО — МАШИНЫ И ТРАМЫ
И арифмометр — солнце повиснет как бабочка на золочёной раме!

Все читать заумь станут
Изучая мою ПОЭТИЧЕСКУЮ СУСТЕНЬ...
РАДУЙТЕСЬ же пока я с вами
И не смотрите грустными...

1922

Чарджуйных дынь золотое темя
И снежная мяхкоть
Медоле-е-ейным запахом пчелу влечет
— Жь-ж-ж!..
И жук засохший шешурой шевелится
И мышь, оса, жужжалки,
И ящер криволапый ис-под тюльей кельи
Шершавым язычком уж тащится на медососье!
И дыню всю облапили как тетеньку!
В полях поляжет полдень жаркий,
Но все жуют нежай-й-шие плоды
И не страшат лучей нарывные булавки!..

1925

Эрывань
Жы-ы-ра...
На маставой
сверлят
мазоли,
калючки,
камни...
Эй, варабэй, варабэй,
адалжи сто рублей —
закуплю грузовик
Снэ-е-гу...
На площади
тры лошади
пасэредине
ышак
столбняк —
ы! — кает!..
Духовка
каструла
паровая пэрина —
моя квартыра!
— Бэгу
на пэрэвулок!..
Вв-а-а!.. Духан!
Гулим-джан
бурдюки!
Орман орган
Гариман-Ха!
...Вэ-э-э!
Апельсын с гарчицей
Вино — чернила
горькый!
Шашлык,
бадриджан,
кинжалом
в горле.
Играй
Зурна
арган
траур...
Душа моя —
пережаренная курица
под скамейкой валаится,
крест заржангвыл!
Ай-ай, смотри на минэ, Хачатур:
сверх агонь,
кургом агонь...
посередку — сапоги!
Куда пойдешь?
Кому скажешь?
Море — далеко,
Арарат — высоко,
Извозчык на козлах сыдыт,
нычего ны гаворыт —
язык чоорный
как
бакладан.

1926

Сошлися черное шоссе с асфальтом неба
И дождь забором встал
Нет выхода из досок водяного плена
— С-с-с-с-ш-ш-ш-ш-
Сквозят дома
Сипит и ширится стальной оскал!
И молчаливо сходит всадник с неба
— Надавит холод металлической души —
И слякотной любовью запеленат
С ним мир пускает
Смертельной спазмы
Пузыри!

1926

— Алла! Алла! Велик Алла! —
С минарета запел муэдзин,
— Хвала подателю тепла, Алла-а! —
Зима уходит опостылая!
Все церкви выпиты лужами,
Выдувает Москву ветерок!
Вот, вот воробей п-о-н-а-т-у-ж-и-т-с-я —
И станет совсем хорошая погода!..
В сарафане Храсном Хатарина
Хитро — цветисто
Голосом нежней, чем голубиный пух подмышкою,
Приглашала дорогих гостей
И дородных приезжан:
— Любахари, любуйцы — помаюйте!
Бросьте декабрюнить!
С какой поры мы все сентябрим и сентябрим
Закутавшись в фуфайки и рогожи!..

Вот на столе пасхальном
Блюдоносном
Рассыпан щедрою рукою
Сахарный сохрун, мохнатенький мухрун,
Кусочки зользы
И сладкостный мизюль
— Что в общежитьи называется ИЗЮМ! —
Вот сфабрикованные мной фру-фру,
А кто захочет — есть хрю-хрю
Брыкающийся окорок!..
А вот закуски:
Юненький сырок
Сырная баба в кружевах
И красные
И голубые
Ю — йца —
Что вам полюбится
То и глотайте!..
А муж ее
Угруз Талыблы
Нижней педалью глотки
Добавил:
— Любахари, блюдахари,
Губайте вин сочливое соченье:
Вот крепкий шишидрон
И сладкий наслаждец!
А раньше чем пройтись по хересам,
Закуски —
Жареный зудак,
Средь моксы корчатся огромные соленые зудавы
И агарышка с луком!
Для правоверных немцев
Всегда есть —
ДЕР ГИБЕН ГАГАЙ КЛОПС ШМАК
АЙС ВАЙС ПЮС, КАПЕРДУФЕН —
БИТЕ!.........
А вот глазами рококоча,
Глядит на вас с укором
РОКОКОВЫЙ РОКОКУЙ!
Как вам понравится размашистое разменю
И наше блюдословье?!..
Погуще нажимайте
На мещерявый мещуй!
Зубайте все!
Без передышки!
Глотайте улицей
и переулками
До со-н-но-го отвала
Ы-АК!

1926

Мизиз...
Зынь...
Ицив —
Зима!..
Замороженные
Стень
Стынь...
Снегота... Снегота!..
Стужа... вьюжа...
Вью-ю-ю-га — сту-у-у-га...
Стугота... стугота!..
Убийство без крови...
Тифозное небо — одна сплошная вошь!..
Но вот
С окосевших небес
Выпало колесо
Всех растрясло
Лихорадкой и громом
И к жизни воззвало
ХАРКНУВ В ТУНДЫ
ПРОНЗИТЕЛЬНОЙ
КРОВЬЮ
ЦВЕТОВ...

— У-а!.. — родился ЦАП в дахе
Снежки — пах-пах!
В зубах ззудки...
Роет яму в парном снегу —
У-гу-гу-гу!.. Каракурт!.. Гы-гы-гы!..
Бура-а-а-ан... Гора ползет —
Зу-зу-зу-зу...
Горим... горим-го-го-го!..
В недрах дикий гудрон гудит —
ГУ-ГУ-ГУР...
Гудит земля, зудит земля...
Зудозем... зудозем...
Ребячий и щенячий пупок дискантно вопит:
У-а-а! У-а-а!.. — а!..
Собаки в сенях засутулились
И тысячи беспроволочных зертей
И одна ведзьма под забором плачут:
ЗА-ХА-ХА — ХА! а-а!
За-хе-хе-хе! -е!
ПА-ПА-А-ЛСЯ!!!
Па-па-а-лся!
Буран растет... вьюзга зудит...
На кожаный костяк
Вскочил Шаман
Шамай
Всех запорошил:
Зыз-з-з
Глыз-з-з —
Мизиз-з-з
З-З-З-З!
Шыга...
Цуав...
Ицив —
ВСЕ СОБАКИ
СДОХЛИ!

1926

/Из цикла «Слово о подвигах Гоголя»/

Нелюдим, смехотвор и затворник,
зарывшись в древние книги,
не выезжая из комнаты,
в халате,
лежа на кушетке,
пивными дрожжами,
острым проскоком
обогнал всех путешественников:
вскрыл в России преисподню.

Мокроворона,
штафирка,
хламидник и щеголь,
с казаками Бульбы,
с разгульною вольницей
свершил два бедовых похода,
жег королевскую шляхту,
рубал кольцеусых панов.

Первач-подвижник
под видом лежебоки,
лесобровым Днепром,
бумерангом букв
с высоким спокойствием,
Пифагор гиперболы,
Эдисон снов!
СВЕТОНОС! —

взял
планету
на испуг!

1942—1943

От мокропогоды
скрываюсь в старой трущобе
духана, в подвалах вина.
Отсюда, сквозь горящую дымовину
кристаллы Эльбруса, —
надежда яснейшая вдвойне мне видна!

Я знаю:
здесь, в тяжелом сундуке,
зарыты чьи-то кружева и руки,
и молят о пощаде в кабаке.
Но пьяные картежники
сидят на них, к стенаньям глухи,
у каждого **четыре короля**
зажаты в кулаке.

И я стучу о стенку кирпичом,
людей зову
с оружьями и вилами,
чтобы сундук предстал
пред нами нагишом,
чтоб вырыли из душегубища безвинную!

Спасите всех,
спасите свет
во имя жизни ранней,
во имя мощных глаз
и атомов каскадного сверканья!

1950—1953

Не страшно разве?
На фоне труб и небоскребов
Как будто завтрак подан —
Больное сердце
В красной вазе.
14/VI — 1952

Я пока еще не статуя Аполлона,
не куцая урна из крематория,
Я могу еще выпить стакан самогона,
закусить в буфете ножкой Бетховена,
ступней Командора.

Я не хочу встречаться с тобой совсем трезвый,
преподносить выглаженные в линейку стишонки,
я желаю,
чтоб нам завидовали даже ирокезы
и грызли с досады
свои трубки и свои печенки!..

Нас на вокзале приветствует свежий дождь —
широкие, глазастые дружбы потоки!
Лучшего
и через сто лет не найдешь.
Об этом вспомнят, вздыхая,
в городах, в музеях
наши потомки.

Так быть верным, до реквиема,
богу искусства,
у головокружительного барьера
твоих глаз,
с размаху не поддаться страшному искусу
в сотый и тысячный раз,

задержаться на самом краю пропасти
и схватить себя за рукава:
— Эй! Остановите эти кости!
Они хотят,
напялив цилиндр,
всю ночь плясать канкан!..

Неприступно
и вечно сияй,
песни высокой
снежный Синай!

Свет сугробами на горе
наперекор хмурым химерам
гордякам, изуверам
НЕ ПЕРЕСТАНЕТ ГОРЕТЬ!

1950—1953

ЧИТАТЕЛЬ — ЖУРНАЛ — ЧИТАТЕЛЬ

Тайна конволюта

В фондах библиотеки Воронежского университета немало книг, которые десятилетиями привлекают внимание читателей.

Но есть и другие — скромные и забытые, спрятанные под переплетом других изданий. Лишь случай позволяет увидеть и раскрыть биографию такого произведения и судьбу его создателя.

Неожиданной находкой в отделе редких книг стало прижизненное издание экономиста Александра Васильевича Чаянова, чьи труды были широко известны в нашей стране до революции и в первые годы Советской власти. С тех пор они не издавались.

Обнаруженные в фонде работы Чаянова «Что такое аграрный вопрос?» и еще шесть статей других ученых (среди которых Н. Кондратьев, Н. Макаров, И. Мозжухин) по аграрному вопросу представляют собой книгу-конволют.

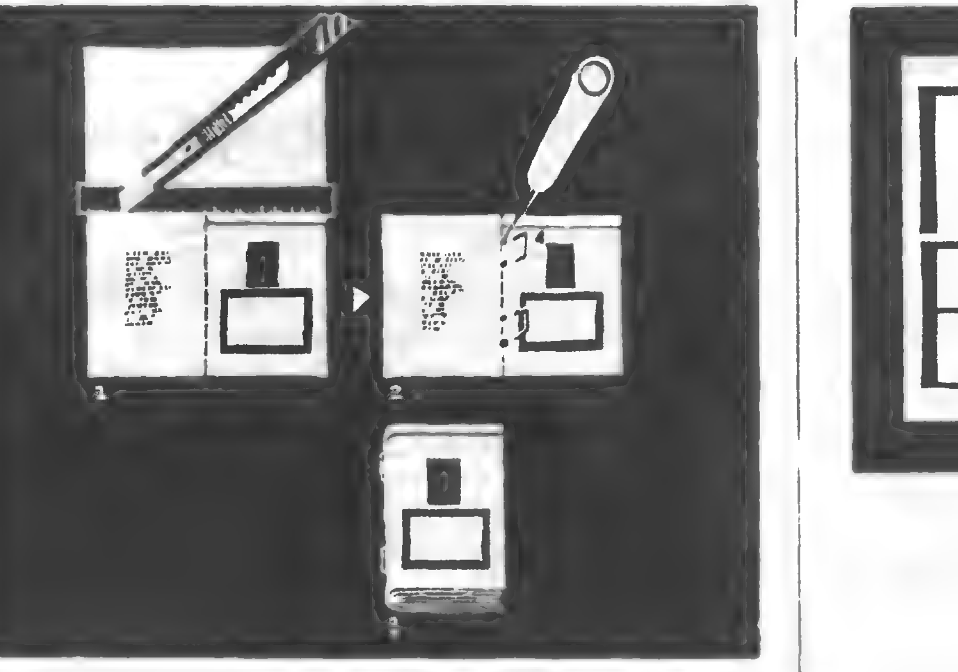
К сожалению, конволют не имеет книжных штампов или владельческих знаков, поэтому мы не можем сказать, кому принадлежала эта книга и кто так бережно сохранил под одной обложкой интереснейшие работы по аграрному и крестьянскому вопросу, ставшие ныне библиографической редкостью.

Т. ЗДОРЕНКО

И письма — как встречи

Учащиеся восьмых-десятых классов Красно-Курганской средней школы № 10 Малокарачаевского района Ставропольского края с увлечением встречаются в своем школьном клубе книголюбов «Ноосфера», которым уже два года руководит учитель литературы и русского языка Нюр-Магомед Лайпанов. Регулярно обсуждаются на занятиях клуба книголюбов интересные публикации в «Литературном наследии» и «В мире книг». Кстати говоря, благодаря публикации моей заметки о Клинском городском Клубе любителей поэзии в журнале «В мире книг», и состоялось мое заочное знакомство с «ноосферой». Я получил письмо от активиста этого клуба книголюбов Любови Магомедовны Берберовой и ответил ей, завязалась переписка... Письма теперь — как встречи с единомышленниками, с новыми хорошими друзьями. Клубы книголюбов — как корабли в безбрежном книжном море. И каждому из них хочется пожелать счастливого плавания!

Л. ЗУБАЧЕВ.
г. Клин, Московская обл.

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «В МИРЕ КНИГ»

ПЕСНИ БАРДОВ

Москва
1989

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...На сцене они по привычке строятся в шеренгу — плечом к плечу. Пятнистая зеленая форма, награды, нашивки за ранения. Голубые береты. Распирающие полосатые тельняшки могучие мускулы. Одни выплескивают душу в хрипящий от перегрузки микрофон, другие вполголоса «проговаривают» свою балладу, устремив взгляд в одну, видимую только им точку на горизонте.

Их песни трудно записывать на бумаге. По общепринятым меркам в них мало поэзии. В них — имена друзей, командиров, медсестер, географические названия, описание боевых действий, обращение к горам, другим одушевленным и неодушевленным предметам. И еще в этих песнях — крик и боль, мир расколотый на полушария добра и зла, смерти и жизни.

Три автора представлены в нашей подборке: Игорь Медведев, Игорь Морозов, Юрий Слатов — они из тех, кто свою жизнь сегодня делит на «ТАМ и ТОГДА» и все остальное. Кавалер Ордена Красной звезды Юрий Слатов — кадровый военный. Портным работает Игорь Медведев. Игорь Морозов — журналист. Годы в Афганистане — поворотный пункт их жизни, судьбы, питающий мощный самобытный пласт их песен.

Тем, кто хочет полнее познакомиться с творчеством «бардов», вернувшихся из Афганистана, сообщаем, что в минувшем году вышли из печати две книги:
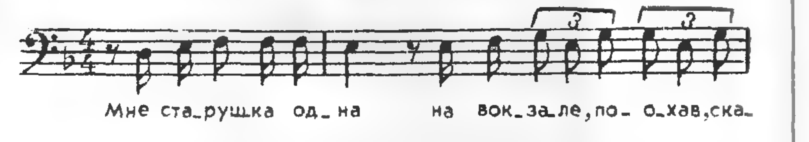
— «Когда поют солдаты», 3 изд., «Молодая гвардия».
— «Время выбрало нас» (с нотами), Воениздат.
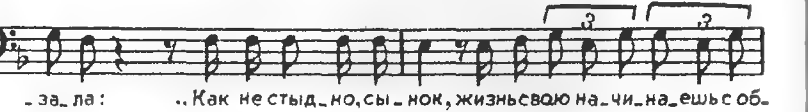
Ю. ПЕЛЕХОВА

Мне старушка одна на вокзале, поохав, сказала:
«Как не стыдно, сынок, жизнь свою начинаешь с обмана
Где-то орден купил, нацепил и бахвалишься людям.
Сам такой молодой, да только совести грамма не будет.
Весь такой загорелый — видно с отдыха, с жаркого юга.
Там на папины деньги гулял, веселился бездумно.
Ты сними, не позорь, не позорь фронтовые седины.
Что ты знаешь, сынок, о войне — ничегошеньки, милый».
Что ответить старушке седой — не обидеть бы старость,
А слова оправданья не лезут, как-будто ты в тягость
Только орден рукою прикрыл, чтоб обидой не пачкать
И вдруг вспомнил афганское небо, наше небо прозрачное
Я бы мог рассказать той старушке, как плакали горы,
Как снега вдруг краснели от яркой рябиновой крови
И как быстрые реки топили последние крики
И как небо швыряло на землю горящие «МИГи».
А еще расскажу, как врывается горе в квартиры
Как безумную мать не могли оторвать от могилы,
И тогда ты, старушка, поймешь и меня не осудишь —
Ордена, как у нас, на базаре не встретишь, не купишь.

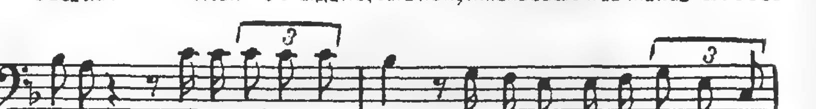
ОРДЕНА

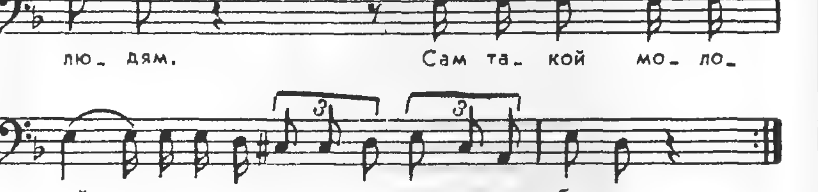
Стихи и музыка Ю. Слатова
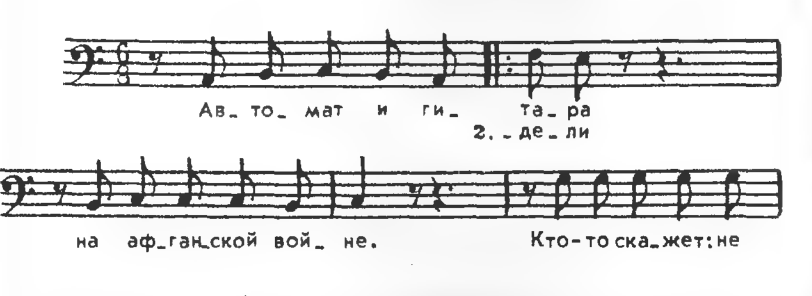

АВТОМАТ И ГИТАРА
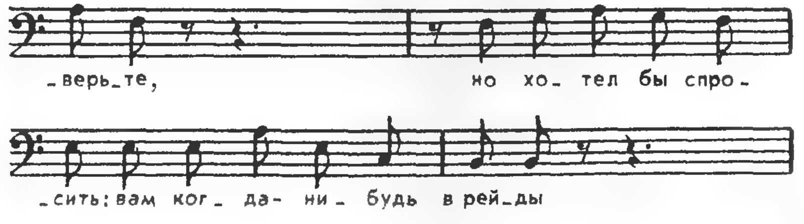
Стихи и музыка И. Медведева
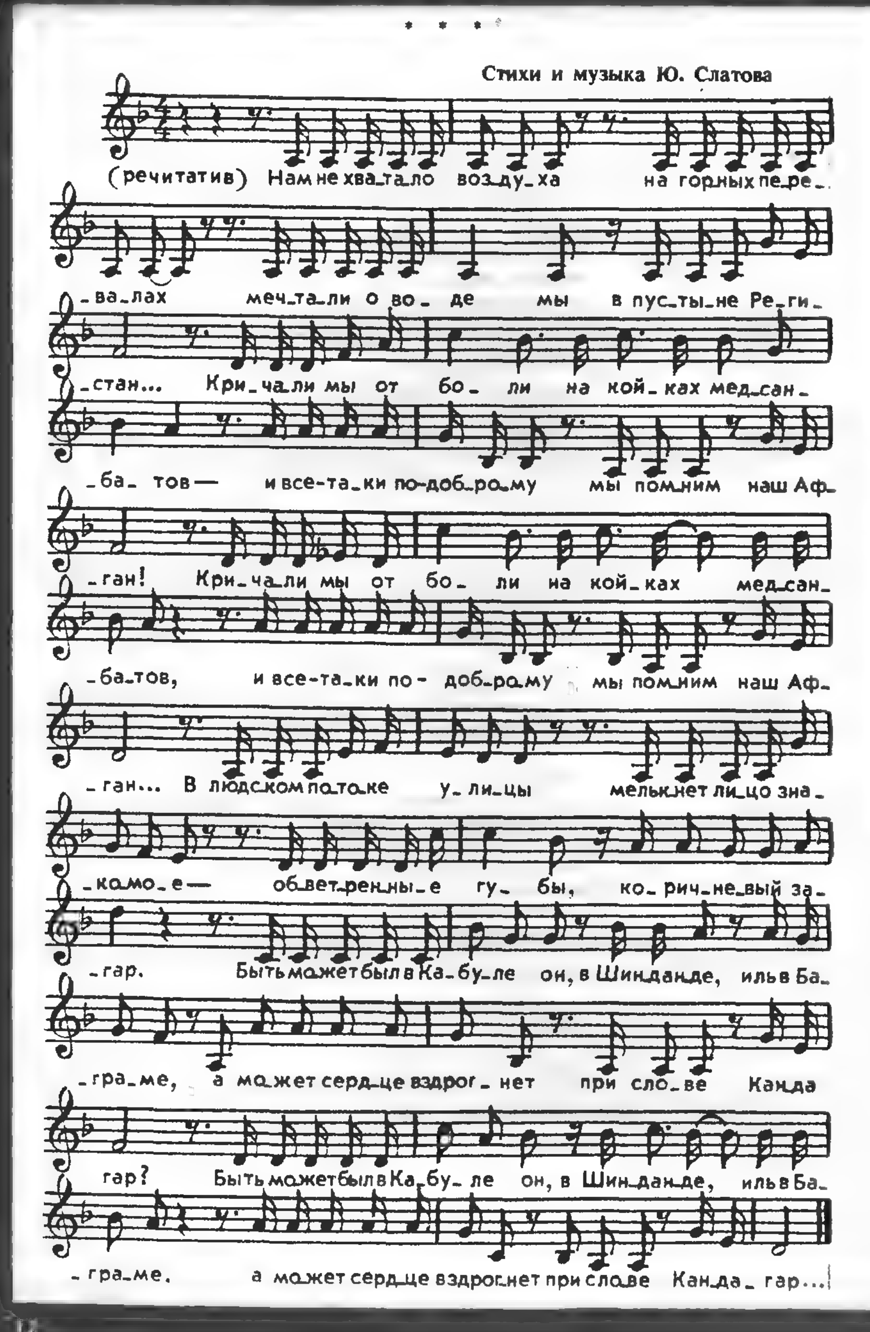

Автомат и гитара
На афганской войне...
Кто-то скажет — не пара,
там романтики нет.
Я не спорю, поверьте,
но хотел бы спросить:
вам когда-нибудь в рейды
доводилось ходить?
Вы считали недели
до отлета домой.
Вы когда-нибудь ели
сухпаек фронтовой?
Не в туристских походах,
не в лесу у костра —
там беднее природа
и сильнее ветра.
Там пылают пожары,
и в жестоком бою
громче всякой гитары
сами скалы поют.
Вам знакома усталость
после трудного дня?
Если это случалось,
вы поймете меня.
Да, романтики нету,
есть работа и кровь.
Кто-то верил в победу,
кто-то верил в любовь,
кто-то знал, что вернется,
да упал под огнем
и струной отзовется наша память о нем.
Не изучены свойства
наших душ на войне.
Кто-то бредил геройством,
а мы пели про снег,
про края, где родились,
да про шорох берез,
и совсем не стыдились
с пылью смешанных слез.

Нам не хватало воздуха
на горных перевалах.
Мечтали о воде мы
в пустыне Регистан.
Кричали мы от боли
на койках медсанбатов
И все-таки по-доброму
мы помним наш Афган.
В людском потоке улицы
мелькнет лицо знакомое.
Обветренные губы, коричневый загар.
Быть может был в Кабуле он
в Шинданде иль в Баграме,
А может сердцем вздрогнет
при слове Кандагар.
Но мне не так уж важно
откуда этот парень
Мне важно, что оттуда,
мне важно, что был там
И не пройду я мимо,
а лишь скажу тихонько
Единственное слово,
пароль один — Афган.
И мы поймем друг друга,
Нам лишних слов не надо.
Глаза его засветятся
особенным огнем.
Ребят моих мы вспомним
и вспомним наши горы,
А после наши песни
негромко пропоем.
И снова жить захочется
по-честному и доброму.
Со злом бороться яростно,
и счастью помогать.
Пускай совсем не легкую,
но нужную и главную
Дорогу для хорошего,
для всех людей искать
Нам не хватало воздуха
на горных перевалах
Мечтали о воде мы
в пустыне Регистан
Кричали мы от боли на койках медсанбатов
И все-таки мы в памяти храним Афганистан.
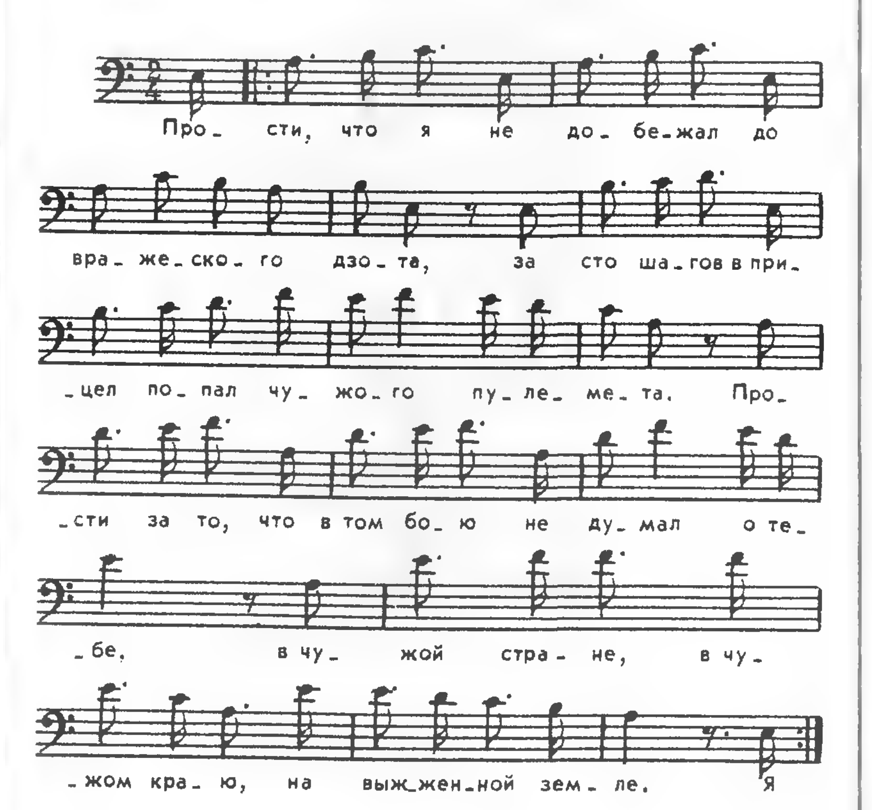
* * *

Стихи и музыка Ю. Слатова

Вам, не ведавшим, вроде
нет причины тужить
вы спокойно живете —
нам уж так не прожить,
нам не выйти из боя,
не вернуться назад,
и гитар не настроить
на лирический лад.
Боевые гитары,
я вам песню пою.
Да, гитара не пара
автомату в бою.
Но, поправ все законы
в этом мире скупом,
вы горели в колоннах
заодно с игроком.
Вас дырявили пули
и осколки секли,
грифы тонкие гнули,
да сломать не смогли.
И, вдали от Союза
вы в руках у солдат,
доказали, что музы
на войне не молчат.
Автомат и гитара
на афганской войне.
Кто-то скажет — не пара,
там романтики нет.
Я не думаю спорить —
петь о том иль не петь:
мне гитару настроить
надо к бою успеть.

ПРОСТИ МЕНЯ

Стихи и музыка И. Морозова

Этот мир без тебя
просто голые скалы.
От палящего солнца
не спрятаться в тень.
Здесь душманские бури
стерегут перевалы,
и в тревожных рассветах
рождается день.

Этот мир без тебя
перечеркнут ракетой,
и погибшим друзьям
не закончился счет.
Здесь измерена жизнь
пулеметною лентой,
караванной тропою
и чем-то еще.

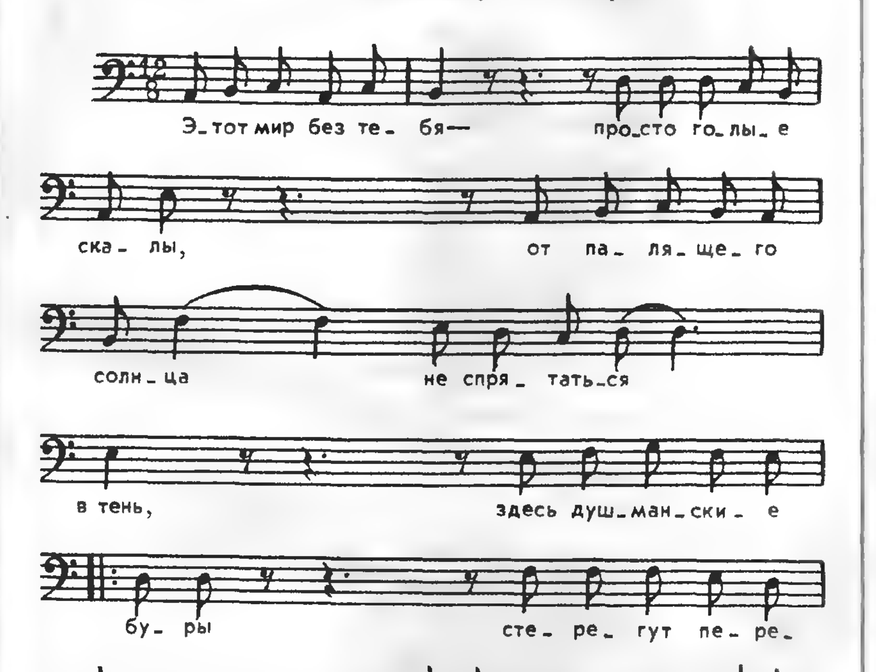
Этот мир без тебя —
после рейда усталость,
ненаписанных писем
скупые слова.
Здесь в сердцах уживается
ярость и жалость,
и по-прежнему в душах
надежда жива

Этот мир без тебя
неизменен и вечен,
мир нежданных разлук
и случайных встреч.
Здесь ремни автоматов
врезаются в плечи,
и звучит иностранная
странная речь.

Этот мир без тебя,
он расколот войною.
Эхо выстрелов скачет
по склонам крутым.
Этот мир без тебя
все же полон тобою,
и становишься ближе
далекая ты.

ЭТОТ МИР БЕЗ ТЕБЯ

Стихи и музыка И. Морозова

Прости, что я не добежал
до вражеского дзота,
за сто шагов в прицел попал
чужого пулемета.
Прости за то, что в том бою
не думал о тебе,
в чужой стране, в чужом краю
на выжженной земле.

Я жизнь любил как никогда
в походах ли, в атаках.
Моя звезда, твоя беда —
поправка к Зодиаку.
Прости за лучшие года,
возможные с другим.
Прости за то, что никогда
никто не повторим.
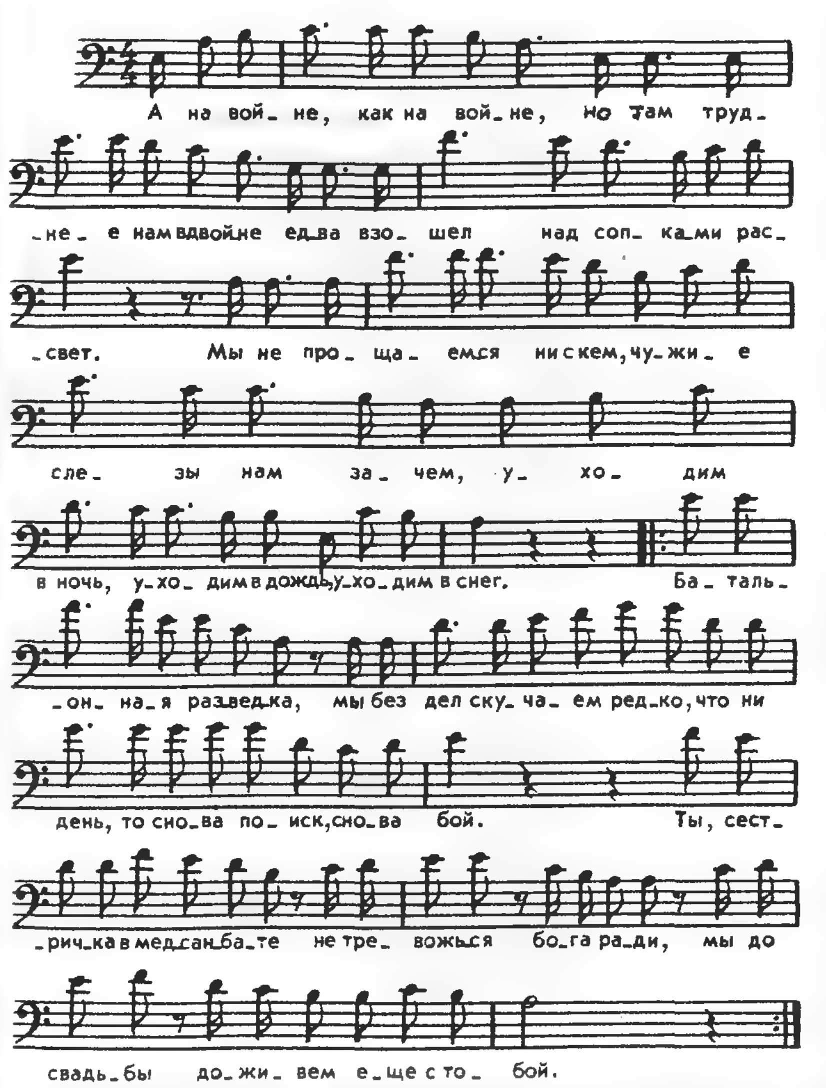
А тот студент, соперник мой,
очкарик-книгочей.
Прости его, что он живой,
а я уже ничей.
Не доискаться до причин
и смысла бытия.
Прости, что первенец, твой сын,
похож не на меня.

Когда придут мои друзья
покаяться за брата.
Прости их, нежная моя, —
они не виноваты.
Что не спасли, не сберегли,
поверь, не их вина.
Они свершили, что могли,
но верх взяла война.

В одной шеренге с ними я
под пулями душман
ходил в атаки за тебя
в стране Афганистан.
И свято верил в тот народ,
который защищал.
Прости мне вражий пулемет,
и что не добежал.

БАТАЛЬОННАЯ РАЗВЕДКА

Стихи и музыка И. Морозова

А на войне как на войне,
но там труднее нам вдвойне.
Едва взошел над сопками рассвет...
Мы не прощаемся ни с кем —
чужие слезы нам зачем?
Уходим в дождь,
уходим в ночь,
уходим в снег.

Припев:
Батальонная разведка,
мы без дел скучаем редко.
Что ни день, то снова поиск,
снова бой.
Ты сестричка в медсанбате
не тревожься, бога ради,
мы до свадьбы доживем еще с тобой.

А если так случится вдруг —
навек тебя покинет друг,
не осуждай его, война тому виной.
Тебе наш ротный старшина
отдаст медали, ордена
в разведке заработанные мной.

Батальонная разведка...

Когда закончится война,
мы все наденем ордена,
гурьбой усядемся за дружеским столом.
И вспомним тех, кто не дожил,
кто не допел, не долюбил,
и чашу полную товарищам нальем.

Батальонная разведка,
мы без дел скучали редко.
Что ни день, то снова поиск,
снова бой.
Ты сестричка в медсанбате
не тревожься, бога ради,
мы до свадьбы доживем еще с тобой.

И мы припомним, как, бывало,
в ночь шагали без привала,
рвали проволоку, брали «языка»,
как ходили мы в атаку,
как делили с другом флягу
и последнюю щепотку табака.

КАНКАН В МОРГЕ

«ЖИЛ» В МИРЕ КНИГ

Юрий КОМОВ

В прежние времена статья об американской организованной преступности, вне всякого сомнения, пошла бы под рубрикой «Их нравы». Но что изменилось — ведь так пока и есть: их нравы не стали нашими. Хотя заговорили мы об отечественной мафии и приписали ей целый ряд «подвигов» — в разных районах страны. В масштабах государства, однако (искренне надеюсь), не слились еще в одну могущественную организацию жулики и подпольные миллионеры, рэкетиры и сотрудники внутренних дел, чиновники разных мастей и опытные функционеры. Хотя дают и берут взятки, хотя угрожают и оказывают давление, хотя устраивают своих по звонкам и рекомендациям, чтобы напомнить потом — долг платежем красен, хотя припрятывают дефицит и реализуют его по нужным ценам, — и происходит все это не за океаном, а за окнами, на соседней улице, в нашем городе, в стране, где нравы вовсе не американские и жизненные установки и условия совсем иные. И, может быть, кто знает, мафия — это неотъемлемый атрибут любого общества на определенном этапе его развития. Наши социологи пока молчат об этом, да и когда говорить, если только что свели их в исследовательские институты, открыли статистику, дали возможность проводить анализ общественного мнения. На Западе подобные работы давно не редкость. Из многочисленных фактов, снабженных часто солидным комментарием, складывается пестрая картина определенных аспектов жизни американского общества. При этом с течением времени тема мафии, преступного союза гангстеров, бизнесменов и политических деятелей, нисколько не утратила своего значения.

О том, как работает организм мафии, много и подробно рассказал в своей «Последней исповеди» глава американского преступного мира Чарли «Лаки» Лучиано. В 1961 году, когда ему шел седьмой десяток и уже полтора десятилетия обретался он в вынужденном изгнании в Италии (хотя постоянно консультировал своих заокеанских друзей и компаньонов и получал от мафии ежемесячное пособие в размере 25 тысяч долларов, не считая других доходов от участия в многочисленных деловых операциях), решил Лучиано, что нельзя уходить ему из этого мира незамеченным, что нужно, не доверяясь газетным писакам, самому рассказать, как все было. С голливудским продюсером Мартином Гошем подготовили сценарий «Истории Лаки Лучиано», собирались приступить к съемкам фильма. И в этот момент из Нью-Йорка пришло предупреждение — Лучиано, «боссу боссов», его подручные и товарищи советовали отступиться, похоронить идею. Лучиано вызвал Гоша к себе — открыто сказал ему, что проект не удастся довести до конца: их просто уничтожат, если понадобится. И все-таки хитроумный престарелый мафиозо, тогда уже почти беспомощно взиравший на то, как прибирает к рукам его дело молодая поросль организованных преступников, решил перехитрить коллег. Он, переживший незадолго до этого сильнейший инфаркт, понимал, что осталось немного, и очень хотел поведать миру, тщеславия видно ради, как рождалась система, которой, был он уверен, суждена долгая жизнь не только в Соединенных Штатах, но и на других континентах. Десять месяцев диктовал «Счастливчик» Чарли свои мемуары. Мартину Гошу он поставил лишь одно условие — опубликовать их не раньше, чем через 10 лет после его смерти. И в 1974 году книга увидела свет...

Судили Чарли Лучиано в 1936-м. Энергичный Томас Дьюи, страж закона, нацеленный на блестящую карьеру, дело знал: три недели давали показания около 60 свидетелей, из них 40 проституток, рассказывавших о своей горькой участи в условиях организованного и широко разветвленного бизнеса под контролем мафии. Ни одна из них ни разу не встречалась с Лучиано, и все же показания все дали — может быть, именно потому, что не знали его. Приговор (30—50 лет тюремного заключения) привел в изумление даже видавших виды адвокатов: американское правосудие боролось с мафией, не имея другого выхода, почти ее методами: коварно, не стесняясь в средствах.

Впрочем, Лучиано хорошо знал *всю* систему и не сомневался: рано или поздно его выручат. Но прошло целых шесть лет его правления преступным миром из-за решетки, когда родилась, наконец, идея. Шел 1942-й, война была в разгаре. Мафии стало известно, что морское ведомство США, в частности — разведка, серьезно обеспокоено возможными актами саботажа на американском побережье и, конкретно, в нью-йоркском порту. У Альберта Анастазиа, одного из руководителей «треста убийц», спецподразделения мафии, и Фрэнка Костелло, гангстера с крупными связями в среде чиновников и политических деятелей, возник сумасшедший, как казалось поначалу, план: сыграть на опасениях морской разведки и внести «патриотический» вклад в дело победы над врагом. Не прошло и нескольких недель — в порту у Манхэттена сгорел дотла шикарный французский пассажирский лайнер «Нормандия», который собирались переоборудовать в военное транспортное судно.

Подозрение сразу пало на портовиков итальянского происхождения, кто как ни они — пособники фашистов (стереотипное мышление: в нашей стране такое в годы войны тоже случалось — и с немцами, и с татарами). Итальянцы, должно быть верные своему дуче, почти наверняка не только помогают диверсантам, но и имеют постоянный контакт с немецкими подводными лодками, курсирующими у берегов Америки, — после такого начала, остальное, казалось, было лишь делом фантазии и усилий следственных органов. Но не такова Америка — и это учитывали многоопытные гангстеры. Все италоамериканцы как один, от знаменитых и влиятельных интеллектуалов и политиков до рабочих и уличных торговцев, встали на защиту своих прав. Вовремя соркестрированные, раздались голоса, что даже итальянские мафиози, хоть и не были никогда в ладах с законом, жизнь готовы положить на алтарь американского отечества. Патриотизм их проявится незамедлительно — пусть только соответствующие ведомства обратятся к ним за помощью... И в рамках морской разведки родилась «Операция «Преступный мир»; в Вашингтоне, не колеблясь, санкционировали ее проведение.

Во главе группы специального назначения поставили морского офицера Чарльза Хаффендена. В его задачу входило установление контактов с мафией и выяснение ее возможностей на поприще содействия военным и разведывательным акциям. Хаффенден сразу же обратился к Томасу Дьюи, известному борцу с организованной преступностью и в то время окружному прокурору Манхэттена. Дьюи, чрезвычайно занятый подготовкой и проведением своей избирательной кампании на пост губернатора штата Нью-Йорк, переадресовал разведку к своим помощникам, готовившим процесс Лучиано. Те, в свою очередь, посоветовали поговорить с некоим Джозефом Ланза, «королем» Фултонского рыбного рынка, под контролем которого осуществлялись все операции с дарами моря: с каждого улова любого судна он получал 100 долларов, с каждого грузовика, въезжавшего на территорию его рынка, — 50. Ланза на встрече с Хаффенденом заявил, что может оказать поддержку лишь в пределах своих возможностей и что только влияние всесильного Лучиано обеспечит полную эффективность операции.

Со «Счастливчиком» связались, провели переговоры, перевели его в комфортабельную камеру. А «босс боссов» разработал и представил «программу работы» в профсоюзах вообще и особенно среди портовиков. Следующим шагом было соглашение с Дьюи: Лучиано требовал освобождения, в обмен гарантировал тщеславному прокурору губернаторское кресло в будущем, а в настоящее время — солидный денежный взнос на проведение избирательной кампании. Дьюи, понимая, какой общественный резонанс вызовут его возможные действия по освобождению главы мафии, с таким трудом упрятанного в тюрьму, обещал — немедленно — комфортабельные, но все еще тюремные условия, а впоследствии, по окончании войны, — высылку из Соединенных Штатов.

Гангстеры сочли условия приемлемыми. Весь оставшийся до мая 1945 года период они запросто посещали Лучиано в загородной тюрьме, похожей на пансионат, где он, под видом проведения рабочих заседаний по координации действий во имя общей победы, обсуждал со своими подручными текущие деловые вопросы. ФБР и полиция оставили мафию в покое — бизнес процветал. А единственной акцией, которую вознамерился было провести Лучиано, считавший, что в тюрьме он явно засиделся, был его сумасбродный план убийства Гитлера («дабы война поскорее кончилась и он обрел свободу»): Лучиано предлагал связаться с его помощником Вито Дженовезе, обретавшемся в Италии и имевшем тесные контакты с дуче, и устроить все через зятя Муссолини графа Чиано, наркомана, с которым Вито, отдававший предпочтение наркобизнесу, быстро нашел общий язык. Нет в общем

ничего невозможного (мафия, скажем, *наладила после войны* неплохие отношения с американским «военным губернатором» Италии полковником Чарли Полетти — работали с ним плодотворно), но все-таки должны быть какие-то тормоза. Коллеги «Счастливчика», выслушав его бредни, сочли, что «босс» несколько потерял чувство реальности, сидя продолжительное время за решеткой, — зачем безумствовать, когда стоит лишь набраться терпения: нужная «ситуация» возникнет вот-вот и без их участия.

Парадоксально, но у мафии, возможности которой трудно переоценить, не раз были поводы вмешаться в ход истории. Идея убийства Гитлера — не единственная «оригинальная» мысль, приходившая гангстерам. Ради осуществления собственных целей, получения даже мизерных выгод, готовы они были на все. И, кто знает, может лишь случай спас человечество от того, чтобы еще перед войной в руках у фашистов оказался секрет атомной бомбы. А может быть это только легенда, хотя выглядит она правдиво и фактов, ее подтверждающих, хоть отбавляй. Дело было так.

Один из коллег Лучиано по руководству мафией Бенджамин «Багси» Сигел (американский вариант фамилии русского еврея Зигеля — родители Багси приехали в США из-под Киева), перебравшись по решению «совета» организованных преступников из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, слыл в Голливуде «богатым спортсменом». Его роскошный особняк с бассейном и огромным винным погребом соседствовал с домами таких знаменитостей «индустрии развлечений», как Бинг Кросби, Соня Хени, Хэмфри Богарт, Джуди Гарланд, Винсент Прайс и другие. Его любовница, миллионерша графиня ди Фрассо, потерявшая голову от ухаживаний «самого симпатичного в Америке гангстера» (так утверждала молва и современники), отбросив все сомнения, познакомила его с лучшими фамилиями кинопромышленности, ввела в дом Джека Уорнера, одного из трех братьев-основателей голливудской компании «Уорнер бразерс», процветающей и по сей день. Слывший любителем азартных игр, Джек Уорнер обрел в лице Сигела нужного человека: оказалось, что Багси, среди прочего, контролировал роскошные лайнеры, которые курсировали вдоль берегов Калифорнии и предоставляли в распоряжение людей со средствами услуги своих казино и увеселительных заведений.

Как-то раз шумная компания — Сигел, графиня и их гости — отправилась поразвлечься в одном из плавучих игорных домов. Воспользовались услугами катера-такси — во *множестве сновали они по водной глади*, развозя туда-обратно прожигателей жизни и людей, влюбленных в гэмблинг, готовых поставить на карту все. Во владельце катера, к своему удивлению, Багси узнал некоего Грини (Гарри Гринберга), одного из наемных убийц, некогда подвизавшегося в Нью-Йорке, работавшего в команде самого Бучалтера, известного своими кровавыми похождениями гангстера по кличке «Лепке». Грини в свое время выслали из США как иностранца, нелегально проникшего в страну: отправили на родину в Польшу. Но в Германии он сбежал с парохода и неведомыми путями оказался в Канаде. Из Монреаля нью-йоркские мафиози получили от него весточку — содержание послания было крайне невразумительным. Грини просил оказать финансовую поддержку, писал, что располагает интересной информацией. В это время полиция вела усиленные поиски «Лепке» Бучалтера, материалов на него накопилось немало — «Лепке» скрывался и, заметая следы, уничтожал любых свидетелей, в том числе коллег по «тресту убийц», *некогда сотрудничавших с ним*. Письмо Грини взяли на заметку, решив, что он пытается шантажировать «босса», в Монреаль отправили профессионала. Но уничтожить Грини он не успел — бывший гангстер исчез из города. Кто-то видел его в Детройте, но и там следы затерялись. Мафия объявила «всеамериканский розыск», сообщил синдикат о беглеце и на западное побережье — Сигел был в курсе. И вот — неожиданная встреча.

Грини первым подошел к Багси, хотя тот притворился, что не заметил его. Разговор проходил напряженно — Багси держал отверженного на мушке. Грини объяснил, что, написав в Нью-Йорк, и не думал угрожать «Лепке», разве он сумасшедший. Просто во время вынужденного путешествия в Европу *он узнал нечто важное*. На *пароходе познакомился* с г-ном Краутом, как оказалось — шпионом немецких промышленников Круппов. У какого-то ученого в США, убив и ограбив его, Краут *украл формулу нового взрывчатого вещества* огромной силы. Краут надеялся, что Крупп щедро наградит его, а Гитлер вручит за этот подвиг железный крест с бриллиантами. И все-таки сомнения немца одолевали (став обладателем такого секрета, следует быть осторожным) — он нуждался в посреднике: Грини с его биографией вполне подходил. И Краут рискнул — посвятил Грини в тайну и показал ему зашитый в непромокаемый пояс документ с непонятными гангстеру значками и закорючками. Наслышанный о сокровищах пиратов, Грини перевел секрет «атомной бомбы» в золото и драгоценные камни — воображение его работало превосходно: тело Краута, похитив пояс, он сбросил в океан. Оказавшись в Канаде, встретил одного «технаря», некогда *делавшего самодельные бомбы для лихих налетов* команды знаменитого гангстера-боевика Датча Шульца. Разобравшись в формуле, тот смастерил заряд. Испытание провели на заброшенной ферме — сам Грини нарочно задержался в городе: от эксперта и фермы не осталось ничего.

Грини решил, что одному ему такое дело не под силу, надо сообщить синдикату — вот и написал в Нью-Йорк: но только так зашифровал свое послание, что прямолинейные ребята Бучалтера решили убрать его на всякий случай. И пришлось кинуться в бега, а встречи с Багси он ищет давно, чтобы поведать ему эту странную историю.

Сигел, поразмыслив, понял, что самостоятельно Грини сочинить такой детектив вряд ли бы смог. Он тут же вручил гангстеру тысячу долларов на мелкие расходы и дал адрес надежного места, где следует ждать его дальнейших указаний. Сам же Багси поведал все графине, зная ее как человека делового и рассудительного. Графиня предложила продать секрет Муссолини, а в роли посредника мог выступить ее муж, *находившийся в Риме. Для уверенности в пустыне провели* еще один эксперимент — рвануло как надо: смесь назвали «атомит».

Все шло своим чередом: итальянцы прислали требуемый задаток — 40 тысяч долларов, и графиня с Сигелом отплыли в Италию, с собой взяли некоего Марино Белло, человека со связями и отчима голливудской кинозвезды Джин Харлоу, а также специалистов, с помощью которых проводили испытание. Уже по дороге в Европу бдительный Багси заподозрил в экспертах «русских агентов Сталина» (эта цитата из книги американского профессора, исследователя мафии Хэнка Мессика «Красотки и чудовища», увидевшей свет в 1973 году). Багси следил за спецами неотступно.

Переговоры с военным ведомством Муссолини в Риме прошли успешно. Сигел и Белло уже подумывали, лучше ли получить за секрет единовременное внушительное вознаграждение или согласиться на ежегодные выплаты, а граф и графиня ди Фрассо собирались прикупить еще один дворец в Венеции — до роскошной недвижимости были они большие охотники. Дело оставалось за малым — итальянцы хотели увидеть таинственную формулу в действии. На полигоне, однако, устройство не сработало: Сигел тут же поведал о своих подозрениях в отношении спецов и страстном желании прикончить их на месте. Военные пригласили ученых, те проверили и сказали, что вся формула — сплошной блеф. Неприятностей оказалось хоть отбавляй. У графа, за то, что решил обмануть дуче, *конфисковали единственный* (другой он так и не успел приобрести) дворец, хозяев и Багси, их гостя, выселили из него в 24 часа. На фестиваль в Венецию должны были как раз прибыть высокопоставленные особы — Геринг и Геббельс получали приз, которым был отмечен немецкий фильм. *Министров Гитлера встречали с помпой, а* разместить решили в палаццо незадачливого графа. Тот со своей участью смирился, а Багси Сигел рассвирепел от обиды. Он тут же позвонил в Нью-Йорк, чтобы выяснить у своих коллег имена местных мафиози, связаться с ними и... организовать убийство Муссолини. Из США «Ненормальному» (именно так переводится с английского его кличка «Багси») сообщили, что итальянская мафия прекратила борьбу с дуче еще в 1927 году: на убийство местные мафиози не пойдут. Если Багси хочет (и все это говорилось серьезно!), пусть сам разбирается. И Багси решил не отступать, а когда увидел самодовольные лица Геринга и Геббельса, входивших на правах новых хозяев в бывшее владение графа ди Фрассо, — *ничтоже сумняшеся добавил к списку смертников и их*. И, как знать, что случилось бы с лидерами итальянского и немецкого фашизма, не отговори Багси от опрометчивых действий

Джек Уорнер, кстати оказавшийся рядом, привезший на Венецианский фестиваль картину «Жизнь Эмиля Золя», но неожиданно ставший «автором сценария» и «продюсером» подлинной истории сохранения тандема Берлин — Рим и сразу трех жизней главарей фашизма.

Багси, несмотря на весь свой гангстерский профессионализм, был человеком импульсивным. В это время из Калифорнии пришла весть, которая усугубила ситуацию: лос-анджелесская полиция провела успешный рейд против казино на кораблях — конфисковали крупные суммы, уничтожили игорные автоматы. А тут еще этот позор с «атомитом». Если не фашисты, то уж ушлый Грини, втравивший его в такую историю, должен был за все ответить. Багси просил принять соответствующие меры, но Грини вновь успешно ушел в бега. А синдикат проявил к делу полнейшее равнодушие, экстраваганцы Сигела изрядно поднадоели. Но «Ненормальный» оставить такого пятна в своей безупречной биографии не мог — 11 ноября 1939 года он лично пристрелил «неуловимого» Грини; помогал ему в поисках и завершении акции профи из «треста убийц» по фамилии Танненбаум. Вскоре его арестовали — он заговорил, назвал имя Багси. И 16 августа 1940 года Сигел оказался в тюрьме — у графини случилась истерика. Она не знала, кому кинуться в ноги. Но дело решилось просто. На очередных выборах окружного прокурора в Лос-Анджелесе победил некто Джон Доквейлер, человек, в избирательную кампанию которого Багси предусмотрительно вложил кругленькую сумму. И благодарный чиновник снял с гангстера все обвинения «за недостаточностью улик». Потом, правда, под давлением общественности, возбудили против Сигела новое дело, но никого из свидетелей вскоре не оказалось в живых — тем и кончилось.

Рассказывая о том, с какой легкостью уходят гангстеры от наказания, говоря о практической неуязвимости организованных преступников в американском обществе, нельзя, наверное, не отметить один факт, на который, кстати, обращал внимание еще Роберт Кеннеди в бытность свою министром юстиции США. Выступая в 1963 году в сенате, он заявил, что физическая защита свидетелей, выступавших на процессах мафиози, предусматривает не только смену имени и адреса, но, во многих случаях, полное изменение внешности и даже выезд за пределы Соединенных Штатов. Такая процедура сохранена и по сию пору. Получается, что правительство и государственный аппарат самой могущественной капиталистической державы не в состоянии обеспечить защиту тех своих граждан, в чьей помощи они нуждаются в ходе борьбы с организованной преступностью. Даже самые изощренные усилия не дают полной гарантии, не позволяют избежать серьезной угрозы, а попросту — вызова, брошенного некогда (а теперь к такому и вовсе попривыкли) всей государственной машине определенной группой лиц, противостоящих закону и порядку.

9 февраля 1946 года Чарли «Лаки» Лучиано отплывал из Нью-Йорка в вынужденную ссылку. Репортерам, устремившимся на корабль, и близко к пирсу подойти не удалось. Их встретили пикеты портовиков с дубинками и крючьями: это сработал «босс» Альберт Анастазиа. Ничто не должно было мешать официальным проводам. На борт, едва лайнер двинулся в путь, специальными катерами прибыл цвет мафии, все коллеги Лучиано — от старого друга Меира Лански (настоящая фамилия — Сучовланский, родился в Гродно) до только входившего тогда в силу Карло Гамбино. Они собрались, чтобы выразить свое участие «вождю в изгнании» и подтвердить приверженность его делу. И каждый, помимо теплых слов, оставил Лучиано конверт с долларами: всего набралось, по воспоминаниям «босса боссов», около 200 тысяч — на первое время. Чуть позже к удаляющемуся от берегов Америки судну пристал катер береговой охраны и высадил на палубу мэра Нью-Йорка О'Дуайэра, и он не мог не сказать главе мафии последнего прости.

Деньги, власть — вот за что ведет постоянную борьбу мафия. Собственно, аналогичные цели преследуют и другие, вполне законные институты американского общества, а также, практически, каждый американец, действующий и живущий по законам капитализма. Разница лишь в том, что этические и моральные установки преступников, законы и традиции, которым они следуют, методы, к коим прибегают, все это хранится в строгой тайне, пребывает в атмосфере секретности — ею окружила свои деяния мафия. И главное и самое опасное в том, что большая часть этих деяний остается в США мало кем замеченной, почти безвестной (словно бы дело происходит не у них, а у нас — разве что всколыхнет общественность расхожий бестселлер, который удастся прочесть, да телесериал, вроде итальянского «Спрута», демонстрировавшегося по нашему телевидению). Несомненным фактом является то, что организованная преступность оказывает огромное влияние на жизнь миллионов американцев, но именно в силу традиции умолчания, с одной стороны, и беллетризирования подлинных фактов, с другой, большинство граждан США не ведают об этом влиянии (хотя могут исподволь ощущать его каждый день), не говоря уже о том, что понятия не имеют они — отчета себе не отдают — о масштабах такого явления.

Всего лишь один пример. Существует метод получения дополнительных доходов, который организованные преступники никогда не изобретали, он подразумевался в подобном бизнесе само собой — это неуплата налогов. Суммы, по ориентировочным подсчетам специалистов, — огромные, хотя невозможно установить их размеры с абсолютной достоверностью, добравшись до гроссбухов мафии. Если бы такое произошло и недоимки по суду взыскали, американские семьи могли прекратить выплачивать подоходные сборы, а цены на основные продукты питания были бы резко снижены. Что и говорить, размах финансовых операций впечатляет — налицо не просто противозаконная деятельность, но подрыв благосостояния целого народа. Полноте, скажет читатель, не смешите — нам бы такие проблемы, нам бы их благосостояние. Но все относительно в этом мире: хорошо, как известно, там, где нас нет. Институт мафии пустил корни не только в Америке, он процветает или развивается и в других странах. И, кто знает, не охватили ли его щупальцы уже всю землю.

А что касается Америки, то, помимо участия в кровавых столкновениях, междоусобицах, о которых мы рассказывали на страницах журнала, мафия вполне мирно проникала в политическую жизнь и легальный бизнес, скажем, в индустрию развлечений. При этом процесс этот выглядел достаточно невинно, вроде само собой такое разумелось — потому-то и страшно делается. Лучиано в своей «последней исповеди», походя, рассказывает о поддержке Рузвельта на выборах 1932 года, сетует на то, что забыл потом президент свои обещания, не выполнил обязательств перед мафией, поступив как гибкий политик и разумный администратор, решивший навести в стране порядок. Вспоминает «Счастливчик» и о том, что соперник президента на выборах и кандидаты от демократической партии Алфред Смит был прямолинейнее, обещал организованным преступникам не меньше и слово свое вполне мог бы сдержать (во всяком случае Смит искренне жалел, что не удалось ему привлечь на свою сторону Лучиано и его подручных). Но мафию неудача не обескуражила. Оставив затею иметь полностью своего человека в Белом доме, мафиози преуспели в конгрессе, в профсоюзах и даже в шоу-бизнесе. Жизнь многих обитателей театральных подмостков и экранов кино и телевидения тесно связана была (и остается в таком состоянии по сей день) с сильными мира преступности. Еще знаменитая Фэнни Брайс, великолепная актриса и певица, примадонна театров и ночных клубов, в начале века не раз выручала из беды и ждала из тюремного заключения обожаемого ею Жюля Арнштейна, картежного шулера и международного авантюриста. Арнштейн работал в тесном контакте с крупным аферистом, связанным с американским преступным миром, Арнольдом Ротштейном. До 1928 года (когда его пристрелили) Ротштейн с размахом осуществлял в Нью-Йорке всевозможные финансовые операции. Через два года после его кончины компания «Парамаунт» экранизировала биографию этого гангстера, дружившего со многими голливудскими дельцами и владевшего крупным пакетом акций фирмы «Леэвс», которая объединяла целую сеть кинотеатров: фильм получил название «Улица больших возможностей».

Интересна и другая судьба, и другой проект. В 50-е годы Фрэнк Синатра собирался делать картину о Джо Льюисе, известном эстрадном комике. В 1927 году Льюис осмелился ослушаться гангстеров и, покинув сцену одного ночного клуба, перешел в другой, где платили больше. И все бы ничего, но клубы принадлежали соперничевшим между собой группировкам Морана и Капоне — актеру перерезали горло. И сде-

лали это люди некоего Джека Макгурна по кличке «Пулемет», одного из подручных Аль Капоне. Макгурн работал в тесном контакте с другими профессионалами, братьями Фишетти, а Фрэнк Синатра не только хорошо знал их, но и числил среди своих близких друзей.

А кто не слышал о знаменитой Джин Харлоу, одной из наиболее популярных голливудских звезд 30-х годов, снимавшейся в гангстерских фильмах в ролях соблазнительниц («Тайная шестерка», «Враг общества», «Городской зверь»)? «Платиновая блондинка» (так называлась еще одна лента с ее участием) сумела выбраться под свет юпитеров лишь благодаря личной протекции матерого гангстера Эйба Звилмана. Это он ссудил полмиллиона долларов кинопромышленнику Гарри Кону, стремившемуся захватить контрольный пакет акций компании «Коламбиа пикчез». В обмен на эту услугу Харлоу получила постоянный контракт. А когда чуть позже взбунтовалась и решила самостоятельно устроить свою судьбу, Звилман лишь посмеялся над ее планами. Харлоу вышла замуж за некоего Пола Бернса, одного из помощников Ирвинга Талберга, могущественного администратора фирмы «Метро-Голдвин-Майер», обители почти всех крупных голливудских исполнителей. От коллеги по организованной преступности Меира Лански Звилман знал, что Бернс не только человек невзрачный (ниже Харлоу на голову), но и импотент. Знал и промолчал: и лишь когда Харлоу оказалась на грани того, чтобы стать посмешищем, когда карьера ее оказалась из-за такой «оплошности» под угрозой (дайте только подобную сенсацию в руки репортеров: «секрет семейной жизни голливудского секс-символа»), Звилман пришел на помощь: Бернса пристрелили, инсценировав самоубийство.

Гангстеры не только покровительствовали звездам экрана, они оказывали существенное влияние на всю работу Голливуда. В 30-е годы мафии удалось протащить на выборах президента Международного союза работников театра и кино США и Канады своего кандидата — Джорджа Брауна. Первым актом нового президента явилось назначение на должность специального представителя Союза с широкими полномочиями мафиозо Вилли Биоффа: без ведома этого человека не заключалось теперь в Голливуде практически ни одно соглашение. Кинопромышленники почувствовали твердую руку гангстеров. Уже в 1935 году продюсерам пришлось согласиться на новые условия Международного союза, отныне выступавшего в качестве посредника между работодателями и своими членами. Перед угрозой забастовок администраторы студий пошли на попятную, ибо знали, кто стоит за развернувшейся кампанией бойкота и шантажа. И все же Биофф, бывший сутенер, казался для Голливуда незначительной фигурой. Мафия давно решила захватить в Калифорнии обширные плацдармы для своих действий, но из-за постоянных междоусобиц всё руки не доходили. И вот, наконец, «совет» во главе с Лучиано принял решение и отрядил на западное побережье Багси Сигела. Его, впрочем, строго предупредили, что возникновения удельного княжества синдикат не потерпит. Багси, рвавшийся в Голливуд с его, как представлялось ему, сладкой жизнью и неограниченными возможностями, дабы получить назначение, представил довольно солидный план. Основные направления деятельности на западном побережье — предоставление разнообразных услуг представителям кинопромышленности: все, что хотите, от крупных сумм взаймы под проценты — на осуществление любых кинопроектов и деловых операций, до организации азартных игр, проституции, наркобизнеса. Багси правил преступным миром Лос-Анджелеса и «окрестностей» до 1947 года. Когда, достроив в Лас-Вегасе шикарное казино «Фламинго», одну из будущих «золотых шахт» мафии, Сигел попытался утаить от синдиката часть денег, его убрали. К тому же «совет» насторожило то обстоятельство, что Багси допустил распространение слухов о якобы существующем в Калифорнии тайном союзе «красных» с гангстерами. Люди Лански, Костелло, Адониса быстро нашли общий язык с местными властями и ультраправыми элементами. Ненужные бизнесу разговоры пресекли. Занимались этим, в частности, тот же Вилли Биофф из Международного союза работников театра и кино и Гас Гринбаум, взявший на себя заботу о лас-вегасском наследстве убиенного Багси Сигела. Биофф впоследствии угодил в тюрьму, а отсидев срок — осел в Аризоне под чужим именем и даже успел подружиться с сенатором Барри Голдуотером, будущим претендентом на пост президента на выборах 1964 года, представителем крайне правых сил. Крупные связи, впрочем, Биоффу не помогли: он взлетел на воздух вместе с собственным лимузином в ноябре 1955-го — припомнили ему кое-какие старые грехи (находясь под следствием назвал он некоторые имена мафиози), да и в новых условиях процветающего шоу-бизнеса перестали нуждаться в услугах оказавшегося не у дел «голливудского чиновника». А Гаса Гринбаума, человека мафии в игорном бизнесе, зарезали в собственной спальне вместе с женой в 1958-м.

Безжалостна мафия. И многолика. Организованные преступники — это тысячи людей, действующих в рамках структур, которые можно было бы сравнить с системой огромных многонациональных корпораций. При этом дикие законы, по которым живут эти люди, соблюдаются, однако, не в анархическом хаосе, а в рамках образцового хозяйства: правила и традиции мафии, фактически, невозможно обойти так, как это происходит каждодневно с конституционными положениями самого американского государства. Вся деятельность конгломерата организованной преступности носит строго упорядоченный характер, осуществляется на протяжении исторически длительного периода и имеет определенную цель — полный и абсолютный контроль во всех сферах бизнеса и политики.

Не составила исключения, а напротив предоставила мафии широкие возможности и индустрия развлечений. В начале века гангстеры были лишь потребителями: как и все, шли они в кино или ночные клубы, получали удовольствие, тешились. Став владельцами кинотеатров и казино, — совмещали полезное с приятным. А затем завладели (вернее, стали совладельцами, урегулировав свои отношения с легальным бизнесом) и всем шоу-производством. Голливудских звезд они, как и магнаты кинопромышленности, получили вместе с контрольным пакетом акций. С расцветом Лас-Вегаса (а теперь еще и Атлантик-сити и других злачных мест) имена знаменитостей, от кумиров недалекого прошлого (Элвис Пресли, Перри Комо, Энди Уильямс, Джонни Карсон) и идолов сегодняшнего дня (Майкл Джексон, Род Стюарт и многие другие), не сходили и не сходят с переливающихся всеми цветами радуги рекламных щитов городов развлечений. В дело, ведущееся с размахом, вовлечена масса людей. Только в Лас-Вегасе уже в 70-е годы насчитывалось 300 тысяч постоянных жителей, обслуживавших нужды индустрии игорного и шоу-бизнеса: 18 миллионов туристов в год. Связи между промышленностью развлечений и мафией год от года крепли, цементировались, узы общего дела становились неразрывными. Сотни тому примеров. Некто Сидни Коршак, известный адвокат, обслуживавший нужды мафиози, принимал горячее участие в устройстве карьер таких знаменитостей, как Барбра Стрейзанд, Дебби Рейнольдс, Дайна Шо, Джилл Сент-Джон. Выходец из России (его родители бежали после революции в Турцию, а затем перебрались в США), Серж Семененко, человек с Гарвардским образованием, которого называли «банком в банке» и «финансовым доктором индустрии развлечений», проворачивал миллионные операции на бирже, скупая и продавая акции кинокомпаний, в тесном сотрудничестве с Луисом Чеслером, помощником Меира Лански, одного из отцов-основателей преступного синдиката.

Знаменитый актер Джордж Рафт, вводивший в свое время своего друга Багси Сигела в светские салоны Голливуда, на старости лет оказался под судом и следствием за неуплату налогов. Чтобы выручить его, мафии пришлось убрать некоего Бенджамина Берковица, знавшего о незаконных операциях в игорных заведениях, частью акций которых владел Рафт. Семидесятилетний актер не смог сдержать слез умиления, когда судья, за недостаточностью улик и отсутствием свидетелей, подверг его лишь формальному штрафу. Поздравляли друзья, все звезды, — Ред Скелтон, Боб Хоуп, Люсиль Бол. А Рафт, поблагодарив их, сказал, что больше всех все-таки признателен Фрэнку Синатра, который громогласно заявил, что обязательно выручит коллегу из беды. Рафт, которого впоследствии вышлют даже из Англии как «нежелательного иностранца», лишь совсем в преклонные лета облачится в полосатую тюремную одежду, чтобы... предстать перед зрителями в рекламе «лекарственного препарата «альказельцер», облегчающего желудки и душевные страдания даже за решеткой».

Знаменитый Джо Шенк (еще один выходец из Рос-

сии — город Рыбинск), продюсер, удостоенный в 1952 году специального «Оскара», престижного приза американской киноакадемии, «за выдающиеся заслуги перед кинопромышленностью», имел обширные связи в преступном мире. Но попался на неуплате налогов, в ходе следствия рассказал о своих контактах с Биоффом, упоминавшимся деятелем Международного союза работников театра и кино. Это, в свою очередь (потянулась цепочка), вызвало арест мафиозо Джонни Розелли, женившегося на актрисе и ставшего в Голливуде специалистом по вопросам трудовых отношений, и Фрэнка Нитти по прозвищу «Принудитель», одного из «лейтенантов» Аль Капоне. Дальше этого процесс не пошел: Нитти в тюрьме покончил жизнь самоубийством, Розелли упорно молчал, и через 3 года мафия вызволила его из заключения (с ним покончат в 1976-м; он исчезнет бесследно и лишь несколько месяцев спустя рыбаки выудят из океана опутанную цепями бочку с его трупом). А Джо Шенк, хоть мафиози и решили его не трогать, все свои кредиты в Голливуде растеряет: отношения с ним поддерживать перестанут, с этим деловым человеком будет покончено.

Как же так, спросите вы, читатель, — выходит, что в США все одним миром мазаны, и мир этот — организованная преступность. Не совсем, конечно, так, но «жить на облаке» в этой стране (да разве в других иначе!) представляется весьма затруднительным занятием. И есть здесь один немаловажный момент, нюанс, который ярко иллюстрирует реальное положение вещей: преступник считается вполне *респектабельной* фигурой. Он не получает, как случается у нас, персональной пенсии, но посмотрите — образ жизни, который ведет любой «босс» мафии, мало чем отличается от образа жизни крупного, преуспевающего бизнесмена. Резеденция «босса» обязательно находится в одном из фешенебельных районов. Обедает он в модных дорогих ресторанах, нередко в компании судей, адвокатов, других должностных лиц или коллег-бизнесменов. По уикендам играет в гольф на зеленых газонах частных клубов, двери которых распахиваются перед немногими. Иначе говоря, хотя каждый знает, что перед ним — преступник, человек этот не только находится на свободе и занимается «любимым делом», но имеет все основания считать себя выше закона, полагать суперменом, которому дозволено все. Интервью с ним добиваются репортеры центральных газет, обыватель знает его по фотографиям в прессе (а не как в былые времена — по объявлениям о розыске и денежном вознаграждении за доставку живым или мертвым, где-нибудь на умиляющем своей наивностью «диком ковбойском Западе»). В общем большинство американцев считают такого типа энергичным деловым человеком. И стало быть сложившийся стереотип как бы подталкивает американца к тому, чтобы он уважительно и с почтением относился к подобной сильной личности. Фактор, казалось бы, незначительный, но он лежит в основе философии, которая позволяет преступным картелям безнаказанно существовать и процветать.

Суть деловой активности организованной преступности — на поверхности — заключается в предоставлении незаконных услуг и товаров многочисленным американским потребителям. Но, помимо этого, мафия, как мы говорили, глубоко проникла также во вполне легальный бизнес, в профсоюзное движение, в другие общественные институты Америки. И необходимо отметить, что в этих легальных видах деятельности методы, используемые мафиози, естественно, нелегальны. В ход идут шантаж, вымогательство, убийство. Особую статью составляют действия по уклонению от надлежащей уплаты налогов. Иначе говоря, на вполне легальной почве строится здание запрещенной конструкции. В этих целях организованная преступность широко использует всякого рода взятки, подкуп официальных должностных лиц.

Было бы не совсем верно утверждать, что мафия оказывает прямое, непосредственное и пагубное влияние на благосостояние отдельных американцев, дело далеко не так просто. Большая часть доходов современных гангстеров складывается из мелких, можно сказать грошовых поступлений. Среди статей дохода — всевозможные пари, заключаемые на спортивных состязаниях («спорт-лото», если хотите), содержимое игральных автоматов, собирающих, как в копилку, 25-центовые монеты, и т. п. Даже рэкет, к которому мафия прибегает, — это не столь крупная, скажем по сравнению с наркобизнесом, статья. К деятельности организованной преступности относятся и такие операции, которые, на первый взгляд, вроде бы вообще большого значения не имеют. Контрабандные сигареты, например, обходятся потребителю не дороже обыкновенных. Более того, когда это выгодно, «боссы» мафии начинают настоящую экономическую войну против табачного бизнеса, снижая цены на контрабанду: получается, что потребитель вроде бы даже выигрывает от такой вполне нормальной рыночной ситуации. Но не будем забывать, в чью казну идут все эти поступления. Вот, по аналогии, и другой пример «безобидной» деятельности мафии. Из пенсионного фонда какого-либо профсоюза крупная сумма денег может быть выделена для финансирования любого делового предприятия, о чем члены этого фонда даже и знать не будут. Капитал, совершив оборот, обеспечит «боссам» новые прибыли, а люди, на чьи средства совершаются подобные авантюры, по-прежнему будут оставаться в счастливом неведении.

В руках мафии сосредоточиваются огромные средства. И этот факт имеет, вне всякого сомнения, решающее значение. 25-центовая монетка, оставшаяся в игральном автомате, погоды не делает, но миллионы таких монет, оставленные в сотнях тысяч автоматов, — это уже солидное основание для того, чтобы пойти на убийство, любое другое преступление, лишь бы обеспечить нескончаемый поток поступлений. В сущности организованная преступность и существует в силу того факта, что власть, которой она обладает, покупается. Миллиарды долларов позволяют мафии держать в руках жизнь людей и контролировать экономику. Появляется возможность влиять на ценообразование, спекулировать на бирже, определять уставы крупных профсоюзов, контролируя их верхушку, оказывать влияние на различные деловые группировки. Эти деньги, конечно, могут идти также на подкуп продажных лиц, включая американские правовые органы, судебные инстанции, имеющие власть отправить человека на скамью подсудимых, упрятать за решетку или даже лишить жизни. Те же купленные должностные лица могут помочь избежать уплаты налогов, обеспечить выгодный контракт и т. д.

Принимая все сказанное во внимание, берусь утверждать, что цель мафии не в том, чтобы соперничать с американским правительством, например, или тем же военно-промышленным комплексом, а в том, чтобы, существуя в рамках капиталистической системы, свободного предпринимательства, свести на нет слабые усилия по ограничению ее деятельности и пользоваться безнаказанностью. Ведь если мафия имеет своего человека на той или иной должности, она, а не правительство, контролирует его действия. И если взятку берет, скажем, тот же полицейский или чиновник, то таким образом аннулируется и надлежащая система поддержания правопорядка. Много можно теоретизировать по этому поводу, но сильнее аналитических исследований, как мне представляется, действуют факты из окружающей повседневной жизни. Когда абстрактные категории превращаются в человеческие судьбы, отсчет идет в системе других — реальных и зримых — координат.

Расскажу одну быль, ставшую легендой; попробую показать, как безжалостен мир насилия, коррупции и бездушия по отношению к живым существам, попавшим в его орбиту. Голливудская цветная карусель, «аттракционы» мафии — это не парк Диснея или галереи ужасов, это представление с «актерами», взаправду «весело» умирающими на сцене под улюлюканье или восторги толпы. И этот канкан в морге не останавливается ни на минуту. Упоминавшемуся продюсеру Джо Шенку было 69, когда он, еще вполне крепкий мужчина, узрел из окна своего лимузина спешащую куда-то девушку. Приказал шоферу остановить авто, предложил подвезти. Выяснил, что работает прекрасная незнакомка на студии «20-й век — Фокс» (74 доллара в неделю — невольно сбережешь фигуру). Начинающая киноактриса Норма Джин Бейкер абсолютно была уверена в том, что мать, назвавшая ее в честь голливудской знаменитости Нормы Талмэдж (кстати, первой жены Джо Шенка), определила ее жизненный путь. Лишь за несколько дней до этой случайной встречи стали пробовать Норму Джин в кино — только что придумали вполне звучный актерский псевдоним: Мэрилин Монро.

Судьба до того момента складывалась по-разному. Легко вышла замуж в 16 лет. Потом осталась одна. Блондинка с голубыми глазами и умопомрачительной фигурой, словно сошедшая с рекламных проспектов, она поражала жизнерадост-

ной чувственностью. Джин Харлоу, кумир Голливуда и... мафии, скончавшаяся в 1937-м, была полна коварных темных страстей и предрекала трагедию — Мэрилин Монро излучала свет и обещала веселый праздник. Шенк это понял сразу, но щедротами не осыпал, действовал не спеша: для начала поговорил с Гарри Коном — и тот устроил Мэрилин шестимесячный контракт с «Коламбиа пикчез». Затем первая роль — некоторым голливудским эстетам актриса показалась «непрофессиональной толстушкой», а многоопытный Гарри Кон, кинопромышленник от бога, оказавший старому приятелю услугу, даже поспорил с ним на доллар, что проку от «новичка» не будет. Сама Мэрилин перемены в жизни воспринимала с непосредственным восторгом, но держала дистанцию: заигрывания Кона отвергла сразу, ухаживания Шенка принимала, а увлечена была Фрэнком Синатра.

У Альберта Фрэнсиса Синатра, в прошлом школьника-недоучки, от голоса которого млели одноклассницы, а потом сходили с ума и зрелые дамы, в 1947 году были серьезные неприятности. В феврале он посетил Гавану, где на некоторое время осел изгнанный из Соединенных Штатов глава преступного синдиката сам Лаки Лучиано. В это время на Кубу, на поклон к «Счастливчику», приезжали многие, кто искал расположения «босса»: Синатра прибыл в сопровождении братьев Фишетти из клана Капоне. Появляться в открытую с гангстерами он давно не боялся, к обычной газетной шумихе по этому поводу привык и небезосновательно считал ее безобидной. Беспокоило другое: с чей-то дурной подачи им занялась комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. А вот уж это в планы настоящего шоумена, каким он себя считал, никак не входило: сплошные убытки — вдруг окрестят его «красным», что скажут тогда многочисленные поклонники-патриоты. Лучиано выслушал — обещал помочь.

В Голливуде, меж тем, Гарри Кон безуспешно штурмовавший неприступную Мэрилин, хотел было уже поступить с ней по всей строгости и разорвать контракт, но смущало одно обстоятельство. Монро, устав от приставаний кинобосса, прямо заявила ему, что у нее роман с Фрэнком Синатра. И теперь это заявление останавливало «короля» Голливуда: он хорошо знал о контактах этого итальянца с людьми из самых высших эшелонов мафии, знал и боялся — ведь все в этом мире непрочно и странно. Парадокс ситуации, впрочем, заключался в том, что сам Синатра смотрел на связь с Монро проще — очередное увлечение. К тому же в последнее время он предпочитал общество известной уже всему киномиру актрисы (не чета начинающей Мэрилин) Авы Гарднер. Да и своих забот вполне хватало: популярность его неожиданно резко упала — многое приходилось начинать сначала, подключать и внеголливудские связи.

А карьера Мэрилин пошла в гору: количество ролей, пусть одноплановых, множилось, сфотографировалась обнаженной для иллюстрированного календаря — и получила-то всего ничего, но реклама была — на миллион. Кроме того, ею занялся Джонни Хайд, вице-президент агентства Уильяма Морриса, престижного голливудского заведения по продаже талантов. Хайд был от своей протеже без ума. К концу 1950-го, после успеха вышедших на экраны картин с ее участием «Асфальтовые джунгли» и «Все о Еве», Монро узнала вся Америка.

Синатра развелся и тут же женился на Аве Гарднер — она уступила. Медовый месяц проводили сначала в Майами, в отеле, принадлежавшем мафиози, затем отправились в Гавану — там было много знакомых, в том числе организованных преступников. Следовало, меж развлечениями, кое о чем посоветоваться: карьера по-прежнему стояла на месте и не удавалось никак осуществить проект, который, уверен был Синатра, давал шанс на громкий успех. Давно хотел реализовать мечту, удовлетворить творческое желание и сыграть в фильме по широко известному роману Джеймса Джонса «Отныне и вовек». Но загвоздка была в том, что права на экранизацию купила «Коламбиа пикчез», а там правил Кон, который не забыл ему Мэрилин Монро. И все же «боссам» синдиката, попросившим Кона сделать им такое одолжение и пригласить Синатра участвовать в картине, отказать он не смог: не ведут себя столь неразумно в подобных ситуациях. И получил Синатра желаемое, и не обмануло его чутье профессионала: стал обладателем приза «Оскар», и открылась новая карьера, и запел лучше прежнего, и исчезла депрессия, и отпала нужда в услугах агента из фирмы Морриса некоего Джорджа Вуда, которого мафиози специально отрядили присматривать за своим любимцем — мало ли в меланхолическом трансе натворит каких-либо глупостей.

Мэрилин, тем временем, купалась в лучах славы. Подписала семилетний контракт с компанией «20-й век — Фокс» — как раз незадолго до смерти Джонни Хайда, с которым в общем была счастлива. Но из его дома ее, невенчанную, попросили родственники. Вскоре познакомилась с известным игроком в американский футбол Джо Димаджио — в январе 1954-го они поженились: из-за этого отказалась сниматься в очередной ленте с участием Фрэнка Синатра. Димаджио, бесхитростный парень, ужасно ревновал, особенно к тому, как преподносили его жену с экранов. Сам он Голливуд недолюбливал, а к мафии вообще относился нетерпимо — однажды даже отверг выгодное предложение самого Альберта Анастазия. Брак со спортсменом, впрочем, продолжался недолго. В 1956 году Мэрилин вышла замуж за знаменитого писателя Артура Миллера. Круг знакомых сменился, но в среде интеллектуалов не всегда она чувствовала себя легко и непринужденно. Через четыре года и этот брак кончился разводом.

Синатра был на седьмом небе — он достиг пика популярности, и золотой дождь не прекращался: ему поклонялись и осыпали милостями. Да и сам он чувствовал себя «принцем» — щедро дарил друзьям свое расположение и подарки, оказывал услуги. Среди других, помог негритянскому певцу Сэмми Дэвису: Гарри Кон угрожал ему чуть ли не «линчем», как же — осмелился ухаживать за белой Ким Новак. И очень сдружился Синатра с Дином Мартином (Дином Полом Крочетти), талантливым и обаятельным актером, уроженцем маленького городка Стенбенвилля (штат Огайо), известного не только тем, что тамошняя мафия неплохо знала свое дело, но и тем, что в Лас-Вегасе работало более 300 крупье и других профессионалов игорного дела, вышедших из этой местности.

Мэрилин Монро за этой статистикой не следила. Лас-Вегас для нее, как и другие аттракционы развлечений, был местом работы. Накапливалась усталость. Вскоре угодила в клинику — переутомление, депрессия.

Синатра был занят в предвыборной кампании Джона Кеннеди, принимал активное участие в различных мероприятиях, благотворительных концертах. Близко сошелся с братом будущего президента — Робертом. После победы на выборах контакты эти, однако, совсем прекратились. Поначалу Синатра недоумевал, потом обижался, затем винил во всем супругу президента Жаклин, которая его недолюбливала. Но дело было в другом: осторожность проявлял Роберт Кеннеди, ставший в новой администрации министром юстиции. О тесных связях мафиози с профсоюзами и Голливудом узнал он еще когда работал в специальной комиссии по расследованию деятельности Джимми Хоффы, руководителя многомиллионного профобъединения, именуемого «международным братством», куда, помимо водителей грузовых автомашин, составляющих более половины членов, входят также полицейские, муниципальные служащие и некоторые другие категории трудящихся Америки. (В 1964-м Хоффу приговорят к 13 годам тюремного заключения, а потом, когда освободят досрочно, уберет его мафия, чьи интересы он так рьяно представлял, — случится это в 1975-м.) Сразу после своего назначения Роберт Кеннеди решил начать нешуточную борьбу с организованной преступностью: именно по его инициативе был создан мощный координационный центр действий, направленных против мафии. На вооружение сотрудников тогда же были взяты подслушивающие устройства. Результатом одного такого «сеанса» стала запись деловой беседы чикагского «босса» Сэма Джианканы, где он упомянул в разговоре, что синдикат пытается выйти на «ирландскую политическую мафию» (имелся в виду клан Кеннеди) с помощью Фрэнка Синатра. Джианкане, имевшему, ко всему прочему, обширные связи с Центральным разведывательным управлением США, подобную оплошность так и не забудут, а самого его то ли мафия, то ли ЦРУ прикончат в 1975-м.

Такая информация не могла не затронуть профессиональные интересы Роберта Кеннеди. Он предложил сотрудникам своего аппарата завести на актера досье и взглянуть на сладкоголосого певца не только из зрительного зала. Вопросов, собственно, было два: находится ли Фрэнк Синатра под полным контролем мафии и, если это так, то с какой целью нужно было ему близко сойтись с семейством Кеннеди. Итак — мафия и Синатра: отдельные моменты этого обоюдовыгодного альянса были очевидны. Синдикат использует

Синатра для вложения крупных средств в легальный бизнес, для «отмывания» незаконных поступлений, а, кроме того, учитывая великую его популярность, — для привлечения американцев в отели, ночные клубы, концертные залы, казино, принадлежащие мафии. И понятно в общем, почему сам Синатра, преклоняющийся перед богатством и властью, тянется к гангстерам, своим друзьям и покровителям. Но коли так, то для клана Кеннеди он — опасный человек: если бы не подслушанный разговор, он мог втереться в доверие, исподволь оказывать влияние, просить о «личных одолжениях», собирать важную для мафии информацию (как еще будет это в администрациях Никсона и Рейгана) и, быть может, даже открыто шантажировать. Ну что ж, в логике братьям Кеннеди не откажешь.

Но Синатра узнал о проводимом расследовании, о собиравшихся на него материалах. Глубоко уязвленный, он возненавидел Роберта Кеннеди. К тому же, как оказалось, не только у него были на то веские основания: с таким серьезным противником мафия до этого не сталкивалась — ни гроза преступников, следователь по особым делам Томас Дьюи, ни Эдгар Гувер, руководитель ФБР, не шли с Кеннеди ни в какое сравнение. Немаловажным являлось и то, что миллионера Кеннеди невозможно было купить. Оставался только шантаж.

Как раз в это время на праздновании дня рождения своего брата-президента Роберт Кеннеди познакомился с Мэрилин. Шел 1962 год, и в огромном нью-йоркском Мэдисон-сквергардене, где проходил гала-концерт, Монро непередаваемо, излучая женственность, секс и демонстрируя настоящий «голливудский класс», спела традиционную песенку «С днем рождения», прибавив к знакомым словам обращение «г-н президент». Зал, заполненный отнюдь не простолюдинами, просто взревел от восторга, это был настоящий триумф. Жаклин Кеннеди искоса поглядывала на мужа, а он открыто улыбался и шутил, что после такого сладкого поздравления можно подумать и о том, как поскорее отойти от государственных дел. Этот эпизод, записанный на пленку, до сих пор смотрится захватывающе.

Потом жизнь пошла вроде своим чередом. Синатра, с которым Мэрилин продолжала оставаться в прекрасных отношениях, подарил ей пуделя. Она назвала его «Маф» — сокращенно от «мафия». С Дином Мартином снималась в забавной комедии: в одной из сцен обнаженной купалась в бассейне — за эти снимки журнал «Лайф» выложил удачливому фотографу 10 тысяч долларов. А между тем ей было уже 36, но фигуру демонстрировать не стеснялась... Роман с Робертом Кеннеди спутал все карты, он ворвался в ее жизнь на самом переломном этапе. Кеннеди зачастил в Лос-Анджелес: формальный предлог у него был — вел переговоры об экранизации своей книги «Внутренний враг», вышедшей еще в 1960 году и сразу ставшей бестселлером. (В работе этой, между прочим, утверждалось, что самую серьезную опасность в стране представляет как раз организованная преступность, а вовсе не «красные и им сочувствующие».) Проект экранизации обретал зримые черты: сценарий писал Бад Шульберг, продюсером был готов стать Джерри Волд, который, кстати, сделал с Монро два фильма. Виделись Роберт с Мэрилин во время его вояжейназападное побережье практически каждый день. И каждый раз Кеннеди отчетливо понимал, как многим рискует. Ведь будущего у этого романа быть не могло. У него семья, политическая карьера, далеко идущие планы (о президентстве тогда еще, правда, речи не было — все амбиции связывались с именем брата Джона). И Роберт, конечно, не предполагал, что она, так деликатно относившаяся к его предосторожностям, не стала скрывать их связь от старого друга Фрэнка Синатра.

Ситуация складывалась просто детективная, и все было как в кино. Люди Роберта Кеннеди из специального подразделения по борьбе с организованной преступностью, встречая яростное сопротивление, упорно продвигались, тем не менее, вперед и заметно преуспели и по части разоблачения махинаций мафии в игорном бизнесе, и в работе с коррумпированными лидерами профдвижения. Удары наносились весьма ощутимые, и «боссы» пока не знали, что предпринять. И в то же время министр юстиции встречался со своей знаменитой любовницей в одном из отелей курортного местечка Лейк Тахо, в нижнем этаже которого находилось казино, контролируемое мафией. Авантюризма брату президента было, видимо, не занимать.

Однажды, когда они расстались в очередной раз (Кеннеди спешил в Вашингтон), у Мэрилин случился приступ: страхи, что Кеннеди покидает ее навсегда, усилились — после истерики наглоталась таблеток снотворного, откачали ее чудом. Может быть, именно тогда и созрел у мафиози план, как скомпрометировать энергичного министра юстиции и покончить с ним политически. Все это, конечно, недоказуемо, но факты говорят о многом и помогают выстроить логическую цепочку. Мэрилин Монро, полагали профессионалы, вполне может стать ключевым участником заговора, даже не догадываясь об этом. Рассчитывали на то, что Мэрилин, дабы удержать Роберта при себе подольше, даже заманить к себе, готова будет на все. А прислугу в доме, ее адвоката, врача купить, конечно, не составляет большого труда, да и потом с ними никогда не поздно разобраться — будут молчать.

Но что же в действительности произошло в тот вечер 4 августа 1962 года? Может быть, неуравновешенная и взбалмошная голливудская звезда отравилась в минуту отчаяния — таких примеров достаточно в индустрии развлечений. Может быть, она просто — по рассеянности — не рассчитала дозу снотворного, без которого не привыкла обходиться. А может быть, и был коварный план, но только заговорщики недооценили профессионального политика и умудренного вашингтонского чиновника, которому история отвела особое место в летописи американского общества.

Накануне она была весела и бодра. Только что согласилась сниматься в фильме «Растет в Бруклине дерево», сценарий ей пришелся по душе, к тому же среди исполнителей — старые знакомые: Ширли Маклейн, Дин Мартин и Синатра. 3 августа она договорилась с продюсером о плане работы. Потом позвонил Роберт и назначил встречу в Лос-Анджелесе — на ужине у четы Лоуфордов, его родственников. Днем она гуляла перед домом, играла с пуделем Мафом. Кеннеди позвонил еще раз — напомнил о встрече, он уже прилетел. Она вновь сказала «да», но не стала собираться, а лежала в спальне, слушала пластинки Синатра и пила таблетки — это подтверждает экономка. Шло время — вновь раздался телефонный звонок, но она, словно помня заученную роль и боясь подвести «режиссера», уже в полузабытьи звала Роберта к себе, говорила, что не может жить без него, что умирает, что ей плохо и что она умрет, если он не придет.

Кеннеди не явился. По его просьбе Питер Лоуфорд позвонил своему менеджеру Милтону Эббинсу и предложил вместе поехать к Мэрилин. Эббинс счел разумным сначала связаться с адвокатом Монро Мики Рудиным. Тот в свою очередь дал знать доктору. Доктор понадеялся на экономку: она ответила, что все нормально — свет в спальне горит, музыка играет. Все успокоились. Мафия просчиталась — и Мэрилин Монро, кинозвезда мировой величины, скончалась в полном одиночестве, уже, вероятно, не отдавая себе отчет в том, что с нею происходит. Смерть наступила, как установила экспертиза, между десятью вечера и часом ночи. Обнаружили труп под утро. Странно (но почти пророчески) прозвучало заключение врачей — «возможно самоубийство».

Она умерла. Ее больше не было. И все, что мучило раньше, ушло. Остались в сумбурном прошлом роли и трагедии, которые играла и переживала. Из семьи — никого. Похороны организовывал Джо Димаджио, хотя не был ни ее последним мужем, ни даже последним любовником. Но, как казалось окружающим, он многое знал о тайнах Мэрилин, ее сомнениях и страхах. Во всяком случае на похороны пригласил только 35 человек — демонстративно не просил проститься с ней ни Синатра, ни Дина Мартина, ни чету Лоуфордов. Мэрилин скромно и торжественно лежала в зеленом саване, с розами в руках. У могилы рождалась легенда. А эпитафией могли служить собственные незатейливые стихи Нормы Джин Бейкер, превратившейся в Мэрилин Монро:

Помогите же, помогите:
Эхо гулкое — скорбная весть,

Придавила жизнь — я в ответе:
И нельзя мне не умереть...

М. РАЦ,
профессор

КНИЖНЫЙ СКЛАД НА ДОМУ. ПОЧЕМУ?

помидор
Платонов
Яблоко
Гофман
Светоний
Достоевский
Маркес
Шекспир
Гоголь
Смородина
По
Пушкин
Вишня без косточки
Абрикос
Карамзин
Вишня с косточкой
Гомер
Данте

Цель наша при составлении нашей скромной библиотеки не в том, чтобы через нее выйти в ученые или тем паче в судии над миром, а единственно в том, чтобы отыскать доступные нам врата святилища духа. Так пусть каждый начинает с того, что ему понятно и дорого!
(Г. ГЕССЕ)

Мы все чаще говорим о «культуре чтения», о «культуре книжного собирательства». Не странно ли? На первый взгляд, чтение и уж тем паче собирание книг — самое, что ни на есть «культурное» занятие. Еще Твардовский писал о «читателях-собирателях» как о приобретении нашей культуры. Но все это — только на первый взгляд, и интерес наш к этой теме не случаен. «Безусловно, — *считает ленинградец А.* Матышев, — эта острая и больная тема должна, наконец, стать объектом пристального и честного рассмотрения». Еще 3—4 года назад это было бы невозможно, но сейчас такому анализу мешаем только мы сами: в рамках сложившихся у нас стереотипов мышления эту тему обсуждать бесполезно, ибо подлинное ее содержание лежит «по ту сторону» «массового движения книголюбов», «приобщения к сокровищам мировой культуры» и т. п.»

Чтобы выйти за эти рамки я воспользуюсь старинной формой «беседы».

У меня под рукой несколько читательских писем, выдержки из которых я буду приводить, а также цитаты из публикаций по нашей теме. В «беседе» участвуют и два вымышленных собеседника: **(У)** — хочет дальнейшего совершенствования сложившейся системы собирательства, **(Н)** — *намерен ее ломать* и перестраивать.

У. — Весь мир признает нас самой читающей страной, 18 миллионов членов ВОК, 11 миллионов подписчиков на Пушкина — какая страна может похвалиться таким массовым движением книголюбов? Пресловутый книжный дефицит, конечно, мешает нормальному собирательству, *но, судя по всему, мы* его скоро преодолеем. Обнадеживает наметившаяся обратная связь покупателей с издательствами. Еще бы навести порядок с библиотечным обслуживанием, но это вроде бы получится само собой в результате улучшения издательской политики.

Г. Гершензон (Москва). — Огромный, ни с чем не сравнимый рост читательских кадров, о котором писал Твардовский, *не встретил адекватного* совершенствования библиотечного обслуживания. Очевидно, поэтому привычка идти в библиотеку за книгой просто для чтения осталась преимущественно у пенсионеров. Создается впечатление, что скоро ее придется внести в «Красную книгу добрых пережитков».

А. Матышев (Ленинград). — Несмотря

на явные признаки снижения книжного бума, он еще весьма силен, а порожденные им проблемы очень далеки от своего разрешения... При устранении дефицитности книги исчезнет и факт престижности обладания ею.

Может быть, тогда станет вновь «престижнее» читать, а не иметь. И в первую очередь для молодежи, потому что этого уже трудно ожидать от нынешнего, вполне сложившегося поколения участников книжного бума.

Н. — Все это правильно по-своему. Но заметьте, что ведя разговор таким образом, мы выхода из тупика не можем найти в принципе.

У. — Это почему же?

Н. — А потому что разговор идет не вглубь, а вширь...

П. Кравченко (Стаханов Ворошиловградской обл.). — Тут смешиваются разные вещи: «читательство» и собирательство... Но даже к словам замечательного поэта надо подходить исторически. То, что было осмысленно и полезно 20 лет назад, сейчас звучит архаизмом, а с точки зрения работы ВОКа просто бессмысленно.

Различать читателя и собирателя сегодня не «интеллектуальный снобизм» — а жизненная необходимость...

Вопрос о культуре книжного собирательства, на мой взгляд, равно актуален и для начинающих собирателей, и для многих библиофилов: болезнь у всех одна — отсутствие собственной четкой программы...

Не стоило бы смешивать собирательство с издательской политикой. Нет слов, книгоиздание — важнейший фактор нашей культурной жизни, но к делу-то (то бишь к теме дискуссии) оно просто не имеет отношения. Собирательство может быть культурным при «некультурной» издательской политике и наоборот — с равным успехом.

У. — Но все это взаимосвязано, и механически разрывать целостную систему или «сферу книги» нельзя.

Н. — Вы мне напомнили «основной закон» экологии, гласящий, что «все в мире связано со всем». Но такие законы годятся только для плохих диссертаций и хороших анекдотов. А разрывать между прочим ничего не надо. Надо различать. Иначе разговор оказывается бесполезным и беспредметным. О чем мы будем говорить? О культуре чтения, издательской политики или собирательства — это же все разные вещи. Я считаю собирательство особым типом мышления и деятельности.

А. Толстяков (Москва). — Очевидно, в каждой личной библиотеке должна быть общекультурная основа: классика... популярные справочники... книга полезных советов, кулинарная книга и т. п.

А. Романов (Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области). — Говорят, человек уникален, его внутренний мир неповторим. Как же можно окружать его стереотипной библиотекой?.. Держать классику на книжной полке, не будучи уверенным, что будешь перечитывать, бессмысленно: ее всегда можно взять в библиотеке... Читал Шекспира, но — что поделать! — не испытываю восторга. Однако я в этом не одинок. Л. Толстой тоже... Или он недостаточно культурен?!

П. Кравченко. — Мне не кажется очевидным, что «в каждой личной библиотеке должна быть общекультурная основа», да еще и в конкретной реализации, которую предлагает А. Толстяков: не только что рецепт, но и со способом употребления на все случаи жизни! Такая основа должна быть в общедоступной районной (школьной, сельской и т. п.) библиотеке, а держать в доме кулинарные книги — дело, на мой взгляд, сугубо факультативное.

У. — По-моему, вы перегибаете палку. Существуют же сокровища мировой культуры. Существуют сочинения Шекспира, Пушкина, Толстого, а что кому нравится или не нравится — так это его личное дело. Мы же должны спорить в принципе!

Н. — Вот мы, наконец, дошли до принципов.

У. — А что вы мне в принципе можете возразить, интересно?

Н. — То, что в рамках нашей темы вся соль заключается именно в этом личном нравится — не нравится, в том, «кто что собирает», а не в Шекспире и Пушкине. Что бы вы ни собирали, Аристотеля или Конан-Дойля, важно, чтобы ваша собирательская деятельность видоизменяла вашу шкалу ценностей, жизненные цели и, в том числе... программу собирательства. Иными словами, осмысленность собирательства в его обратном влиянии на духовный мир собирателя. Если такое «зацепление» происходит, то начинается духовное движение, а это, на мой взгляд, самое главное: лучше двигаться с ошибками, чем безошибочно стоять на месте. Вообще не худо освежить в памяти работы А. Грамши и недавно изданные труды М. М. Бахтина двадцатых годов.

У. — Авторитетами давите?

Н. — Нет, просто не хочу быть плагиатором, с одной стороны, и не могу упростить их достаточно сложные соображения, с другой. Суть дела (и нашего разговора, в том числе) сводится к тому, что под культурой в плохой традиции и (извините!) в вашем тезисе понимаются пресловутые «сокровища», хотя и созданные людьми, но существующие объективно. Спрашивается, где же они таким образом (вне зависимости от нашего мышления и деятельности) «существуют»?

У.— То есть как где? Да в любой библиотеке!

Н.— Этого ответа я и ждал. У вас «культура» как жаркое в холодильнике: «духовная пища». Функцией культуры является воспроизводство деятельности — любой и всяческой, писательской и собирательской, в частности. И эта функция обеспечивается двумя основными процессами: трансляцией и реализацией культуры. И чем больше мы будем рассуждать о «сокровищах», тем больше разных «БВЛ» будет лежать мертвым грузом у букинистов. И одновременно будет происходить отчуждение от культуры (вот это у Грамши проанализировано!) под лозунгами приобщения к ней.

А. Романов (г. Ленинск-Кузнецкий).— Костяк моей библиотеки — фантастика, и этим я горжусь и знаю, что не раз еще в жизни обращусь к сборникам Стругацких, Шекли, Саймака, к повестям К. Булычева... Библиотека — «стереотип» — это самый отрицательный фактор: такие стереотипы составляются, как правило, из дефицита, порожденного очередной модой, очень часто не читаемого. Я обеими руками голосую за программное собирательство, мне нужны только те книги, которые, знаю, я буду читать и перечитывать.

У.— А кто с этим спорит?

А. Аркелов (Москва).— Программность должна соответствовать широким возможностям реализовать ее на практике. Меж тем массовый читатель очень ограничен в выборе книг для своей библиотеки. Мы просто вынуждены подбирать издания по «крупноблочному» принципу. К этому нас толкает книжный голод... Если же коллекционер в попытке вырваться за рамки стереотипного набора обратится к услугам «черного рынка», то натолкнется на засилье литературы приключенческого и фантастического жанров, т. е. как раз тех, которые не могут формировать костяк культурного собрания.

У.— Последнее утверждение, конечно, спорное.

Н.— Не более, чем остальные.

П. Кравченко.— Черный рынок — это порождение некультурного собирательства. Будь у каждого своя программа, не было бы черного рынка, а когда всем нужен Пикуль, понятно, что он 100 рублей стоит! По мне лучше уж Валишевского купить (так сказать, первоисточник).

Н.— Программность, конечно, «должна соответствовать» реальной ситуации, в т. ч. ограниченным возможностям выбора книг, к стереотипным собраниям толкает не книжный голод, а отсутствие собственной, личной программы, т. е. культуры собирательства. И обратите внимание: как только собиратель вырвется за рамки стереотипа, он пойдет не на черный рынок, где торгуют именно стереотипом, а в магазин и купит то, что ему нужно, ибо другим нужно не это. Если же мы все вырвемся за рамки стереотипа, то есть у каждого будет собственная программа собирательства, то тогда мы и приобщимся к культуре.

У.— Вот наконец-то договорились! Итак, издательства будут по-прежнему гнать макулатуру, а мы отбирать из нее «неведомые шедевры». Остается только понять, откуда они там возьмутся и что делать со школьниками, которым «по программе положены» вполне ведомые шедевры: те самые Пушкин и Толстой, которые в вашей программе приобщения к культуре куда-то потерялись.

Н.— Да не волнуйтесь так за свою духовную пищу. Мы ведь пока только один процесс обсуждали из двух, которые делают культуру культурой. Так вот, второй процесс называется «трансляцией» и обеспечивает сохранение культуры. Пушкина «потерять» никак невозможно: он — часть нашей культуры.

У.— И отсюда вы выводите актуальность темы нашего разговора: массовое собирательство в самой читающей стране мира становится важным элементом национальной культуры.

Н.— Да. И в том виде, в котором оно у нас сложилось в 70-е годы в период застоя и «книжного бума» (совпадение не случайное!), оно естественно и органично вошло в тогдашнюю нашу культуру. Но меня лично оно не устраивает, потому что подлинного приобщения к культуре не обеспечивает. Оно у нас во многом не собирательство, а приобретательство, ибо беспрограммно: собственная программа подменяется чужими рецептами, «рекомендательными библиографиями», серийной принадлежностью книг. В противоположность этому, формирование программы собирательства предполагает непрерывное самоопределение собирателя, перманентную выработку целей и личного отношения к материалу культуры, к тем или иным данностям литературы, искусства, книгоиздательского дела. Только по мере (и в меру) выработки этого личного отношения феноменальные данности материала (текст «Евгения Онегина») становится достоянием нашей личной культуры. При этом собирательский тип отношения предполагает как минимум «двойной фильтр»: вхождение данности в личную культуру и внесение ее в программу собирательской деятельности.

У.— Слушайте, у меня ощущение, что вы морочите нам голову своей «философией». У нас книг в стране не хватает, а вы — «интериоризация», «субъективация». Скажите лучше, где можно купить хорошую книгу!

Н.— А нигде не купите, пока с интериоризацией не разберетесь. Потому что осмысленной программы действий без этого и не построите. Так что реально-то это вы морочите нам голову. Книг у нас (как и тракторов) больше, чем нужно, а вот культуры... В собирательстве точно так же, как и в сельском хозяйстве. А еще точнее — это та самая «культура хамства», о которой писал в «Декоративном искусстве СССР», а потом в «Знании — сила» (№ 9, 1988) Л. Невлер.

А если вернуться к делу — программному собирательству, то особое значение приобретает при этом мыслительная, программирующая работа, когда собрание формируется в голове и лишь затем реализуется в действии: в поисках и находках.

У.— Мне кажется, что я вас понял. Ваша основная мысль в том, что культура задается не предметом собирательства, а тем как это собирательство осуществляется. Но, на мой взгляд, важно и то, и другое. Я, кажется, угадал и ваши ответы (которых так и не дождался) на мои вопросы: вы предложили бы разукрупнить издательства, предоставив каждому из них выработать свое лицо, и точно так же поступить со школьными программами: пусть каждая школа учит по-своему в рамках некоторых достаточно общих требований. Эта идея, кстати, уже выдвигалась в «Литературке».

КАРАНДАШНАЯ ИСТОРИЯ

Сегодня все мы от мала до велика пользуемся карандашом, но редко кто задумывается над тем, какой трудный исторический путь прошло это орудие письма и рисования.

Первые сведения о графите относятся к 400—325 гг. до н. э. Тогда его использовали в качестве краски. Древние римляне и галлы называли графит — «плюмбаго». Это название указывало на сходство со свинцом — способность оставлять след на бумаге. Но затем о графите надолго забыли.

Сведения о нем вновь появляются во второй половине XVI века. Это связано с открытием Боровдальского месторождения, расположенного на северо-западе Великобритании, в графстве Кумберленд.

Предприимчивые англичане наладили торговлю графитовыми палочками. Цена таких палочек, оправленных в дерево, металл, золото, а затем покрытых резьбой и орнаментом была очень высока. Но боясь быстрого истощения запасов графита, английский парламент издает указ, по которому его разрешалось добывать только шесть недель в году. Карандаши из Кумберлендского графита ценил Петр I. У него в кармане лежал такой вместе с толстой записной книжкой, трубкой и кисетом. В письмах в Англию купцу Андрею Стейльсу он наказывал: «Приищи самых добрых аглицких карандашей сколько возможно...»

До сих пор спорят о том, кому же принадлежит пальма первенства в создании карандаша.

В 1598 году весь Нюрнберг вдруг заговорил о невероятной новинке. Столяр Фридрих Штедтлер похвастался, что придумал нечто такое, что окажется очень полезным для человека, избавив его от необходимости писать гусиным пером. Но только его потомкам, которым он поведал о своем изобретении, удалось изготовить графитовые карандаши разной твердости. В 1761 году баварец Каспар Фабер нашел способ изготовления, при котором графитовые палочки делались прочными. Но до настоящего карандаша — с сегодняшней технологией изготовления и привычной для нас формы, — которым мы пользуемся, было еще далеко.

И только в XVII—XIX веках, благодаря стараниям механика и живописца француза Николы Конте и чеха, архитектора и промышленника Йозефа Гардтмунта — сделали карандаш таким, каким мы обычно видим его сегодня.

В России карандашные фабрики начали создаваться во второй половине XIX века. Две из них находились в Москве: одна принадлежала купцу И. Никитину, разбогатевшему ямщику и располагалась в Хамовниках, другая — купцу I-ой гильдии Вильгельму Карнацу была построена в Серпуховской части (ныне ул. Зацепа). Были фабрики и в Риге, Вильно, Славянске.

В 20-е годы в Советской России строятся две карандашные фабрики: одна американским бизнесменом Армандом Хаммером на концессионных условиях, а другая на государственные средства.

...В коллекции москвича Рудольфа Варданяна около двух с половиной тысяч карандашей из 35 стран мира: трехгранные, шестигранные и восьмигранные, плоские и круглые, овальные и квадратные, пятиугольные и сложной формы в виде «сердечка», рекламные и сувенирные, специальные — для различных фирм и учреждений, простые и цветные, разной длины и твердости.

Первые советские карандаши 30-х годов: «Мосполиграф», «Хамелеон», «Госбанк». По некоторым названиям можно проследить историю нашей Родины. Это «Индустрия» и «Донбасс», «Пятилетка» и «2-я Пятилетка», «Ширпотреб» и «Центросоюз» и «Метро», «Дирижабль», «Стратостат»...

Самому старому из карандашей в коллекции Варданяна 110 лет. Изготовлен он из графита, который добывался в Сибири.

Есть в коллекции и свои реликвии. Карандаш, которым работал флаг-штурман, Герой Советского Союза, доктор географических наук И. Т. Спирин во время высадки первой советской экспедиции на Северном полюсе в 1937 году.

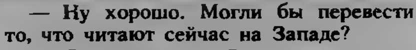
Другой — имеет отношение к освоению Антарктиды. Он был выпущен японской фирмой специально к встрече первых советской и японской полярных экспедиций, которая произошла в Австралии. Карандаш принадлежал начальнику строительного отряда поселка Мирный В. М. Кунину.

А вот карандаш марки «Орион» — из коллекции народного артиста СССР Ю. А. Завадского.

...Карандашом любили писать А. Луначарский, М. Горький, С. Эйзенштейн, Т. Манн. Карандаш всем другим орудиям письма предпочитает Л. Леонов.

Для Рудольфа Варданяна коллекционирование карандашей – это постоянный поиск, встречи с интересными людьми, новые знания.

В. РУДИН

ЗАЙДЕМ В КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

В метро, как обычно, людно. Людно и слякотно. Вылетаем из вестибюля и несемся к автобусу. Нам и ехать-то всего одну остановку, а мы бежим. Разойдись, медлительные! Еще немного, ну! Не успели. Икарус-гармошка, нагло покачивая задней частью, отъезжает.

— И тут он закрыл двери и впервые подумал: «Ну вот, не успела».

Это Димон цитирует юмористический какой-то рассказ.

— Ладно, Димыч, пошли пешком.

Направляемся к нему домой. У него есть «Статус Кво», образца восьмидесятого года, и к тому же сделанная физика, с которой мне нужно ознакомиться, чтобы на завтрашнем зачете не выглядеть полным болваном.

Пришли. Пока он возится на кухне, я случайно нахожу в газете маленькую заметку. Смысл такой, что какие-то школьники провели семинар на тему «Мы и иностранная литература». Даю прочитать Димону.

— Слушай, Дим, откуда такие школьники берутся?

— Что значит «такие»?

— Ну чтобы взяли, да семинар такой сообразили. Я что-то таких начитанных не видел.

— Ну почему, есть такие, кто читать умеет.

— Не иронизируй. Ведь по иностранной же литературе!

— Так ты, Олег, хочешь сказать, что юные иностранной литературы не читают?

— Не хочу, но приходится. А ты считаешь, это не так?

Димон изображает задумчивость.

— Да, сказать, что читают, нельзя.

— Но должны ведь?

— Ой! Только не надо говорить, что мы чего-то должны. Каждый должен то, что может. Где ты его возьмешь, «зарубеж»?

— Ну уж вроде на недостаток жаловаться грех. Сколько переводят иностранных авторов?

— Я не знаю, сколько. Я знаю, что в магазинах всех этих книг нет.

— А ты давно в книжном был?

— Недавно.

— Ну и как?

— Да что ты, Олег, сам что ли не знаешь? Золя, Драйзер, Байрон — вот и все. И то, если повезет.

Он уходит на кухню.

Действительно, не густо. То есть, я думаю, если поискать, поставить перед собой такую задачу, то и в магазинах книги зарубежных авторов найти можно. Но вот что можно сказать точно: современных, ныне живущих писателей нам не увидеть. А уж молодых иностранных авторов... Возвращается Димон, несет чай. В свою кружку вливает холодной воды. Я пью горячий. Прихлебывая свой «коктейль», Димон говорит:

— Ладно, про прозу хоть как-то слышим, хоть имена писателей знаем. А с поэзией? Байрон, и все. Ты кого-нибудь еще знаешь?

Я не знаю и потому молчу. Димон продолжает.

— Такое впечатление, что после Байрона там вообще поэтов не осталось. А все писатели кончились на Хемингуэе.

— Хм! Димон! А ты знаешь, что мы слышим огромное количество стихов в оригинале?

Димон не понимает. Мне до магнитофона ближе, я вставляю кассету, и из его «панасоника» несутся голоса Фрэнка Росси и компании.

— А! Вот ты что имел в виду! Да таким-то образом мы начитанные, аж жуть!

— И весь идиотизм, Димон, заключается в том, что мы, слушая эти тексты, эту музыку, не можем как следует представить себе среду, в которой она родилась. Мы не знаем, что за фрукт мы едим, потому что не видели дерева, на котором он вырос.

— О! О! Какое образное мышление! Но вообще, все правильно, мы, не зная современную зарубежную литературу, слабо знаем при «ихнюю» жизнь.

— Представляешь, приходим в книжный, а там книга с текстами песен какой-нибудь славной команды, вроде, скажем, «Статуса»!

— Ага. Разбежался — и об забор. Знаешь такую поговорку?

С Димоном не помечтаешь. Знаю такую поговорку, конечно.

— Ну хорошо. Могли бы перевести то, что читают сейчас на Западе?

— Я думаю так. Раньше те книги, где жизнь на Западе рисовали не такой, какой ее нужно было видеть нам, у нас не переводили...

— Да,— говорю я,— вот почему мы почти что ничего о «загнивающем» капитализме не знаем.

— А ведь по идее, нас школа должна с этой зарубежной литературой знакомить.

НЕ ЗНАЮ, УДАСТСЯ ЛИ ПРОЧЕСТЬ ФОЛКНЕРА?

— Дай школе с советской и русской разобраться. Куда ей еще иностранную! Ознакомила с «Оводом», «Гамлетом» и Байроном и хорошо, хватит.

— Да,— *соглашается Димон*,— со школы требовать нечего, ну, получается, со всех сторон мы несчастные.

— А с другой стороны, мы ведь сами тоже хороши. Того же Хемингуэя или Олдриджа немногие читали.

— Ах! Мы же еще и виноватые!

— Говорю, Димон, и думаю: сейчас ведь модно искать причину своего неумения, незнания где-то на стороне, вне себя. А если честно, то единственное, в чем мы не виноваты, так это в том, что нас не научили читать. Могли бы при большом желании достать книги зарубежных авторов. В конце-концов, есть журнал «Иностранная литература»...

— *Скрипя зубами и скрепя сердце*, я с тобой соглашаюсь, Олег. Да и песни их, в общем-то, в смысле текста не очень интересны.

— Господи! На горе ишак сдох! От кого я это слышу? От Димона-меломана.

— Меломаном был, им и буду. А что касается текстов, так они у наших намного *интересней*.

Время уходит слишком быстро для длинных бесед. Димон дает мне физику, сам садится за алгебру. В динамиках поет «менестрель» ихнего общества, общества, о котором мы мало что знаем, хотя можем знать больше. Так будем читать «зарубеж»?

Хит-парад. Он, музыкальный, прочно вошел в нашу жизнь со страниц газет. Но почему этот парад только музыкальный? Не претендуя на оригинальность, все же предлагаю: присылайте свои списки книг, которые наиболее вам понравились. А также — имена поэтов-песенников, *чье творчество вас привлекает*. Дерзнем?

РИС. Г. КОРНЫШЕВА

СВИДЕТЕЛЬ

В. В. ШУЛЬГИН

Шульгин Вас. Вит. (1878—1976), рус. полит. деятель, монархист. Один из лидеров прав. крыла 2—4-й Гос. думы, чл. Врем. к-та Гос. думы. После Окт. рев-ции один из организаторов борьбы против Сов. власти. Белоэмигрант. В 1944—56 в заключении по приговору сов. суда за контрревол. деятельность. В 1960-х гг. призвал рус. эмиграцию отказаться от враждебного отношения к СССР. Воспоминания: «Дни», «1920-й год».
(Из «Советского энциклопедического словаря»)

Прежде всего я должен сказать несколько слов о себе самом. Это обращение могут прочесть и лица, которые обо мне ничего не знают. Без такого личного предисловия им будет затруднительно понимать, почему и отчего я к ним обращаюсь и что хочу выразить.

Вместе с тем я смею думать, что мои мысли имеют некоторый общественный интерес. Если бы я думал иначе, то не взялся бы за перо после почти 25-летнего молчания.

Сейчас мне 82 года, и это значит, что в течение 60 лет я был сознательным свидетелем великих событий нашей эпохи. Но не только свидетелем, а в некоторой степени и участником политической жизни России, принимая во внимание, что в 1907 году я был избран в Российский парламент, иначе сказать, в Государственную думу, членом которой состоял до 1917 года включительно. ⟨...⟩

Фракция, к которой я принадлежал, вошла в состав «прогрессивного блока», и судьбе было угодно, чтобы именно я принял отречение от престола императора Николая II 2 марта 1917 года. А на следующий день я присутствовал при отказе принять престол со стороны брата отрекшегося государя, великого князя Михаила Александровича. Последнего я только что, т. е. утром этого дня, провозгласил новым императором под именем Михаила II.

Так было, хотя я принадлежал к числу тех монархистов, что глубоко сочувствовали Николаю II, понимая безысходную трагичность его положения (обстоятельства отречения двух императоров описаны мною в книге «Дни»).

Затем наступила эпоха Временного правительства, обычно называемого правительством Керенского. Последнего мы поддержали. Нашу тогдашнюю психику ярко выразил Родзянко, председатель Государственной думы, в формуле РСРС:

— Рубашку снимите, Россию спасите!

Менее красочно, но то же самое, сказал и я на одном собрании членов Государственной думы. В данном случае я обратился к социалистам с такими словами:

— Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем.

Я упоминаю об этом потому, что на это выступление отозвался Ленин в газете «Правда» 19 мая 1917 года в таких словах: «Не запугивайте, г. Шульгин! Даже когда мы будем у власти, мы вас не «разденем», а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вполне вам подсильной и привычной!»

Ленин не досказал, но из его слов в газете «Правда» я с очевидностью понял нижеследующее. Надо бы продолжить фразу Ленина так: «Мы вас не разденем, а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу на условии работы, вполне вам посильной и привычной в том случае, если вы будете работать с нами, или по крайней мере будете лояльны по отношению к Советской власти». Но мы объявили Ленину войну. ⟨...⟩

Я был в числе основателей Добровольческой (белой) армии в ноябре 1917 года. Я помогал по мере своих сил генералам Алексееву, Деникину, Врангелю. Когда война кончилась, я очутился в эмиграции и там написал книгу «1920-й год». В ней я высказал свое мнение, почему белые проиграли войну. Эта книга, по-видимому, по личному желанию Ленина была перепечатана в Советском Союзе.

В 1925—1926 годах мне удалось проникнуть нелегально в Советскую Россию и вернуться в эмиграцию. По возвращении я написал о своем путешествии книгу под заглавием «Три столицы».

Основная мысль этой книги в том, что, несмотря на все перенесенные испытания, «Россия жива». По этой причине при переводе на французский язык издатель предложил изменить заглавие «Три столицы», не звучавшее, по его мнению, для французского читателя, на заглавие «Возрождение России», что и было мной принято. Но вместе с тем эта книга была полна резких и даже просто грубых выпадов против Ленина. Об этом я сейчас сожалею.

Необходимо вспомнить еще одно обстоятельство. Молодые люди, состоявшие тогда в различных эмигрантских организациях, мечтали о проникновении в Россию, на свою родину. Мне же удалось, как это уже рассказано выше, на грани 1925—1926 годов совершить нелегальное путешествие по России и вернуться в эмиграцию. Человек, побывавший в России, был окружен известным ореолом в глазах молодежи, но не в моих собственных глазах.

Дело в следующем. В 1927 году открылось, что «тайное» мое путешествие по России было от начала до конца известно соответствующим органам Советской власти. Причины, почему меня не задержали, мне не совсем ясны и по сей день. Но тогда, в 1927 году, я счел себя одураченным политиком и имел великое желание совсем и навсегда сойти с политической арены. И только в 1937 году я покончил с политикой. В качестве совершенно частного человека находился в одном городке Югославии, где и пережил вторую мировую войну. ⟨...⟩

Вам известно, быть может, что Советская Армия, освободившая Югославию от гитлеровцев и усташей, вошла в городок, где я жил, в октябре 1944 года. В январе 1945 года я был препровожден в Москву и после длительного следствия присужден к продолжительному заключению. Следствие установило 30-летнюю (1907—1937) мою враждебную коммунизму и антисоветскую деятельность. Суммируя этот материал, прокурор выразился так:

— Ну, это «дела минувших дней».

В этих словах явственно для меня просвечивалась мысль, что 10-летняя давность тоже имеет свои права. Если бы это мнение разделило тогдашнее правосудие, то я, быть может, вышел бы из тюрьмы еще в 1947 году. Этого не случилось. Но в 1956 году я был досрочно освобожден совместно с очень многими другими, освобожденными до и после меня.

Сейчас со времени вынесенного мне приговора прошло 13 лет. Это тоже давность! Многое можно и должно забыть. И во всяком случае было бы неправильно прошлое вменять настоящему, поскольку две эпохи отличаются друг от друга. Произошли великие сдвиги, и именно это есть причина, почему я пишу Вам, друзья мои, настоящее письмо. ⟨...⟩

Хотят ли мира здесь, в Советском Союзе? Я до сих пор не встретил человека, который хотел бы войны. Насколько я понимаю, в этом отношении Советская власть действительно отражает мысли и чаяния советского народа. Таким образом, в этой плоскости я считаю, что у меня здесь 220 миллионов единомышленников.

А в других отношениях? Я не хотел бы «лакировать» (выражение Н. С. Хрущева) действительность, ни мазать ее одной черной краской. Сказать по чистой совести, трудных вопросов еще достаточно. ⟨...⟩

...как трудно отхватить жизнь в целом. Я слишком долго питался тяжелыми впечатлениями. Я близко наблюдал тех, что попали так или иначе под тяжелые колеса XX века. Это век жесточайших войн, глубочайших социальных потрясений, грандиозных достижений и великих жертв. Теперь я посильно изучаю богатые плоды, выросшие на многопретерпевшем древе. Если бы этих плодов не было, душа человечества могла бы прийти в отчаяние. Но они есть.

Книга «Письма к русским эмигрантам», фрагменты из которой приведены выше, издана в Москве 28 лет тому назад. Сегодня мы знакомим читателей с отрывками из двух упомянутых в тексте произведений В. В. Шульгина «Дни» и «1920 г.», запланированных к выходу в издательствах «Современник» и АПН в рамках одобренного коллегией Госкомиздата СССР Перспективного плана выпуска научных трудов, памятников общественной мысли и документов прошлого.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В жизни каждого человека есть дни, которые следовало бы записать. Это такие «дни», которые могут представлять интерес не для него одного, а и для других. Таких дней набралось некоторое число и в моей жизни. Так, по крайней мере, кажется мне, хотя я сознаю, что нелегко угадать общий интерес из-за сбивающейся сетки собственных переживаний. Если я ошибусь, буду утешать себя тем, чем льстят себя все мемуаристы: плохие записки современников — хороши для потомков.

Автор.

ДНИ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ «КОНСТИТУЦИИ» 1920 ГОД

(18-ое октября 1905 года)

Мы пили утренний чай. Ночью пришел ошарашивающий манифест. Газеты вышли с сенсационными заголовками: «Конституция».

Кроме обычных членов семьи, за чаем был еще один поручик. Он был начальником караула, поставленного в нашей усадьбе.

Караул стоял уже несколько дней. «Киевлянин» шел резко против «освободительного движения»... Его редактор, профессор Дмитрий Иванович Пихно, принадлежал к тем немногим людям, которые сразу, по «альфе» (1905 г.) определили «омегу» (1917 г.) русской революции...

Резкая борьба «Киевлянина» с революцией удержала значительное число киевлян в контрреволюционных чувствах. Но, с другой стороны, вызвала бешенство революционеров. В виду этого, по приказанию высшей военной власти, «Киевлянин» охранялся.

Поручик, начальник караула, который пил с нами чай, был очень взволнован.

— Конституция, конституция, — восклицал он беспомощно. — Вчера я знал, что мне делать... Ну, придут, — я их должен не пустить. Сначала уговорами, а потом, если не послушают, — оружием. Ну, а теперь? Теперь что? Можно ли при конституции стрелять? Существуют ли старые законы? Или, быть может, меня за это под суд отдадут?

Он нервно мешал сахар в стакане. Потом вдруг, как бы найдя решение, быстро допил.

— Разрешите встать...

И отвечая на свои мысли:

— А все-таки, если они придут и будут безобразить, — я не позволю. Что такое конституция, я не знаю, а вот гарнизонный устав знаю... Пусть приходят...

Поручик вышел. Д. И. (Пихно) нервно ходил по комнате. Потом заговорил, прерывая себя, задумываясь, опять принимаясь говорить.

— Безумие было так бросить этот манифест, без всякой подготовки, без всякого предупреждения... Сколько таких поручиков теперь, которые не знают, что делать... которые гадают, как им быть «при конституции»... этот нашел свой выход... дай бог, чтобы это был прообраз... чтобы армия поняла...

Но как им трудно, как им трудно будет... Как трудно будет всем. Офицерам, чиновникам, полиции, губернаторам и всем властям... Всегда такие акты подготовлялись... О них сообщалось заранее властям на места, и давались указания, как понимать и как действовать... А тут бухнули.. Как молотом по голове... и разбирайся каждый молодец на свой образец.

Будет каша, будет отчаянная каша... Там, в Петербурге, потеряли голову от страха... или ничего, ничего не понимают... Я буду телеграфировать Витте, это бог знает, что они делают: они сами делают революцию. Революция делается оттого, что в Петербурге трясутся. Один раз хорошенько прикрикнуть, и все станут на места... Это ведь все трусы, они только потому бунтуют, что их боятся. А если бы увидели твердость — сейчас спрячутся... Но в Петербурге не смеют, там сами боятся. Там настоящая причина революции, — боязнь, слабость...

Теперь бухнули этот манифест. Конституция! Думают этим успокоить. Сумасшедшие люди! Разве можно успокоить явным выражением страха. Кого успокоить? Мечтательных конституционалистов. Эти и так на рожон не пойдут, а динамитчиков этим не успокоишь. Наоборот, теперь-то они и окрыляются, теперь-то они и поведут штурм.

Я уже не говорю по существу. Дело сделано. Назад не вернешь. Но долго ли продержится Россия без самодержавия — кто знает. Выдержит ли «конституционная Россия» какое-нибудь грозное испытание... «За веру, царя и отечество» — умирали, и этим создалась Россия. Но, чтобы пошли умирать «за государственную Думу» — вздор.

Но это впереди... Теперь отбить штурм. Потому что будет штурм. Теперь-то они и полезут. Манифест, как керосином, их польет. И надежды теперь только на поручиков. Да, вот на таких поручиков, как наш. Если поручики поймут свой долг,— они отобьют...

Но кто меня поражает, — это евреи. Безумные, совершенно безумные люди. Своими руками себе могилу роют... и спешат, торопятся — как бы не опоздать... Не понимают, что в России всякая революция пройдет по еврейским трупам. Не понимают... Не понимают, с чем играют. А, ведь, близко, близко...

* * *

В доме произошло какое-то тревожное движение. Все бросились к окнам.

Мы жили в одноэтажном особнячке, занимавшем угол Караваевской и Кузнечной. Из угловой комнаты было хорошо видно. Сверху по Караваевской, от университета, надвигалась толпа. Синие студенческие фуражки перемешивались со всякими иными.

— Смотрите, смотрите... У них красные... красные значки...

Действительно, почти у всех было нацеплено что-то красное. Были и какие-то красные флаги с надписями, на которых трепалось слово «д о л о й». Они все что-то кричали. Через закрытые окна из разинутых ртов вырывался рев, жуткий рев толпы.

— Ну, штурм начинается...

* * *

Рядом с нашим особнячком стоит трехэтажный дом; в нем помещались редакция и типография. Там, перед этой дразнящей вывеской «Киевлянин», должно было разыграться что-нибудь. Я бросился туда через двор. Во дворе я столкнулся с нашим поручиком. Он кричал на бегу:

— Караул — вон!!.

Солдаты по этому крику выбегали из своего помещения. Выстроились.

— На пра...во! Шагом марш! За мной!

Он беглым шагом повел взвод через ворота, а я прошел напрямик, через вестибюль.

Два часовых, взяв ружье на перевес, охраняли входную дверь. Толпа ревела, подзуживаемая студентами... Часовые иногда оглядывались быстренько назад, сквозь стекло дверей, ожидая помощи. Толпа смелела, надвигалась, студенты были уже на тротуаре.

— Отойди, солдаты! Теперь свобода, конституция.

Часовые, не опуская штыков, уговаривали ближайших.

— Говорят же вам, господа, нельзя сюда! Проходите! Если вам свобода, так идите себе дальше. Ах ты, господи, а еще и образованные!

Но «образованные» не слушали уговоров «несознательных». Им нужно было добраться до ненавистной редакции «Киевлянина».

Наступил момент, когда часовым нужно было или стрелять, или у них вырвут винтовки. Они побледнели и стали жаться к дверям.

В это время подоспел поручик. Обогнув угол, поручик расчищал себе дорогу с револьвером в руках.

Через мгновение серый живой частокол, выстроившись у дверей, закрыл собой побледневших часовых.

— Назад! Осадите! Стрелять буду!

У поручика голос был звонкий и уверенный. Но студенты, как интеллигенты, не могли сдаться так просто...

— Господин офицер! Вы должны понимать! Теперь свобода! Теперь конституция!

— Конституция! Ура!

Электризуя самое себя, толпа ринулась...

Раздалась команда:

— По наступающей толпе — пальба — взводом!!!

Серый частокол выбросил левые ноги и винтовки вперед, и раздался характерный, не громкий, но ужасно четкий стук затворов...

* * *

Да, Д. И. был прав... Достаточно было строгого окрика, за которым «чувствуется твердая воля»...

Увидев, что с ними не шутят, толпа съежилась и, отругиваясь, осадила.

И в наступившей тишине раздалась негромкая команда, которую всегда почему-то произносят презрительным баском:

— Отставить!..

* * *

Я вышел пройтись. В городе творилось нечто небывалое. Кажется, все, кто мог ходить, были на улицах. Во всяком случае, все евреи. Но их казалось еще больше, чем их было, благодаря их вызывающему поведению. Они не скрывали своего ликования. Толпа расцветилась на все краски. Откуда-то появились дамы и барышни в красных юбках. С ними соперничали красные банты, кокарды, перевязки. Все это кричало, галдело, перекрикивалось, перемигивалось.

Но и русских было много. Никто хорошенько ничего не понимал. Почти все надели красные розетки. Русская толпа в Киеве, в значительной мере по старине монархическая, думала, что раз государь дал манифест, то, значит, так и надо, — значит, надо радоваться. Подозрителен был, конечно, красный маскарад. Но, ведь, теперь у нас конституция. Может быть, так и полагается.

Потоки людей со всех улиц имели направление на главную — на Крещатик. Здесь творилось нечто грандиозное.

Толпа затопила широкую улицу от края до края. Среди этого моря голов стояли какие-то огромные ящики, также увешенные людьми. Я не сразу понял, что это остановившиеся трамваи. С крыш этих трамваев какие-то люди говорили речи, размахивая руками, но, за гулом толпы, ничего нельзя было разобрать. Они разевали рты, как рыбы, брошенные на песок. Все балконы и окна были полны народа.

С балконов также силились что-то выкричать, а из-под ног у них свешивались ковры, которые побагровее, и длинные красные полосы, очевидно, содранные с трехцветных национальных флагов.

Толпа была возбужденная, в общем, радостная, причем радовалась — кто как: иные назойливо, другие «тихой радостью», а все вообще дурели и пьянели от собственного множества. В толпе очень гонялись за офицерами, силясь нацепить им красные розетки. Некоторые согласились, не понимая, в чем дело, не зная, как быть, — раз «конституция». Тогда их хватали за руки, качали, несли на себе... Кое-где были видны беспомощные фигуры этих едущих на толпе...

Начиная от Николаевской, толпа стояла, как в церкви. Вокруг городской думы, залив площадь и прилегающие улицы, а особенно Институтскую, человеческая гуща еще более сгрудилась...

Старались расслышать ораторов, говоривших с думского балкона. Что они говорили, трудно было разобрать...

Несколько в стороне от думы неподвижно стояла какая-то часть в конном строю.

* * *

Я вернулся домой.

Там сцены, вроде утренней, повторялись уже много раз. Много раз подходила толпа, вопила, угрожала, стремилась ворваться. Они требовали во имя чего-то, чтобы все газеты, а в особенности «Киевлянин», забастовали.

Но киевлянинские наборщики пока держались. Они нервничали, правда, да и нельзя было не нервничать, потому что этот рев толпы наводил жуть на душу. Что может быть ужаснее, страшнее, отвратительнее толпы? Из всех зверей она — зверь самый низкий и ужасный, ибо для глаза имеет тысячу человеческих голов, а на самом деле одно косматое, звериное сердце, жаждущее крови...

С киевлянинскими наборщиками у нас были своеобразные отношения. Многие из них работали на «Киевлянине» так долго, что стали как бы продолжением редакционной семьи. Д. И. был человек строгий, совершенно чуждый сентиментальностей, но очень добрый, — как-то справедливо, разумно добрый. Его всегда беспокоила мысль, что наборщики отравляются свинцом и, вообще, он находил, что это тяжелый труд. Поэтому киевлянинские наборщики ежегодно проводили один месяц у нас в имении, — на отдыхе. По-видимому, они это ценили. Как бы там ни было, но Д. И. твердо им объявил, что «Киевлянин» должен выйти во что бы то ни стало. И пока они держались — набирали...

* * *

Между тем, около городской думы атмосфера нагревалась. Речи ораторов становились все наглее по мере того, как выяснилось, что высшая власть в крае растерялась, не зная, что делать. Манифест застал ее врасплох, никаких указаний из Петербурга не было, а сами они боялись на что-нибудь решиться.

И вот с думского балкона стали смело призывать «к свержению» и к «восстанию». Некоторые из близстоящих начали уже понимать, к чему идет дело, но дальнейшие ничего не слышали и ничего не понимали. Революционеры приветствовали революционные лозунги, кричали «ура» и «долой», а огромная толпа, стоявшая вокруг, подхватывала...

Конная часть, что стояла несколько в стороне от думы, по-прежнему присутствовала, неподвижная и бездействующая.

Офицеры тоже еще ничего не понимали.

— Ведь, конституция!..

* * *

И вдруг многие поняли...

Случилось это случайно или нарочно, — никто никогда не узнал... Но во время разгара речей о «свержении» царская корона, укрепленная на думском балконе, вдруг сорвалась или была сорвана, и на глазах у десятитысячной толпы грохнулась о грязную мостовую. Металл жалобно зазвенел о камни...

И толпа ахнула.

По ней зловещим шопотом пробежали слова:

— Жиды сбросили царскую корону...

* * *

Это многим раскрыло глаза. Некоторые стали уходить с площади. Но в догонку им бежали рассказы о том, что делается в самом здании думы.

А в думе делалось вот что.

Толпа, среди которой наиболее выделялись евреи, ворвалась в зал заседаний и в революционном неистовстве изорвала все царские портреты, висевшие в зале. Некоторым императорам выкалывали глаза, другим чинили всякие другие издевательства. Какой-то рыжий студент-еврей, пробив головой портрет царствующего императора, носил на себе пробитое полотно, исступленно крича:

— Теперь я — царь!

* * *

Но конная часть в стороне от думы все еще стояла неподвижная и безучастная. Офицеры все еще не поняли.

Но и они поняли, когда по ним открыли огонь из окон думы и с ее подъездов.

Тогда, наконец, до той поры неподвижные серые встрепенулись. Дав несколько залпов по зданию думы, они ринулись вперед.

Толпа в ужасе бежала. Все перепуталось — революционеры и мирные жители, русские и евреи. Все бежали в панике, и через полчаса Крещатик был очищен от всяких демонстраций. «Поручики», разбуженные выстрелами из летаргии, в которую погрузил их манифест с «конституцией», исполняли свои обязанности...

* * *

Приблизительно такие сцены разыгрались в некоторых других частях города. Все это можно свести в следующий бюллетень:

Утром: праздничное настроение — буйное у евреев, — по «высочайшему повелению» — у русских; войска — в недоумении.

Днем: революционные выступления: речи, призывы, символические действия, уничтожение царских портретов, войска — в бездействии.

К сумеркам: нападение революционеров на войска, пробуждение войск, залпы и бегство.

* * *

У нас, на Караваевской, с наступлением темноты стало жутче. Наборщики еще набирали, но очень тряслись. Они делали теперь так: тушили электричество, когда подходила толпа, и высылали сказать, что работа прекращена. Когда толпа уходила, они зажигали снова и работали до нового нашествия. Но становилось все трудней.

* * *

Я время от времени выходил на улицу. Было темно, тепло и влажно. Как будто улицы опустели, но чувствовался больной, встревоженный пульс города.

* * *

Однажды, когда я вернулся, меня встретила во дворе группа наборщиков.

Они, видимо, были взволнованы. Я понял, что они только что вышли от Д. И.

— Невозможно, Василий Витальевич, мы бы сами хотели, да никак. Эти проклятые у нас были.

— Кто?

— Да от забастовщиков, от «комитета». Грозятся: «Вы тут под охраной работаете, так мы ваши семьи вырежем!». Ну, что же тут делать?! Мы сказали Дмитрию Ивановичу: хотим работать и никаких этих «требований» не предъявляем, — но боимся...

— А он что?

— А он так нам сказал, что, верите, Василий Витальевич, сердце перевернулось. Никаких сердитых слов, а только сказал: «Прошу вас не для себя, а для вас самих и для России...». Нельзя уступать!.. Если им сейчас уступить, они все погубят, и будете сами без куска хлеба, и Россия будет такая же!.. И правда, так будет... И знаем, и понимаем... Но не смеем, — боимся... за семьи... Что делать?..

Мне странно было видеть эти с детства совершенно по-иному знакомые лица такими разволнованными и такими душевными.

Все они толпились вокруг меня в полутьме плохо освещенного двора и рассказывали мне перебивающимися голосами. Я понял, что эти люди искренно хотели бы «не уступить», но... страшно...

И вправду, есть ли что-нибудь страшнее толпы?..

* * *

Они ушли, двое осталось. Это был Ш...о и еще другой, — самые старые наборщики «Киевлянина».

Ш...о схватил меня за руки.

— Василий Витальевич! Мы наберем!.. Вот нас двое... Один лист наберем — две страницы... Ведь тут не то важно, чтоб много, а чтоб не уступить... И чтобы статья Дмитрия Ивановича вышла... Мы все знаем, все понимаем...

Он тряс мне руки.

— Сорок лет я над этими станками работал — пусть над ними и кровь пролью... Василий Витальевич, дайте рублик... на водку!.. Не обижайтесь — для храбрости... Страшно!.. Пусть кровь пролью — наберу «Киевлянина»...

Он был уже чуточку пьян и заплакал. Я поцеловал старика и сунул ему деньги, он побежал в темноту улицы за водкой...

* * *

— Ваше благородие! Опять идут.

Это было уже много раз в этот день.

— Караул, — вон! — крикнул поручик.

Взвод строится. Но в это время солдат прибежал вторично.

— Ваше благородие! Это какие-то другие.

Я прошел через вестибюль. Часовой разговаривал с какой-то группой людей. Их было человек тридцать. Я вошел в кучку.

— Что вы хотите, господа?

Они стали говорить все вместе.

— Господин офицер... Мы желали... мы хотели... редактора «Киевлянина»... профессора... то есть... господина Пихно... мы к нему... да... потому что... господин офицер... разве так возможно?! что они делают!.. какое они имеют право?!. корону сбросили... портреты царские порвали... как они смеют!.. мы хотели сказать профессору...

— Вы хотели его видеть??

— Да, да... Господин офицер... нас много шло... сотни, тысячи... Нас полиция не пустила... А так как мы, то есть не против полиции, так мы вот разбились на кучки... вот нам сказали, чтобы мы непременно дошли до «Киевлянина», чтобы рассказать профессору... Дмитрию Ивановичу...

Д. И. был в этот день страшно утомлен. Его целый день терзали. Нельзя перечислить, сколько народа перебывало в нашем маленьком особнячке. Все это жалось к нему, ничего не понимая в происходящем, требуя указания, объяснений, совета и поддержки. Он давал эту поддержку, не считая своих сил. Но я чувствовал, что и этим людям отказать нельзя. Мы были на переломе. Эти пробившиеся сюда, — это пена обратной волны...

— Вот что... всем нельзя. Выберите четверых... Я провожу вас к редактору.

* * *

В вестибюле редакции.

— Я редактор «Киевлянина». Что вам угодно?

Их было четверо: три в манишках и в ботинках, четвертый в блузе и сапогах.

— Мы вот... вот я, например, парикмахер... а вот они...

— Я — чиновник: служу в акцизе... по канцелярии.

— А я — торговец... Бакалейную лавку имею... А это — рабочий.

— Да, я — рабочий... Слесарь — эти жиды св...

— Подождите, — перебил его парикмахер: — так вот мы, г. редактор, — люди, так сказать, разные, т. е. разных занятий...

— Ваши подписчики — сказал чиновник.

— Спасибо вам, г. редактор, что пишете правду, — вдруг, взволновавшись, сказал лавочник.

— А почему?.. Потому, что не жидовская ваша газета, — пробасил слесарь.

— Подождите, — остановил его парикмахер, — мы, так сказать, т. е. нам сказали: «Идите к редактору «Киевлянина», господину профессору, и скажите ему, что мы так не можем, что мы так не согласны... что мы так не позволим...».

— Какое они имеют право! — вдруг страшно рассердился лавочник. — Ты красной тряпке поклоняешься, — ну и черт с тобой! А я трехцветной поклоняюсь. И отцы мои и деды поклонялись. Какое ты имеешь право мне запрещать?..

— Бей жидов, — зазвенел рабочий, как будто ударил молотом по наковальне.

— Подождите, — еще раз остановил парикмахер: — мы пришли, так сказать, чтобы тоже... Нет, бить не надо, — обратился он к рабочему. — Нет, не бить, а, так сказать, мирно. Но, чтобы всем показать, что мы, так сказать, не хотим... так не согласны... так не позволим...

— Господин редактор, — мы хотим тоже, как они, демонстрацию, манифестацию... Только они с красными, а мы с трехцветными...

— Возьмем портрет государя императора и пойдем по всему городу... Вот что мы хотим... — заговорил лавочник. — Отслужим молебен и крестным ходом пойдем...

— Они с красными флагами, а мы с хоругвями...

— Они портреты царские рвут, а мы их, так сказать, всенародно восстановим...

— Корону сорвали, — загудел рабочий. — Бей их, бей жидову, сволочь проклятую!..

— Вот что мы хотим... за этим шли... чтобы узнать... хорошо ли?... Ваше, так сказать, согласие...

Все четверо замолчали, ожидая ответа. По хорошо мне знакомому лицу Д. И. я видел, что с ним происходит. Это лицо, *такое в обычное время незначительное, теперь... серые,* добрые глаза из-под сильных бровей и эта глубокая складка воли между ними.

— Вот, что я вам скажу. Вам больно, вас жжет?.. И меня жжет. Может быть, больнее, чем вас... Но есть больше того, чем то, что у нас с вами болит... Есть Россия... Думать надо только об одном: как ей помочь... Как помочь этому государю, против которого они повели штурм... Как ему помочь. Ему помочь можно только одним: поддержать власти, им поставленные. Поддержать этого генерал-губернатора, полицию, войска, офицеров, армию... Как же их поддержать? Только одним: соблюдайте порядок. Вы хотите «по примеру их» манифестацию, патриотическую манифестацию... Очень хорошие чувства ваши, святые чувства, — только одно плохо, — что «по примеру их» вы хотите это делать. Какой же их пример Начали с манифестации, а кончили залпами. Так и вы кончите... Начнете крестным ходом, а кончите такими делами, что по вас же властям стрелять придется... И не в помощь вы будете, а еще страшно затрудните положение власти... потому что придется властям на два фронта, на две стороны бороться... И с ними и с вами. Если хотите помочь, есть только один способ, один только.

— Какой, какой? Скажите. Затем и шли...

— Способ простой, хотя и трудный: «все по местам». Все по местам. Вот вы парикмахер — за бритву. Вы торговец — за прилавок. Вы чиновник — на службу. Вы рабочий — за молот. Не жидов бить, а молотом — по наковальне. Вы должны стать «за труд», за ежедневный честный труд, — против манифестации и против забастовки. Если мы хотим помочь власти, дадим ей исполнить свой долг. Это ее долг усмирить бунтовщиков. И власть это сделает, если мы от нее отхлынем, потому что их на самом деле немного. И они хоть наглецы, но подлые трусы.

—— Правильно, — заключил рабочий. — Бей их, сволочь паршивую!!!

* * *

Они ушли, снаружи, как будто, согласившись, но внутри неудовлетворенные. Когда дверь закрылась, Д. И. как-то съежился, потом махнул рукой, и в глазах его было выражение, с которым смотрят на нечто неизбежное:

— Будет погром...

* * *

Через полчаса из разных полицейских участков позвонили в редакцию, что начался еврейский погром.

Один очевидец рассказывает, как это было в одном месте:

— Из бани гурьбой вышли банщики. Один из них взлез на телефонный столб. Сейчас же около собралась толпа. Тогда тот со столба начал кричать:

— Жиды царскую корону сбросили!.. Какое они имеют право? Что же, так им и позволим? Так и оставим? Нет, братцы, врешь!

Он слез со столба, выхватил у первого попавшегося человека палку, перекрестился и, размахнувшись, со всей силы бахнул в ближайшую зеркальную витрину. Стекла посыпались, толпа заулюлюкала и бросилась сквозь разбитое стекло в магазин...

И пошло...

* * *

Так кончился первый день «конституции»...

Личное перемешивалось с общим в эту новогоднюю одинокую ночь.

Отчего не удалось дело Деникина? Отчего мы здесь, в Одессе? Ведь в сентябре мы были в Орле... Отчего этот страшный тысячеверстный поход, великое отступление «орлов» от Орла?..

Орлов ли?..

«Взвейтесь, соколы, орлами»... (солдатская песня).

Я вспомнил свою статью в «Киевлянине» в двухлетнюю годовщину основания Добровольческой армии... два месяца тому назад...

«Орлы, бойтесь стать коршунами. Орлы победят, но коршуны погибнут».

Увы, орлы не удержались на «орлиной» высоте. И коршунами летят они на юг, вслед за неизмеримыми обозами с добром, взятым... у «благодарного населения».

«Взвейтесь, соколы... ворами» («Единая, неделимая» в кривом зеркале действительности). ⟨...⟩

* * *

Значит, белые, которые ведут войну с красными, именно за то, что они красные, — совсем иные... совсем «обратные».

Белые — честные до дон-кихотства. Грабеж у них несмываемый позор. Офицер, который видел, что солдат грабит, и не остановил его, — конченный человек. Он лишился чести. Он

больше не «белый», — он «грязный»... Белые не могут грабить.

Белые убивают только в бою. Кто приколол раненого, кто расстрелял пленного, — тот лишен чести. Он не белый, он — палач. Белые не убийцы: они воины.

Белые рыцарски вежливы с мирным населением. Кто совершил насилье над безоружным человеком, — все равно, что обидел женщину или ребенка. Он лишился чести, он больше не белый — он запачкан. Белые не апаши — они джентльмены.

Белые тверды, как алмаз, но так же чисты. Они строги, но не жестоки. Карающий меч в белых руках неумолим, как судьба, но ни единый волос не спадет с головы человека безвинно. Ни единая капля крови не прольется — лишняя...

Белые имеют бога в сердце. Они обнажают голову перед святыней... И не только в своих собственных златоглавых храмах. Нет, везде, где есть бог, белый преклонит — душу, и, если в сердце врага увидит вдруг бога, увидит святое, он поклонится святыне. Белые не могут кощунствовать: они носят бога в сердце.

Белые твердо блюдут правила порядочности и чести. Если кто поскользнулся, товарищи и друзья поддержат его. Если он упал, поднимут. Но если он желает валяться в грязи, его больше не пустят в «Белый Дом»: белые не белоручки, но они опрятны.

Белые дружественно вежливы между собой. Старшие строги и ласковы, младшие почтительны и преданы, но сгибают только голову при поклоне... (спина у белых не гнется).

Белых тошнит от рыгательного пьянства, от плевания и от матерщины... Белые умирают, стараясь улыбнуться друзьям. Они верны себе, родине и товарищам до последнего вздоха.

Белые не презирают русский народ... Ведь если его не любить, за что же умирать и так горько страдать? Не проще ли раствориться в остальном мире? Ведь свет широк... Но белые не уходят, они льют свою кровь за Россию... Белые не интернационалисты, они — русские...

Белые не горожане и не селяне — они русские, они хотят добра и тем и другим. Они хотели бы, чтобы мирно работали молотки и перья в городах, плуги и косы в деревнях. Им же, белым, ничего не нужно. Они не горожане и не селяне, не купцы и не помещики, не чиновники и не учителя, не рабочие и не хлеборобы. Они русские, которые взялись за винтовку только для того, чтобы власть, такая же белая, как они сами, дала возможность всем мирно трудиться, прекратив ненависть.

Белые питают отвращение к ненужному пролитию крови и никого не ненавидят. Если нужно сразиться с врагом, они не осыпают его ругательствами и пеной ярости. Они рассматривают наступающего врага холодными, бесстрастными глазами... и ищут сердце... И если нужно, убивают его сразу... чтобы было легче для них и для него...

Белые не мечтают об истреблении целых классов или народов. *Они знают, что это невозможно, и им противна мысль об* этом. Ведь они белые воины, а не красные палачи.

Белые хотят быть сильными только для того, чтобы быть добрыми...

Разве это люди... Это почти-что святые...

* * *

«Почти-что святые» и начали это белое дело...

Но что из него вышло. Боже мой! ⟨...⟩

* * *

И я видел...

Я видел, как зло стало всеобщим.

*Насмешливый термин «от благодарного населения» все по*крыл, все извинил, из трагедии сделал кровавый водевиль в m'en fich'истском стиле. ⟨...⟩

* * *

Я видел, как артиллерия выехала «на позицию». Позиция была тут же в деревне — на огороде. Приказано было ждать до одиннадцати часов. Пятисотподводный обоз стоял готовый, растянувшись по всей деревне. Ждали...

Я зашел в одну хату. Здесь было, как в других... Половина семьи лежала в сыпном тифу. Другие ожидали своей очереди. Третьи, только-что вставшие, бродили, пошатываясь, с лицами снятых с креста.

— Хоть бы какую помощь подали... Бросили народ совсем... Прежде хоть хвельшара пришлют... лекарства... а теперь... качает... всех переберет... Бросили народ совсем, бросили... пропадем... хоть малую помощь...

Дом вздрогнул от резкого, безобразно-резкого нашего трехдюймового... Женщина вскрикнула...

— Это что?

Это было одиннадцать часов. Это мы подавали «помощь» такой же «брошенной», вымирающей от сыпного тифа деревне, за четыре версты отсюда...

Там случилось вот что. Убили нашего фуражира. При каких обстоятельствах — неизвестно. Может быть, фуражиры грабили, может быть, нет... В каждой деревне есть теперь рядом с *тихими, мирными, умирающими от тифа хохлами* — бандиты, гайдамаки, ведущие войну со всеми на свете. С большевиками столько же, сколько с нами. Они ли убили? Или просто большевики? Неизвестно. Никто этим и не интересовался. Убили в такой-то деревне — значит, наказать...

— Ведь как большевики действуют, — они ведь не церемонятся, батенька... Это мы миндальничаем... Что там с этими бандитами разговаривать?

Да не все же бандиты.

— Не все? Ерунда. Сплошь бандиты, — знаем мы их! А немцы как действовали?

— Да ведь немцы оставались, а мы уходим.

— Вздор! Мы придем — пусть помнят, сволочь!..

Деревне за убийство приказано было доставить к одиннадцати часам утра «контрибуцию» — столько-то коров и т. д. Контрибуция не явилась, и ровно в одиннадцать открылась бомбардировка.

— Мы, — как немцы, — *сказано, сделано... Огонь!*

Безобразный, резкий удар, долгий, жутко удаляющийся, затихающий вой снаряда и, наконец, чуть слышный разрыв.

Кого убило? Какую Маруську, Евдоху, Гапку, Приску, Оксану? Чью хату зажгло? Чьих сирот сделало навеки непримиримыми, жаждущими мщения... «бандитами»?

— Они все, батенька, бандиты — все. Огонь!

Трехдюймовки работают точно, отчетливо. Но отчего так долго?

— Приказано семьдесят снарядов.

— Зачем так много?

— А куда их деть? Все равно дальше не повезем... Мулы падают...

Значит, для облегчения мулов. По всей деревне. По русскому народу, за который мы же умираем... ⟨...⟩

* * *

Хоронили нашего квартирьера. Опять убили в деревне. Нельзя в одиночку. Он сунулся ночью в деревню. Устроили засаду — убили. Кто — неизвестно. Выбросили тело на огород, собаки стали есть труп. Ужасно...

Опускают в могилу. Тут несколько офицеров, командир полка.

Могилу засыпают местные мужики. Первые попавшиеся в первой хате. Один из них в новых сапогах. Тут же солдат в старых.

— А вы, мерзавцы, убивать умеете... А в новых сапогах ходите... Снимай сейчас, — отдай ему!

— Господин полковник, да разве я убивал? Я бы их, проклятых, сам перевешал...

— Снимай, не разговаривай, а не то...

Снимает. Раз командир полка приказывает, да еще при таком случае — не поговоришь...

А на деревню наложить контрибуцию!

Весело вскакивает на лошадей конвой командира полка — лихие «лабинцы»... Мгновение, и рассыпались по деревне. И в ту же минуту со всех сторон подымается стон, рыдания, крики, жалобы, мольбы... Какая-то старуха бежит через дорогу, бросается в ноги... Целая семья воет вокруг уводимой коровы.

А это еще что? Черный дым взвился к небу. Неужели зажгли?

Да... Кто-то отказался дать корову, лошадь... И вот...

Могилу квартирьера засыпают... Завтра в следующей деревне убьют нового... Там ведь уже будут знать и о сапогах и о контрибуции... А если не будут знать о нас, то ведь впереди идут части, перед которыми мы младенцы... Мы ведь *«один из лучших полков»...*

«...БЫЛ ПРОСВЕЩЕНЬЯ БЕДНЫЙ ВОИН»

Прогрессивный книгоиздатель, меценат, действительный член Академии Художеств, страстный театрал, знаток русской истории и культуры...

Солдатенков Козьма Терентьевич никакого образования не получил. Он был еле обучен русской грамоте и всю юность провел в «мальчиках» за прилавком в магазине своего отца — богатого купца-старообрядца. Получал от него медные гроши на прокормление в торговых рядах. После смерти отца стал обладателем крупного состояния.

«Простой здравый смысл, доброе отзывчивое сердце и врожденное инстинктивное стремление к свету вывели Козьму Терентьевича еще в молодые годы из окружавшей его тьмы на широкую дорогу народного просветителя» — писал о Солдатенкове известный актер М. Щепкин.

Солдатенков-младший считал главным делом своей жизни — издание книг. Недавно мы их вновь увидели на стендах выставки в Музее книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, приуроченной к 170-летию известного книгоиздателя.

Первая книга, изданная К. Т. Солдатенковым в феврале 1856 года — «Стихотворения» А. Кольцова. Затем — собрание сочинений В. Г. Белинского в двенадцати томах. Имя крупного русского этнографа А. Н. Афанасьева стало известно широкому читателю после издания Солдатенковым его «Русских народных сказок» и «Русских народных легенд». Цензор, разрешивший издание «Народных русских легенд», был уволен. Желая сохранить издание неприкосновенным, Солдатенков выпустил в свет «Народные русские легенды», напечатав новый титульный лист с пометкой «Лондон, 1859». Любопытно, что цензурный комитет, спустя пять лет после запрещения легенд, все еще вел переписку о привлечении Афанасьева и Солдатенкова к судебной ответственности.

Солдатенков выпустил целую библиотеку переводов зарубежной научной литературы (более ста названий), и в этом равного ему не было ни среди прежних русских издателей, ни среди его современников. Он привлекал лучшие переводческие силы того времени. Переводы выполнялись тщательно и с необыкновенной точностью. Солдатенковское издание «Римской истории...» Гиббона имело большой успех у русских читателей. В личной библиотеке А. М. Горького было три экземпляра солдатенковских изданий.

К. Т. Солдатенков всю жизнь состоял в переписке со многими литераторами и художниками. В 1894 году по просьбе Л. Н. Толстого он издает «Крестьянские рассказы» С. Т. Семенова. Предисловие к книге написал сам Лев Николаевич.

Благодаря Солдатенкову выходили в свет книги нуждающихся, малоизвестных авторов. «Считаю своим непременным долгом — писала составительница одного сборника Мария Корсак — изъявить мою глубокую признательность многоуважаемому К. Т. Солдатенкову, великодушно предложившему мне издать мой труд, которому иначе не пришлось бы появиться в печати вследствие ограниченности моих материальных средств». Такие письма часто получал Солдатенков.

За финансовой поддержкой в деле выпуска своих книг к нему обращались И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский. По определению К. С. Станиславского он был издателем «тех книг, которые не могли рассчитывать на большой тираж, но были необходимы для науки или вообще для культурных образовательных целей».

Как многие прогрессивные люди того времени, Солдатенков не мог быть не «замечен» полицией. Подтверждение тому — представленный на выставке «Список должностных лиц и членов комитета грамотности в Москве, известных своей неблагонадежностью». Список прилагался к секретной записке, направленной в департамент полиции. Под номером 103 указана фамилия Солдатенкова.

Козьма Терентьевич был членом почти всех московских обществ (приют арестантских детей, богадельня при Басманной больнице, Яузское городское попечительство о бедных, Общество для пособия нуждающимся студентам Московского Университета). Благодаря поддержке Солдатенкова в селе Кунцево возникает первое благотворительное общество, имеющее целью «доставления средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных, проживающих на территории московского уезда». Там же, в Кунцево, Солдатенков основал сельскую школу.

Наследовав состояние от отца и продолжая его увеличивать, издатель расходовал значительные суммы на собирание личной библиотеки и картинной галереи, которые по завещанию он оставил Румянцевскому музею. В этой галерее было 230 картин русских художников, в том числе такие шедевры, как большой и наиболее близкий к картине эскиз «Явление Христа народу» А. Иванова, «Вирсавия» К. Брюллова, «Вдовушка» П. Федотова, «Похороны» В. Петрова, «Оттепель» Ф. Васильева; работы иностранных художников, скульптуры и большое собрание рисунков и гравюр.

После смерти К. Т. Солдатенкова при Императорской Академии Наук были учреждены премии его имени за сочинения по философии и истории культуры славянских народов.

В одной из газет того времени на смерть просветителя были помещены стихи, заканчивающиеся словами:

Он, в наш сухой и черствый век,
Был просвещенья бедный воин.
Как гражданин и человек
Он светлой памяти достоин.

М. ФИЛАТОВА

Ремарки после цитат: А — автор;
Нз — название произведения;
П — персонаж.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. «Та любовь, которую она старалась оживить, была теперь так от него далеко! Причиной всех его бедствий была эта любовь. По ее милости война продолжалась вот уже скоро девять лет; по ее милости тетрарх состарился». — Нз.

6. «Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые». — А.

8. «Кто шляпу спер, тот и тетку укокошил». — Нз.

11. «К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный». — Нз.

14. «Все мы семеро суть обыкновенные воры, конечно, разных специальностей. И вот организация уполномочила нас изложить перед вашим почтенным собранием... нашу почтительную просьбу о помощи». — Нз.

15. «Хорошо, — сказал Сайрес Смит. — Каким же способом вы предлагаете мне бежать? — На этом дурацком шаре, который болтается здесь без всякого проку». — П.

16. «Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень — памятник героям.
Вот на фасаде надпись: «Отстоим!»
А сверху «Р» прибавлено: «Отстроим!» — А.

17. «Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез». — Нз.

21. «Еще один из строя выбыл вон,
Где уж и так ряды не слишком тесны.
Мир памяти скончавшегося — он
Писатель был талантливый и честный...» (лицо, которому посвящено).

22. «Правду я говорю, не шучу: полвека счастья искали и, пока богаты были, все не находили; теперь ничего не осталось, в люди пошли жить, — такое счастье нашли, что лучше не надо». — Нз. **23.** «Что касается красоты этого лица, то это была греческая красота во всем ее совершенстве; большие черные бархатные глаза, прямой нос, коралловый рот и жемчужные зубы. И все это очарование было озарено весною молодости...» — П. **26.** «О Сильвере мы больше ничего не слыхали. Зловещий одноногий моряк навсегда ушел из моей жизни». — А. **27.** «Он казался лет тридцати. Черты смуглого лица его были правильны и суровы. Он был высокого росту, широкоплеч, и вообще в нем изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову...» — Нз. **28.** «Жил честно, целый век трудился и умер наг, как наг родился». — А.

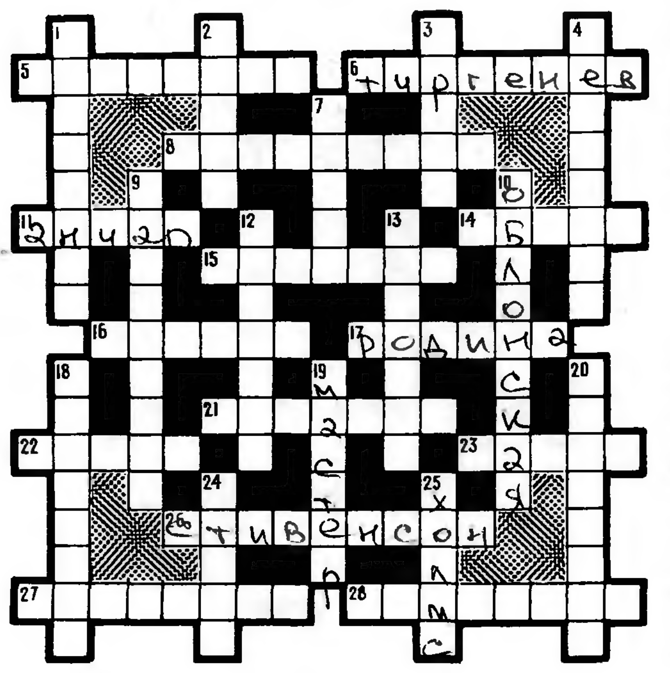
ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. «*Я встретил вас — и все былое*
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...» (лицо, которому посвящено).

2. «Долго, долго сидел он в раздумье и — уже наученный опытом, через столько лет — все не в силах был понять, как мог он покинуть Джемму, столь нежно и страстно им любимую, для женщины, которую он и не любил вовсе?» — П.

3. «Что за поле! Зелень тут
Словно камень изумруд...
А по зелени цветы
Несказанной красоты». — А.

4. «В руках у него остались две вещи: насмешка — клочок бумажки с подписью «Фантина» и утешение — полторы тысячи франков». — П. **7.** «...шаровары, которые носил он, были так широки, что, какой бы большой он ни сделал шаг, ног было совершенно незаметно, и казалось — винокуренная кадь двигалась по улице». — П. **9.** «В особенности шумел журналист... Он был молод душой, но в его кудрях, как луна в джунглях, светилась лысина. — Противно на вас смотреть! — кричал он провожающим. — Разве вы можете понять, что такое Восточная Магистраль!» — П. **10.** «Дарья Александровна... стояла среди разбросанных по комнате вещей... она только что пыталась сделать то, что пыталась сделать уже десятый раз в эти три дня...» — П. **12.** «А сказать правду — мне понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматер со стороны женской полноты». — П. **13.** «Как он удивительно поет!.. Слезы так и текут у меня из глаз, а на душе становится так радостно, словно матушка целует меня!» — Нз. **18.** «Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка; Я гладил все его: как шелковая шерстка!» — П. **19.** «...он вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой «М»... У меня нет больше фамилии...» — П. **20.** «Агафья вылезла из канавы на дорогу, отряхнулась, поправила на голове платок и растрепанные волосы, постояла, посмотрела на обе стороны и вдруг как-то отчаянно, безнадежно, всплеснув руками, горько заплакала и торопливо пошла тем же самым следом, где шла давеча: назад, домой в деревню». — А. **24.** «Ирена снова рванулась в судорожном рыдании, хотя муж держал ее обеими руками. При виде отчаяния, сотрясавшего измученную женщину, ему стало страшно, как будто он — ее убийца». — Нз. **25.** «Я знакомлюсь с подробностями дела и высказываю свое мнение, мнение специалиста. Я не ищу славы. Когда мне удается распутать дело, мое имя не фигурирует в газетах. Я вижу высшую награду в самой работе, в возможности применить на практике мой метод». — П.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Горький («Девушка и Смерть»). 7. Старцев («Ионыч», А. Чехов). 8. Руставели («Витязь в тигровой шкуре»). 11. Ершов («Конек-Горбунок»). 14. «Демон» (М. Лермонтов). 15. Ромашов («Поединок»). 16. Соколов («Судьба человека», М. Шолохов). 17. Дуремар («Золотой ключик, или Приключения Буратино»). 20. «Городок» (А. Пушкин). 22. Бунин («Сверчок»). 23. «Динка» (В. Осеева). 26. Келлерман («Голубая лента»). 27. Чичиков («Мертвые души»). 28. Полесов («Двенадцать стульев»).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дорвард («Квентин Дорвард», В. Скотт). 2. Тибул («Три толстяка»). 3. «Отель» (А. Хейли). 4. «Ревизор». 6. «Спартак» (Р. Джованьолли). 9. Собакевич («Мертвые души»). 10. Жеромский («История греха»). 12. Волохов («Обрыв», И. Гончаров). 13. Годунов («Борис Годунов»). 18. Монтень. 19. Луконин («Парень из нашего города»). 21. Аксаков («Детские годы Багрова-внука»). 24. Чехов («Дама с собачкой»). 25. Бажов («Железковы покрышки» из «Малахитовой шкатулки»).

ИЗ НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Вопросы первого задания II тура

1. Т. В. Комарова из Брянска:
Эту книгу Владимир Ильич Ленин хотел бы «...видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата». Как называется эта книга и кто ее автор?

2. В. Д. Власенко из Хабаровска:
Известная актриса, она являлась издателем первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь», участвовала в 1919 году в создании Большого драматического театра в Петрограде. Рекомендацию в партию и подпольное имя «Феномен» ей дал В. И. Ленин. Назовите эту женщину.

3. Л. В. Николаева из Москвы:
Именем этого революционера в Москве названы станция метро, площадь, улица, переулок, на Кубани — город, в Сибири — горный хребет и рабочий поселок. А вот принадлежащую его перу книгу воспоминаний на долгое время забыли, и лишь в прошлом году она была издана вновь. Что это за книга и кто ее автор?

4. С. К. Журиба из села Подгорное Львовской области:
Он прожил всего сорок лет, но за менее чем двадцатилетнюю литературную деятельность издал пятьдесят книг. Один из его рассказов любил и ценил Ленин. О каком писателе и о каком произведении идет речь?

5. С. В. Слюняев из Димитровграда Ульяновской области:
Давным-давно это место в Москве называлось Великим Торгом, затем — Троицкой площадью, позже — Пожар. А каково название площади сейчас?

6. О. Н. Нагаева из Междуреченска:
Газеты «Петербургский листок» и «Новое время» восемьдесят лет назад писали: «Любопытный случай имел место 13 января 1909 года в судебной палате... Когда судебная палата удалилась на совещание, подсудимая, владелица типографии, незаметно улизнула из зала и была такова. Приговор пришлось объявить в отсутствие обвиняемой». Кому и за что был вынесен приговор?

7. Вопрос авторам вопросов задает участник викторины **Г. А. Воробьев из Каменск-Уральского:**
Первый в мире электромузыкальный инструмент демонстрировался на VIII Всероссийском электротехническом съезде. Вскоре его изобретатель был приглашен на концерт в Кремль. Аккомпанировала изобретателю секретарь Владимира Ильича — Л. А. Фотиева. В. И. Ленину, который присутствовал на концерте, новый инструмент понравился и он предложил изобретателю выступить в других городах страны. Кто был создатель инструмента?

СЧАСТЛИВОГО БИЛЕТА!

Дефицитную книгу порой легче выиграть, чем купить. Только в минувшем году обладателями счастливых билетов в книжной лотерее стали более 10 млн. человек.

В этом году Госкомиздат РСФСР проводит четыре выпуска Всероссийской книжной лотереи. Среди выигрышей — «Аукцион» Ю. Семенова, «Шпион» Ф. Купера, «Золотой гусь» братьев Гримм, собрание сочинений М. Лермонтова, А. Чехова, Н. Некрасова. Новые условия проведения книжной лотереи помогут книголюбам приобрести дефицитные издания. О выигрыше узнаешь сразу — вскрываешь билет и видишь — «счастливый» он или нет.

Книжная лотерея исключает возможность распространения книги «из-под прилавка». Книги, включенные в список, выдаются только по предъявлению выигрышного билета.

В конце года, возможно, будет проведен дополнительный выпуск книжной лотереи, в число выигрышей которой будет включен роман-хроника В. Пикуля «Нечистая сила». Книгу выпускает Красноярское книжное издательство.

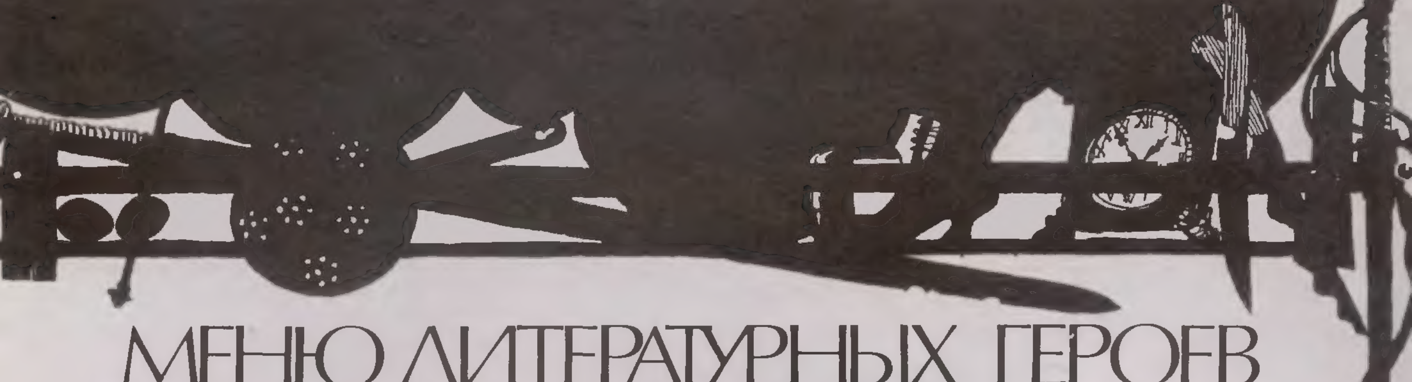
Желаем книголюбам удачи!

ДАВАЙТЕ ДРУЖИТЬ КЛУБАМИ!

Клуб книголюбов «Родник» при моторостроительном конструкторском бюро города Перми хотел бы вести обмен опытом по организации проведения различных мероприятий, а также книгообмен с клубами книголюбов других городов и отдельными книголюбами.

Выпускаемые пермским книжным издательством произведения Майн Рида, Жюль Верна, миниатюрные издания, серия «Мастера советской сатиры» и другие, пользуются большой популярностью и наверняка заинтересуют многих.

Ждем ваших писем по адресу:
614062, г. Пермь, ул. Ворошилова, 4, кв. 133
ПЕРВОВУ Александру Андреевичу,
председателю клуба книголюбов «Родник»

МЕНЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Вернемся на берега туманного Альбиона. «Подавали самый унылый английский обед». Не правда ли, эта фраза из романа «Мерзкая плоть» одного из самых крупных британских сатириков XX века Ивлина Во нас не удивляет. Как-то так повелось, что английская кухня считается чуть ли не самой скучной и заурядной кухней в мире.

«Говядина, баранина, холодная лососина, пирог с ревенем, пирог с крыжовником... Пробегая этот неизбежный список, я вздохнул при мысли о ресторанах за углом, где была французская кухня, кипела жизнь и сидели хорошенькие, накрашенные женщины в летних платьях».

Эту цитату мы выудили из романа Сомерсета Моэма «Пироги и пиво или скелет в шкафу». Кстати, первая половина его заглавия не имеет никакого отношения к кулинарии: она позаимствована из шекспировской «Двенадцатой ночи» (слова сэра Тоби, обращенные к Мальволио: «Думаешь, если ты такой уж святой, то на свете не будет больше ни пирогов, ни хмельного пива?»)

А вот как описывает мистер Эшенден, от лица которого и ведется повествование, обед в доме писателя Эдуарда Дриффилда: «Обед был как раз такой, какой нужно, но не парадный: рулет из рыбного филе под белым соусом, жареный цыпленок с молодым картофелем и горошком, спаржа, пюре из крыжовника со взбитыми сливками. И столовая, и обед, и обхождение — все в точности соответствовало положению литератора с большой славой, но умеренными средствами». А вот наш рассказчик в гостях уже у вдовы знаменитого старца: «Мы пошли обедать — это была добрая английская трапеза, ростбиф и йоркширский пудинг»...

Что ж, как приготовить ростбиф и пудинг, вы уже знаете. Да и цыпленка с молодым картофелем зажарит любая маломальская уважающая себя хозяйка. А вот пирог с ревенем нечасто появляется на вашем столе. Те из вас, кто выращивает это замечательное растение в своем загородном поместье, то есть, простите, на дачном участке, знают, что созревает ревень значительно раньше многих других овощей и плодов и в этом его большая ценность. На всякий случай, учтите, что используются молодые, сочные корешки с характерным привкусом и ароматом, напоминающим яблоки. **Итак: из 500 г пшеничной муки, 1 ст. л. молока, 100 г сахарного песка, 2 желтков, 100 г сливочного масла, 1/2 ч. л. соли и 30 г дрожжей приготовьте дрожжевое тесто без закваски. Взошедшее тесто положите на подготовленный лист, выровните пласт толщиной 1 см и дайте подойти. 500 г ревеня очистите от кожицы, нарежьте очень мелкими кусочками, посыпьте сахаром и дайте как следует пропитаться. Тесто посыпьте любым натертым печеньем и положите сверху засахаренный ревень. Сок, образовавшийся от засахаривания, подлейте к 100 г сметаны, которая взбита с 1 яйцом и натертой лимонной коркой. Получившейся смесью залейте ревень. Печь надо в духовке со средним жаром примерно 30 минут. Остывший пирог нарежьте продолговатыми кусочками.**

И все же, боюсь, что несмотря на чудесный пирог, вы по-прежнему относитесь к английской кухне с предубеждением. Тогда давайте еще раз обратимся к роману Ивлина Во, и я попробую разубедить вас:

«— Если вы не против, — сказал полковник Блаунт, — я предпочитаю не разговаривать во время еды.

И они приступили к завтраку. Завтрак длился без малого час. Они ели заячий суп и вареную рыбу, тушеную печенку и копченый бараний окорок под соусом из мадеры, фазанье жаркое и ромовый омлет, поджаренный сыр и фрукты. Пили сначала херес, потом бордо, потом портвейн...»

На фоне всего этого великолепия пусть не покажется вам слишком скромным рецепт так называемых «папиных гренок по-валлийски», блюда, основной ингридиент которого — самый излюбленный в Великобритании сыр — чеддер, и которое является одним из древнейших горячих сырных блюд в мире.

Натрите на терке 250 г чеддера и распустите его на водяной бане, постепенно подливая 1/4 л пива (если у вас не окажется пива, возьмите обыкновенный эль, тоже неплохо). Постоянно перемешивая, добавьте взбитое яйцо, 1/4 ч. л. порошка горчицы; чуть-чуть соли и перца. Взбивайте до тех пор, пока не получится густой крем. Обжарьте 8 ломтиков белого хлеба, слегка намажьте маслом, а вверху положите толстый слой сырной массы. Запекайте гренки в предварительно подогретой духовке при 180° или в гриле в течение 10 минут.

С чеддером можно приготовить и омлет. Впрочем, омлет можно приготовить и со спаржей, и с грибами, и с крабами — в любом случае помните, что для этого нужна чугунная сковорода с выпуклыми стенками. Знатоки никогда не моют такую сковороду, а лишь протирают ее после употребления.

Взбейте 8 яиц с 2 ст. л. сливок, 1/2 ч. л. перца, 1 ч. л. соли, добавив самую чуточку натертого мускатного ореха. Туда же положите 2/3 натертого чеддера (всего понадобится 200 г сыра). На горячую сковороду со сливочным маслом вылейте полученную смесь и жарьте на небольшом огне минут 10, слегка встряхивая сковороду, чтобы яичная масса распределялась равномерно. Сверху посыпьте оставшийся сыр и запекайте еще в течение 2—3 минут. Затем сложите омлет пополам и подавайте горячим с зеленым салатом, маслинами, поджаренным картофелем и молодым горошком.

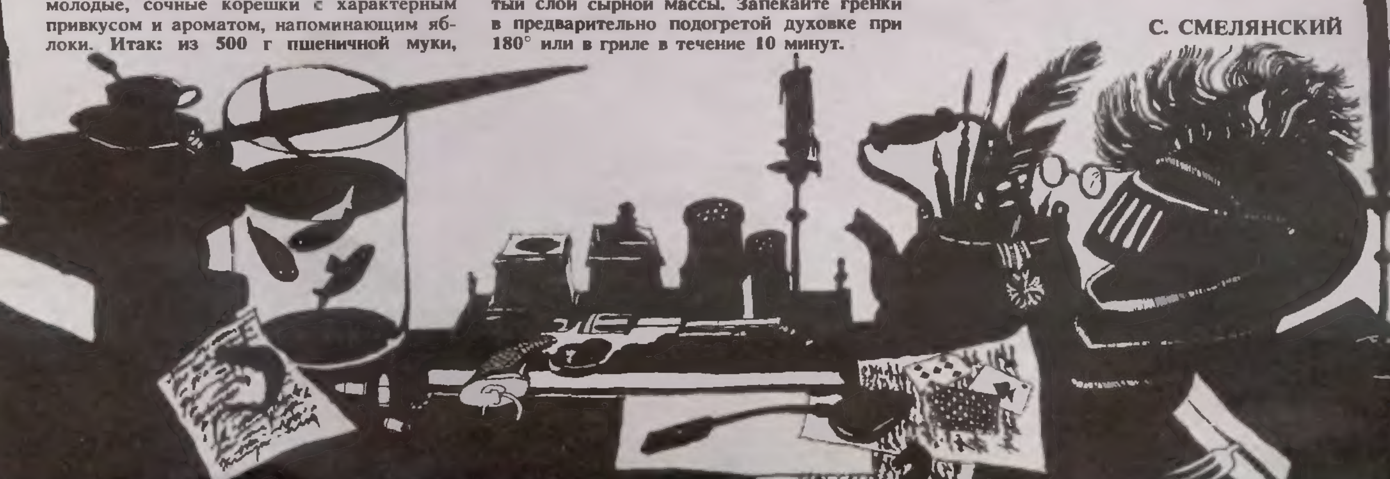
Ну вот и подошло время десерта. Что вы скажете о «торте мокко по-английски»? **Если вы согласны, то вам понадобятся: для теста — 175 г масла, столько же сахара, 5 яиц, 2 ст. л. клубничного джема, по 175 г горького шоколада и муки, полпачки разрыхлителя и 50 г молодого миндаля, а для крема — по 250 г сливочного масла и сахарной пудры, 2 желтка, натертая кожура апельсина и 4 кофейных ложечки растворимого кофе.**

Сахар растереть с маслом до образования пышной массы. Один за другим добавить яичные желтки, джем и предварительно расплавленный на водяной бане шоколад. Затем прибавить муку, разрыхлитель и миндальные орехи, а в самом конце ввести взбитые в пену белки. Смазанную жиром форму заполнить тестом и выпекать при 180° в течение 60—70 минут. Остывший торт разрезать на 4 пласта, смазать их кремом и снова сложить.

Крем готовится так: масло растереть с сахаром до получения пышной массы, затем добавить желтки, апельсиновую цедру и растворимый кофе. Готовый торт обмазать кремом, а сверху украсить взбитыми сливками, цукатами или посыпать фисташками.

Теперь, надеюсь, вы убедились, что британская кухня значительно лучше, чем слава о ней.

С. СМЕЛЯНСКИЙ

ISSN 0321—0561.
В МИРЕ КНИГ 1989.
№ 4. 1—88.
Индекс 70110
90 коп.

«Прославленный литератор» Козьма Прутков всегда предоставлял художникам небывалый простор для зримого истолкования своего творчества. Вот такой увидел его «записную книжку» чешский художник Юри Шаламун.